

ДЖОРДАН БЕЛФОРТ

ВОЛК С УОЛЛ-СТРИТ

Блокбастер
«Волк с Уолл-стрит»
во всех кинотеатрах страны!
Режиссер: Мартин Скорсезе
Бюджет: 100 000 000 \$
В главной роли:
Леонардо
Ди Каприо

Стать миллионером в 24, все потерять в 35...

Волк с Уолл-стрит

Джордан Белфорт

Волк с Уолл-стрит

«АСТ»

2007

Белфорт Д.

Волк с Уолл-стрит / Д. Белфорт — «АСТ», 2007 — (Волк с Уолл-стрит)

ISBN 978-5-17-081713-9

Автор этой книги — знаменитый делец с Уолл-стрит, биржевой брокер-махинатор, основатель одной из крупнейших финансовых «прачечных» конца XX века. Каждая страница его мемуаров так и дышит гламуром 1990-х: самые быстрые тачки, самые длинные яхты, самые роскошные женщины — и на все это проливается непрерывный дождь хрустящих денежных купюр. Жизнь-сказка, фантастический успех, за которым следует столь же головокружительное падение: предательство друзей, тюремный срок за мошенничество, пожизненный запрет на профессию... В общем, настоящее голливудское кино — не даром же великий Мартин Скорсезе снял по этой книге один из самых дорогих фильмов в истории Голливуда, и главную роль в нем исполнил Леонардо ди Каприо...

ISBN 978-5-17-081713-9

© Белфорт Д., 2007
© АСТ, 2007

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	37
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	71
Глава 10	74
Часть II	83
Глава 11	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Джордан Белфорт

Волк с Уолл-стрит

Посвящается Чэндлер и Картеру – моим чудесным детям.

От автора

Это книга воспоминаний, правдивый рассказ о наиболее интересных событиях моей жизни. В особо оговоренных случаях имена и характерные черты некоторых персонажей книги изменены, чтобы защитить их частную жизнь. Я записал диалоги в том виде, в каком их запомнил, и в некоторых случаях ради большей увлекательности повествования объединил несколько событий и отрезков времени.

Пролог Простофиля

– Ты ничтожнее самого жалкого мерзавца, – сказал мой новый босс, когда он в первый раз вел меня через брокерский зал компании «Эл-Эф-Ротшильд». – У тебя ведь с этим проблемы, правда, Джордан?

– Нет, – ответил я. – Никаких проблем.

– Хорошо! – прорычал босс и пошел дальше.

Мы пробирались сквозь лабиринт письменных столов красного дерева, опутанных черными телефонными проводами. Лабиринт находился на двадцать четвертом этаже башни из стекла и алюминия, возносившей все свои сорок и один этаж над Манхэттеном, над прославленной Пятой авеню. Брокерский зал был просторным, примерно пятьдесят на семьдесят футов. Обстановка просто подавляла: все эти письменные столы, телефоны, компьютерные мониторы – и наглые яппи, их было аж семьдесят человек. Все они в эту минуту – было 9:20 утра – сидели без пиджаков, развалившись в своих креслах, читали «Уолл-стрит джорнэл» и явно наслаждались своим положением Хозяев Вселенной.

Быть Хозяином Вселенной казалось мне чрезвычайно завидной участью, и, когда я шел мимо этих наглых яппи в своем дешевом синем костюме и дешевых туфлях, я страстно желал стать одним из них. Но мой новый босс тут же вернул меня с небес на землю.

– *Твоя работа*, – он глянул на пластиковый бейджик на синем лацкане моего дешевого пиджака, – *твоя работа*, Джордан Белфорт, – это работа дозвонщика. Значит, ты пятьсот раз в день будешь набирать телефонные номера, пытаешься прорваться к боссам через их секретарей. Ты не будешь пытаться ничего продать, не будешь ничего советовать и не будешь ничего создавать. Ты просто будешь дозваниваться до хозяев компаний.

Он на мгновение остановился, а затем изрыгнул новую порцию яда.

– А когда ты, *наконец*, дозвонишься, то скажешь только: «Здравствуйте, Мистер Такой-то, с вами хотел бы поговорить Скотт» – после чего передашь трубку мне и начнешь дозваниваться следующему. Как думаешь, справишься? Или это слишком сложно для тебя?

– Справлюсь, – уверенным тоном ответил я, хотя паника накрыла меня с головой, словно огромное цунами. Стажировка в «Эл-Эф-Ротшильд» должна была продлиться шесть месяцев. Эти месяцы, судя по всему, будут суровыми и изнурительными, ведь мне придется полностью зависеть от таких придурков, как этот Скотт, который, казалось, только что вылутился из пузыря, поднявшегося к поверхности из самых страшных глубин бездонной преисподней яппи.

Искоса поглядывая на него, я решил, что Скотт похож на золотую рыбку. Он был лысым и бледным, а жалкий венчик волос, сохранившийся у него на голове, был грязно-рыжего цвета. Он был чуть старше тридцати, довольно высокий, с узким черепом и розовыми пухлыми губами. Он носил бабочку, и это выглядело смешным. За очками в тонкой металлической оправе таращились выпученные карие глаза, и в целом выглядел он совершенно пресным, вылитая рыба. Точнее, золотая рыбка.

– Хорошо, – пробурчала мерзкая золотая рыбка, – теперь основные правила: никаких перерывов, никаких личных звонков, никаких пропусков по болезни, никаких опозданий, никакого безделья. На обед у тебя тридцать минут...

Он остановился, наслаждаясь произведенным эффектом.

– ...и я бы на твоём месте возвращался с обеда вовремя, потому что пятьдесят человек жаждут занять твоё место, если ты его профукаешь.

Он шел дальше, не умолкая ни на минуту, а я следовал за ним на шаг сзади, завороченный мерцанием котировок, тысячами оранжевых строк, скользивших по серым монито-

рам компьютеров. В передней части комнаты зеркальное окно открывало вид на небоскребы манхэттенского Мидтауна. Передо мной высился Эмпайр-Стейт-билдинг. Он был выше всего остального и, казалось, поднимался прямо к небесам, чтобы и вправду поскрести их. Это был обалденный вид, вполне достойный молодого Хозяина Вселенной. Но в ту минуту заветная цель, казалось, отодвигалась от меня все дальше и дальше.

– По правде сказать, – шипел Скотт, – я не думаю, что ты создан для этой работы. Ты похож на мальчишку, а Уолл-стрит – это не место для юнцов. Это место для киллеров. Место для хладнокровных наемников. Так что в *одном смысле* тебе повезло: здесь не я решаю, кого взять на работу.

И он несколько раз саркастически хмыкнул.

Я прикусил язык и промолчал. Дело было в 1987 году, и казалось, что всем миром заправляют придурки-яппи вроде Скотта. Уолл-стрит того времени представляла собой один безумный рынок, игравший на повышение и каждый день выплевывавший в мир дюжину свежеспеченных миллионеров. Деньги были дешевы, и как раз тогда парень по имени Майкл Милкен придумал свои «мусорные» облигации – очень рискованные, но зато высокодоходные бумаги, которые изменили весь подход корпоративной Америки к бизнесу. Это было время безудержной жадности и буйных излишеств. Это была эра яппи.

Когда мы подошли к столу Скотта, мой мучитель повернулся ко мне и сказал:

– Джордан, повторяю еще раз: ты здесь ниже всех! Ты не будешь *говорить* по телефону, ты – *дозвонщик*.

Каждое его слово было исполнено презрения.

– И до тех пор, пока ты не сдашь свой брокерский экзамен, вся твоя вселенная будет состоять из непрерывного дозвона. Именно поэтому ты ничтожнее, чем самый ничтожный мерзавец. Тебя это напрягает?

– Вовсе нет, – ответил я, – эта работа идеально для меня подходит, потому что я *действительно* хуже самого жалкого мерзавца.

И я пожал плечами с самым удрученным видом. В отличие от Скотта я-то не похож на золотую рыбку, и пока он вглядывался в мое лицо, пытаюсь найти на нем следы иронии, я ощущал нечто похожее на гордость. Ничего, что я не слишком высок ростом и в свои двадцать четыре года был все еще похож на невинного подростка – при входе в бар у меня все еще частенько спрашивали документы. Зато у меня были светло-каштановые волосы, нежная кожа оливкового цвета и большие голубые глаза. Все вместе выглядело неплохо.

Но, увы, я не лгал, когда сказал Скотту, что я чувствую себя хуже, чем самый жалкий мерзавец. По сути дела, таким я себя и ощущал. Дело заключалось в том, что я только что угробил свое первое деловое начинание, и мое самоуважение рухнуло вместе с ним. Это была плохо продуманная инвестиция в производство морепродуктов, и к моменту, когда этот бизнес рухнул, я был уже в полной заднице и с двадцатью шестью арендованными грузовиками на руках – все они были взяты напрокат под мои личные обязательства и теперь приносили одни убытки. Так что меня осаждали банки-кредиторы, а некая воинственно настроенная женщина из «Америкэн Экспресс» (судя по голосу – бородатая и весом фунтов триста) угрожала по телефону «лично дать мне под зад, если я не заплачу все, что должен». Я уж было хотел сменить свой телефонный номер, но за телефон я тоже давно не платил и телефонная компания тоже за мной охотилась.

Скотт предложил мне присесть рядом с ним к его столу и произнес несколько ободряющих, но довольно язвительных слов:

– Смотри на все со светлой стороны! Если каким-то чудом тебя не уволят за лень, глупость, безалаберность или опоздания, то, *может быть*, ты однажды сможешь стать брокером.

Он самодовольно посмеялся собственной шутке.

– И ты должен знать, что в прошлом году я заработал больше трехсот тысяч долларов, а другой парень, с которым ты будешь работать, заработал больше миллиона.

Больше миллиона? Оставалось только воображать, каким мерзавцем должен быть этот другой парень. Мое сердце сжалось, и я спросил:

– А кто он? Как его зовут?

– Какая разница? – спросил меня мой мучитель. – Тебе-то какое дело?

У меня было ощущение, что я завербовался в морскую пехоту. Похоже, любимый фильм этого подонка Скотта – «Офицер и джентльмен», а любимый персонаж – сержант в исполнении Лу Госсета, муштрующий рядового. Но я оставил все эти сравнения при себе, сказав только:

– Да нет, никакого дела, просто любопытно.

– Его зовут Марк Ханна, и скоро ты с ним познакомишься.

С этими словами Скотт протянул мне пачку каталожных карточек, на каждой из которых были написаны имя и номер телефона какого-нибудь богатого бизнесмена.

– Улыбнись и давай звони! – приказал он. – И не вздумай до полудня хоть на секунду остановиться.

Засим он плюхнулся в кресло, выхватил «Уолл-стрит джорнэл», задрал на стол ноги в черных модельных туфлях из крокодиловой кожи и углубился в чтение.

Но только я снял трубку, как на мое плечо легла чья-то сильная рука. Я обернулся и сразу же понял, что передо мной – тот самый Марк Ханна. Как и подобает настоящему Хозяину Вселенной, он просто излучал ауру успеха. Он был крупным парнем – под два метра и, похоже, состоял в основном из мускулов. У него были черные как смоль волосы, темные глаза, внимательный и уверенный взгляд, и его крупное лицо не портили даже многочисленные рубцы от угрей. Он был красив красотой типичного обитателя даунтауна, и мне даже померещился запах травки, словно он принес его на себе из Гринвич-Виллиджа. Этот чувак просто сочился харизмой.

– Джордан? – спросил он с подчеркнутым дружелюбием.

– Он самый, – ответил я обреченно, – ничтожный мерзавец высшего сорта, к вашим услугам!

Он засмеялся, и накладные плечи его серого костюма в тонкую полоску поднимались и опускались с каждым смешком. Затем, куда громче, чем требовало расстояние между нами, он спросил:

– Вижу, ты уже познакомился с нашим местным Главным Засранцем? – и он мотнул головой в сторону Скотта.

Я кивнул. Ханна подмигнул мне.

– Не переживай: здесь я старший брокер, а он просто игрок, да еще и дрянной к тому же. Так что можешь не обращать внимания ни на то, что он уже сказал, ни на то, что он еще скажет тебе в будущем.

Я не выдержал и все-таки покосился на Скотта, который именно в этот момент взорвался:

– Да пошел ты, Ханна!

Марк, впрочем, не обиделся. Он просто пожал плечами, обошел вокруг моего стола, поместив весь свой массивный корпус между Скоттом и мною, и продолжил:

– Не обращай на него внимания. Говорят, ты первоклассный продавец. Через год этот придурок будет целовать твою задницу.

Я улыбнулся, одновременно польщенный и несколько обескураженный.

– Кто это вам сказал, что я первоклассный продавец?

– Стивен Шварц, тот парень, что взял тебя на работу. Он сказал, что ты впарил ему акции прямо во время интервью, – Марк снова засмеялся. – Ты произвел на него большое впечатление, он рекомендовал мне внимательнее к тебе присмотреться.

– Неужели? А я боялся, что он меня не возьмет. Там двадцать человек сидели в очереди на интервью, поэтому я решил, что надо очень быстро произвести на него впечатление, – я пожал плечами. – Он, правда, сказал потом, что в дальнейшем мне надо будет вести себя скромнее.

Марк ухмыльнулся.

– Ну, знаешь, может, и «скромнее», но уж точно не слишком скромно. Если занимаешься бизнесом, нужно уметь прессовать. Люди не *покупают* акции, людям *продают* акции. Никогда про это не забывай.

Он сделал паузу, чтобы дать возможность этим словам запечатлеться у меня в мозгу.

– Но в любом случае мистер Засранец, сидящий вон за тем столом, был прав в одном: работа дозвонщика – это паршивая работа. Я занимался этим семь месяцев подряд, и каждое утро мне хотелось повеситься. Поэтому я открою тебе маленький секрет, – тут Ханна заговорщицки понизил голос, – *притворяйся*, что дозваниваешься, но при каждой возможности сачкуй.

Он улыбнулся, подмигнул, а затем снова заговорил нормальным голосом.

– Пойми меня правильно. Я хочу, чтобы ты дозвонился для меня как можно большему количеству людей, потому что я на этом зарабатываю деньги. Но я не хочу, чтобы ты в конце концов вскрыл себе из-за этого вены. Потому что я просто ненавижу вид крови!

Он снова подмигнул.

– Так что отдыхай чаще. Пойди в сортир и подрочи, если тебе вдруг этого захочется. Я лично так и делал, и мне это всегда замечательно помогало. Уверен, тебе нравится дрочить, не так ли?

Этот вопрос меня в тот момент совершенно потряс, но я скоро узнал, что на Уолл-стрит не говорят обиняками. Такие обращения, как «дерьмо», «пошел ты...», «ублюдок», «жопа», использовались здесь так же часто, как «да», «нет», «спасибо» и «пожалуйста». Я храбро сказал:

– Ну да, мне нравится дрочить. А кому не нравится?

Ханна кивнул с явным облегчением.

– Хорошо, очень хорошо. Дрочить – это крайне важно. А еще я тебе всячески рекомендую наркоту, особенно кокаин – он тебе поможет быстрее набирать номера, а это будет очень хорошо для меня.

Он остановился, словно вспоминая еще какой-нибудь мудрый совет, но, кажется, они у него закончились.

– В общем, вот как-то так, – закруглился Ханна, – пожалуй, мне сейчас больше нечего тебе посоветовать. Но не волнуйся, салага, все будет хорошо. Когда-нибудь ты будешь вспоминать этот разговор, и тебе станет очень весело, вот это я тебе обещаю.

Он снова улыбнулся мне и плюхнулся за свой стол с телефоном.

Через мгновение в зале раздался громкий звонок, объявивший об открытии рынка. Я взглянул на свой «таймекс», купленный неделю назад за четырнадцать баксов в дешевом магазине «Джей Си Пенни». Было ровно девять тридцать утра, 4 мая 1987 года, мой первый день на Уолл-стрит.

И как раз в этот момент из динамика раздался голос Стивена Шварца, главы отдела продаж «Эл-Эф-Ротшильд»:

– О`кей, джентльмены. Фьючерсы сегодня утром выглядят хорошо, в Токио много покупают...

Стивену было всего тридцать восемь, но только за один предыдущий год он заработал больше двух миллионов долларов (образцовый Хозяин Вселенной!).

– ...Похоже, на открытии сразу произошел скачок на десять пунктов, – говорил его голос из динамика. – Итак, джентльмены, давайте-ка все за телефоны... и да здравствует рок-н-ролл!

В ту же секунду в комнате начался настоящий ад. Ноги в крокодиловых туфлях были сброшены со столов, листы «Уолл-стрит джорнэл» полетели в корзины для бумаг, рукава рубашек в одну секунду были закатаны выше локтей, и брокеры один за другим хватили трубки телефонов и принимались набирать номера. Я тоже схватил трубку и тоже набрал номер.

Через несколько минут все, кто был в зале, бешено расхаживали по нему, дико жестикулируя и крича в трубки, отчего в помещении стоял дикий рев. Я впервые услышал рев брокерского зала Уолл-стрит, больше всего похожий на рев огромной толпы. Я никогда не забуду этот момент, ведь этот звук полностью изменил мою жизнь. Этот адский рев издавали молодые люди, которых захлестнула алчность и амбиции, молодые яппи, которые в этот момент продавали свои сердца и души богатым бизнесменам по всей Америке.

– «Минискрайб» – это невероятно выгодная покупка! – вопил в трубку круглолицый яппи. Ему было двадцать восемь лет, у него была сильнейшая кокаиновая зависимость и годовой доход в 600 тысяч долларов. – Что-что говорит ваш брокер из Западной Виргинии? Господи! Может, он и хорошо разбирается в акциях угольных шахт, но, сэр, на дворе восьмидесятые! Высокие технологии – вот на что надо ставить!

– У меня пятидесятидневные июльские фьючерсы на пятьдесят тысяч! – кричал в трубку другой брокер за два стола от него.

– У них нет денег! – надрывался третий.

– Да я вообще не зарабатываю на этой сделке! – клялся своему клиенту еще один яппи.

– Вы что, шутите? – рычал в трубку Скотт. – Меньше? Да когда я поделюсь своей комиссией с компанией и заплачу налоги, мне даже на корм собачий не хватит!

То и дело один из брокеров победоносно бросал трубку, быстро заполнял бланк регистрации сделки, мчался к трубе пневматической почты, укрепленной на одной из колонн, на которые опирался потолок зала, засовывал бланк в стеклянный цилиндр и провожал его взглядом, когда устройство всасывало цилиндр и уносило его ввысь. Таким способом бланк добирался до отдела торговых операций в другом конце здания, а оттуда его переправляли на Нью-Йоркскую фондовую биржу для исполнения. Потолок специально сделали низким, чтобы разместить над ним трубы пневматической почты, и поэтому казалось, что он вот-вот рухнет вам на голову.

К десяти часам утра Марк Ханна уже трижды успел сбегать к колонне и, кажется, собирался вот-вот идти к ней опять. Он так мастерски говорил по телефону, что я, слушая его, ощущал себя полным ничтожеством. Казалось, он чуть ли не извиняется перед своими клиентами, хотя на самом деле он железной рукой держал их за горло.

– Сэр, позвольте вам заметить, – вкрадчиво говорил Марк председателю правления компании из списка «Форчун 500», – я горжусь тем, что разбираюсь в этом. И моя цель – помочь вам не только овладеть ситуацией, но и выпутаться из нее. – Он говорил мягко, почти нежно, и это производило поистине гипнотическое действие. – Я хотел бы в течение долгого времени способствовать приумножению вашего дохода, помочь вам сделать ценные инвестиции в ваш бизнес и в благосостояние вашей семьи.

Через две минуты Марк уже стоял у пневматической почты с заказом на покупку акций некоей компании «Майкрософт» на четверть миллиона долларов. Я никогда раньше не слышал о «Майкрософт», но, похоже, это была хорошая компания. Во всяком случае, за одну эту сделку Марк получил комиссию в три тысячи долларов. У меня в кармане тем временем болтались семь баксов.

К двенадцати часам голова у меня шла кругом, и к тому же я умирал от голода. Точнее так: у меня шла голова кругом, я умирал от голода и вдобавок обливался потом. Но главное, что я попался на крючок. Рев толпы брокеров проник в поры моей кожи и отозвался в каждой частичке моего существа. Я *знал*, что справлюсь с такой работой. Я *знал*, что могу выполнять ее не *хуже*, чем Марк Ханна, а может быть, и *лучше*. Ведь я тоже могу быть нежным, как шелк.

К собственному моему удивлению, я так и не спустился на лифте вниз и не потратил половину своего состояния на два хот-дога и кока-колу. Вместо этого я вместе с Марком Ханной поднялся на самый верх, на 41-й этаж, в пентхаус, где располагался роскошный ресторан «На вершине шестерок»¹. В обеденное время здесь собиралась вся элита, здесь Хозяева Вселенной накачивались мартини и делились друг с другом эпизодами военных действий.

Как только мы вошли в ресторан, метрдотель по имени Луи ринулся к Марку и принялся энергично трясти его руку, приговаривая, как замечательно, что тот пришел сюда в такой чудесный полдень понедельника. Марк протянул ему пятьдесят долларов (отчего я чуть не захлебнулся слюной), и Луи провел нас к угловому столику, откуда открывался потрясающий вид на Верхний Вест-Сайд и на мост Джорджа Вашингтона.

Марк улыбнулся метрдотелю:

– Луи, принеси нам первым делом два мартини с водкой «Абсолют». А потом, – он взглянул на свой массивный золотой «ролекс», – ровно через семь с половиной минут принеси еще парочку. А затем приноси по два каждые пять минут – до тех пор, пока один из нас не отрубится.

Луис кивнул.

– Разумеется, мистер Ханна. Превосходная стратегия.

Я смущенно улыбнулся Марку и виновато сказал:

– Извините, но я... ну, в общем... в общем, я не пью.

Затем я повернулся к Луису и попросил:

– Принесите мне просто кока-колы. И больше ничего.

Луи и Марк переглянулись с таким видом, будто я только что признался в каком-то отвратительном пороке. Затем Марк сказал метрдотелю извиняющимся тоном:

– Это его первый день на Уолл-стрит, Луи. Давай дадим ему время.

Луис строго посмотрел на меня и поджал губы:

– Конечно-конечно, все понятно. Не волнуйтесь, юный сэр, вы очень скоро тоже станете алкоголиком.

Марк энергично кивнул:

– Хорошо сказано, Луи! Но все равно – принеси-ка ему на всякий случай мартини, вдруг он передумает? В крайнем случае я за него выпью.

– Замечательно, мистер Ханна. Вы с вашим другом будете также и есть? Или только пить?

«Что за чушь несет этот Луи? – подумал я. – Довольно странный вопрос в обеденное время». Но, к моему удивлению, Марк сказал, что он сегодня, пожалуй, ничего не хочет и что есть буду только я. Луи подал мне меню и отправился за напитками. Через секунду я понял, почему Марк не голоден: он сунул руку в карман пиджака, вытащил оттуда баночку с белым порошком, открыл крышку, зачерпнул крошечной ложечкой искрящуюся на свету горстку самого мощного природного подавителя аппетита – кокаина – и втянул огромную порцию своей правой ноздрей. Затем он повторил процедуру с левой ноздрей.

Я был поражен. Я просто глазам своим не верил! Прямо здесь, в ресторане? В окружении десятков Хозяев Вселенной?! Я покосился на соседние столики, пытаюсь понять, заметил ли это кто-нибудь. Кажется, никто не заметил, и теперь я понимаю, что в любом случае никому не было до этого дела. Все были слишком заняты, накачиваясь водкой, скотчем, джином, бурбоном или еще каким-нибудь вредным веществом, оплаченным из их невероятно раздутых бумажников.

– Ну, давай! – Марк протянул мне баночку с кокаином. – Вот он, настоящий билет на Уолл-стрит. Не считая шлюх, конечно.

---

¹ Top of the Sixes. Здание, в котором происходит дело, расположено по адресу: 666 Fifth Avenue.

Шлюх? Я был поражен еще больше. Честно говоря, я никогда не имел с ними дела. Более того, я был влюблен в девушку и собирался жениться. Ее звали Дениз, и она была великолепна снаружи и внутри – ее внутренний мир был столь же прекрасен, как и ее внешность. Вероятность того, что я могу ей изменить, была, казалось мне, меньше нуля. Что же касается кокаина, то я, конечно, бывал на вечеринках, когда учился в колледже, но с тех пор прошло уже несколько лет, в течение которых я ничего, кроме травки, не употреблял.

– Нет, спасибо, – ответил я слегка смущенно, – у меня с коксом не очень хорошо складывается. Я становлюсь... ну как бы слегка психом. Не могу ни спать, ни есть, и, в общем... у меня настоящая паранойя начинается. Он правда плохо на меня действует. Очень плохо.

– Никаких проблем, – ответил Марк, зачерпывая новую порцию из баночки, – но я точно могу сказать одно: именно кокаин поможет тебе выживать здесь изо дня в день!

Он покачал головой и пожал плечами.

– Работа брокера – паршивая работа. Пойми меня правильно: бабки и все такое – это круто, но ты же ничего не создаешь, ты ничего не *строишь*. Так что со временем все это становится довольно однообразным, – он замолчал, будто подбирая нужные слова. – По сути дела, мы просто мерзкие спекулянты. Никого из нас не интересует, почему те или иные акции идут вверх. Мы просто играем в дартс: продаем да покупаем. Да ты скоро сам это поймешь.

Следующие несколько минут мы рассказывали друг другу о себе. Марк вырос в Бруклине, в районе Бэй-Ридж – не самый спокойный квартал, насколько мне было известно.

– Как бы ни сложилась жизнь, – говорил он, – никогда не встречайся с девушкой из Бэй-Ридж. Они все чертовы психопатки!

Он зачерпнул еще щепотку кокаина и добавил:

– Последняя из тех, с кем я встречался, воткнула в меня карандаш, когда я спал! Можешь себе представить?

В этот момент появился официант в смокинге и поставил на стол напитки. Марк поднял свой двадцатидолларовый мартини, а я свою восьмидолларовую кока-колу. Марк сказал:

– За Доу-Джонс! Пусть взлетит до пяти тысяч пунктов!

Мы чокнулись.

– И за твою карьеру на Уолл-стрит! – добавил Марк. – Желаю тебе добиться успеха в этом паршивом деле и при этом сохранить хотя бы часть своей бессмертной души!

Мы улыбнулись друг другу и снова чокнулись.

Если бы в тот момент кто-нибудь сказал мне, что всего через несколько лет я стану хозяином ресторана, в котором сейчас сижу, а Марк Ханна вместе с половиной других брокеров «Эл-Эф-Ротшильд» будет работать на меня, я решил бы, что этот человек не в себе. А если бы тот добавил, что я буду одну за другой вдыхать дорожки кокаина в баре этого самого ресторана под восхищенными взглядами дюжины высококлассных брокеров, то я подумал бы, что этот человек окончательно свихнулся.

Но это было только начало. Дело в том, что как раз в это время в другом месте происходили важные вещи, казалось бы, не имевшие ко мне никакого отношения. Начнем с такой мелочи, как появление *портфельного страхования* – метода автоматического страхования портфеля ценных бумаг с помощью компьютерных систем, который однажды положит конец бешеному росту котировок и за один день обрушит Доу-Джонс сразу на 508 пунктов. Цепь событий, которые последуют за этим, почти невозможно было себе вообразить в то время. На Уолл-стрит одна за другой будут рушиться брокерские компании, и «Эл-Эф-Ротшильд», занимавшаяся банковскими инвестициями, тоже будет вынуждена прекратить свое существование. И тогда начнется настоящее безумие.

Я предлагаю вам собственную реконструкцию этого безумия – сатирическую историю периода, который, как выяснилось потом, оказался одним из самых диких эпизодов в истории Уолл-стрит. Я буду рассказывать вам с теми самыми интонациями, которые зазвучали в

моем голосе уже в то время, – интонациями циничной, эгоистической, омерзительно ироничной болтовни. Именно так я воспринимал тогда события моей жизни, полной безудержного гедонизма. Эти интонации помогали мне развращать других людей, манипулировать ими – и наполнять хаосом и безумием жизнь целого поколения молодых американцев.

Я вырос в Квинсе, в районе Бэй-Сайд, в семье среднего класса, где такие слова, как «черномазый», «латинос», «итальяшка» и «косоглазый», считались самыми грязными из всех возможных и их не произносили ни при каких обстоятельствах. В доме моих родителей сурово осуждались любые предрассудки: считалось, что они достойны лишь низших, непросвещенных членов общества. Я всегда помнил это – ребенком, подростком и даже в разгар своего безумия. И тем не менее во времена, которые я описываю, подобные грязные словечки слетали с моего языка с невероятной легкостью. Конечно, я размышлял над этим – и убеждал себя, что я на Уолл-стрит, где нет места для околичностей и светской вежливости.

Почему я рассказываю вам все это? Потому что хочу, чтобы вы знали, кто я на самом деле и, что еще важнее, кем я не являюсь. А еще потому, что у меня двое детей и однажды мне многое придется им объяснить. Мне придется объяснить, как случилось, что их любящий папочка – тот самый папочка, который сейчас возит их на футбол, ходит на родительские собрания, сидит дома в пятницу вечером и в два счета может соорудить им салат «Цезарь», – был когда-то столь мерзким типом.

Но прежде всего я искренне надеюсь, что рассказ о моей жизни послужит предупреждением – как для богатых, так и для бедных, для каждого, кто подносит к ноздре ложечку или глотает таблетки; для каждого, кто собирается растратить таланты, полученные от Бога; для того, кто собирается перейти на темную сторону силы и погрузиться в безудержный гедонизм. И для каждого, кто считает, что быть Волком с Уолл-стрит – это круто.

Часть I

Глава 1

Волк в овечьей шкуре

Шесть лет спустя

Безумие распространяется очень быстро. К зиме девяносто третьего года у меня было жуткое чувство, будто я получил главную роль в одном из реалити-шоу, которые чуть позже станут так популярны. Мое личное шоу называлось «Богатые и никчемные», и с каждым днем богатства и никчемности в нем становилось все больше.

Я создал брокерскую фирму под названием «Стрэттон-Окмонт», которая скоро превратилась в одну из самых больших и самых безумных брокерских контор в истории Уолл-стрит. На бирже поговаривали, что у меня вырвалась наружу подсознательная жажда смерти и что я, конечно, загоню себя в гроб, не дожив и до тридцати. Но я знал, что это чушь: мне только что исполнился тридцать один год, и я был все еще жив и полон энергии.

В тот день, в ночь на среду в середине декабря, я сидел за штурвалом своего вертолета «Белл Джет», который я только что поднял с вертолетной площадки на Тридцатой улице и теперь вел его в мою усадьбу в Олд-Бруквилле на Лонг-Айленде. В моих венах бушевало такое количество наркотиков, что его хватило бы, чтобы вырубить все население страны размером примерно с Гватемалу.

Было около трех часов утра, и мы летели на скорости сто двадцать узлов над западной оконечностью залива Литтл-Нек-бэй. Помню, я как раз размышлял о том, как все-таки здорово, что у меня получается лететь по прямой несмотря на то, что в глазах у меня двоится, и вдруг я осознал, что совершенно «поплыл». В следующую секунду вертолет резко пошел вниз, и навстречу нам с устрашающей скоростью понеслись свинцовые воды залива. Несущий винт вертолета жутко вибрировал, а в моих наушниках зазвучал панический крик второго пилота:

– Господи, босс! Вытягивай вверх! Наверх! Мы же разобьемся, мать твою!

Потом мы снова выровнялись.

Мой преданный и верный второй пилот, капитан Марк Эллиот, одетый во все белое, сидел перед собственным штурвалом, однако имел строгий приказ прикасаться к нему только в том случае, если я потеряю сознание или если возникнет непосредственная опасность того, что мы врежемся в землю. Теперь он взял в свои руки управление вертолетом, и это, наверное, было лучшее, что можно было сделать в тот момент.

Капитан Марк был типичным военным пилотом – с квадратной челюстью, из тех мужиков, один вид которых внушает доверие. Квадратным был не только подбородок: казалось, что все его тело состояло из приваренных один к другому квадратов. Даже его черные усы имели форму четкого прямоугольника и были укреплены на поджатой верхней губе, словно аккуратная щетка, изготовленная промышленным способом.

Мы взлетели с Манхэттена минут за десять до этого, после бесконечного вечера вторника, во время которого события совершенно вырвались из-под моего контроля. Вечер начался вполне невинно, хотя дело происходило в модном ресторане «Канастель» на Парк-авеню, где я ужинал со своими молодыми брокерами. Но каким-то образом я в конце концов оказался в президентском люксе отеля «Хелмсли-Пэлас», где невероятно дорогая шлюха по имени Венеция с губами такими пухлыми, будто ее укусила пчела, и липкими чреслами пыталась с помощью свечки, засунутой мне в зад, помочь мне достичь эрекции, однако у нее так ничего и не получилось.

Вот почему я теперь так сильно опаздывал (точнее – опаздывал на пять с половиной часов) и в очередной раз был полным дерьмом в глазах моей преданной и любящей второй жены Надин. Она была настоящая праведница и при этом – мастерица драться. Меня она избивала неоднократно.

Может быть, вы как-нибудь видели Надин по телевизору: это та самая сексуальная блондинка, что гуляла по парку с фрисби и собачкой в рекламе пива «Миллер лайт», которую крутили во время «Футбола по понедельникам». Она в этом ролике почти ничего не говорит, но это никого не волновало. Всю работу за нее делали ее ноги, ну и еще ее попа – даже более круглая, чем бывает у пуэрториканок, и такая упругая, что от нее прямо монетки отскакивали. Как бы то ни было, мне вскоре предстояло испытать на себе праведный гнев Надин.

Я сделал глубокий вдох и постарался прийти в себя. Теперь я чувствовал себя вполне прилично. Я сказал в переговорное устройство, что готов снова взять на себя управление вертолетом. Мой капитан Губка Боб Квадратные Штаны был в этом не совсем уверен и выглядел слегка взволнованным, поэтому я улыбнулся ему своей лучшей улыбкой и сказал в микрофон несколько подбадривающих слов:

– Чуак, ы поуишь адбау за ужу в оосо оасых уовиах! – разумеется, я имел в виду: «Чувак, ты получишь надбавку за службу в особо опасных условиях».

– *Круто!* – ответил капитан Марк, передавая мне управление. – Не забудь мне напомнить, когда придет время ее получать. Если, конечно, нам сегодня удастся приземлиться.

Он безнадежно покачал своей квадратной головой и добавил:

– Ты бы лучше закрыл левый глаз перед посадкой. Тогда двоиться не будет.

Этот квадратный капитан был очень толковым парнем и хорошим профессионалом – и, кстати, он тоже не дурак повеселиться. Поэтому он не только был единственным лицензированным пилотом в кабине вертолета, но еще и капитаном 167-футовой моторной яхты «Надин», названной в честь моей вышеупомянутой жены.

Я радостно поднял вверх оба больших пальца, чтобы показать капитану, что я готов к посадке. Потом осмотрелся и попытался понять, где я, собственно, нахожусь. Прямо перед собой я видел полосатые красно-белые трубы Рослина – пригорода, населенного богатыми евреями. Эти трубы означали, что я приближаюсь к центру Золотого берега острова Лонг-Айленд, где, собственно, и находится мой Олд-Бруквилл. На Золотом берегу неплохо жить – особенно если вам нравятся белые англосаксонские протестантские девушки из старинных благородных семей и скаковые лошади, которые стоят немереных денег. Я лично не уважаю ни тех ни других, но каким-то образом оказался владельцем табуна лошадей, приобретенных за безумные деньги, и постоянно пребывал в окружении целого табуна белых англосаксонских протестанток с голубой кровью, которые, очевидно, считали меня чем-то вроде молодого еврейского циркача.

Я взглянул на альтиметр. Вертолет находился на высоте триста футов и стремительно мчался вниз под углом градусов в тридцать. Я покрутил шеей, словно профессиональный боец, выходящий на ринг, и начал спускаться еще круче, пронесся над полем Бруквильского гольф-клуба, резко подал штурвал вправо, чуть не задел пышные кроны деревьев на Хеджманс-лэйн и, наконец, нацелился прямо на лужайку позади моего особняка.

Изо всех сил нажимая на педали, я сумел добиться того, чтобы вертолет завис на высоте примерно двадцать футов над землей, а затем попытался совершить посадку. Чуть-чуть левую педаль, чуть-чуть правую, чуть меньше тяги, чуть-чуть штурвал от себя... и тут вертолет вдруг с шумом свалился на лужайку, подскочил и снова взлетел.

– О чет! – промычал я, видя, что мы стремительно набираем высоту, запаниковал, навалился на штурвал, и вертолет тут же снова полетел вниз, как булыжник в воду. А затем вдруг БАХ! – и мы приземлились.

Я снова покрутил шеей. *Вот это было круто!* Пусть эту посадку нельзя было назвать идеальной, ну и что с того? Я повернулся к своему дорогому капитану и отчетливо произнес:

– Чуак, я молодес, молодес я, чуак?

Капитан Марк склонил голову, его прямоугольные брови поднялись на самый верх квадратного лба, как будто он собирался сказать: «Ты что, идиот, совсем свихнулся?» Но затем он медленно кивнул и изобразил на лице кривую улыбку:

– Молодец, чувак. Должен это признать. Ты ведь не забыл закрыть левый глаз?

Я закивал.

– Эсо посто колдство, – бормотал я, – ты крусой!

– Хорошо. Я рад, что ты так думаешь, – хмыкнул капитан. – Ну, мне в любом случае надо уматывать отсюда, пока нас не поймали. Хочешь, я позвоню охране, чтобы они тебя проводили до дома?

– Нет, все в порядке, чуак, все в порядке.

После этого я отстегнул ремень безопасности, в шутку отдал честь капитану Марку, открыл дверь кабины и нечаянно вывалился наружу. Потом я встал, повернулся, закрыл дверь кабины и два раза постучал по ней, чтобы показать капитану, что я не забыл ее закрыть, и почувствовал от всего этого огромное удовлетворение – насколько человек в моем состоянии вообще может что-нибудь чувствовать. Потом я снова развернулся и побрел к дому, прямо в центр тайфуна «Надин».

Вокруг все было великолепно. Небо было покрыто бесчисленными яркими звездами. Было необычно тепло для декабря. Дул легкий ветерок, и воздух был полон земляного, лесного запаха, напоминавшего мне о детстве. Я вспомнил ночи в летнем лагере. Вспомнил своего старшего брата Роберта, который недавно перестал со мной общаться, потому что его жена пригрозила подать на одного из моих приятелей в суд за сексуальные домогательства, а я после этого пригласил Роберта в ресторан, нажрался до соплей и назвал его жену «задницей». Но все равно вспоминать о Роберте было приятно: это были воспоминания о куда как более простом периоде моей жизни.

До главного здания моего поместья оставалось около двухсот ярдов. Я глубоко вдохнул, наслаждаясь окружающими ароматами. *Как здесь прекрасно пахло!* Здесь всюду была высажена бермудская трава! А как сильно пахли сосны! А сколько вокруг раздавалось нежных звуков! Бесконечный треск цикад! Таинственное уханье совы! Как журчит вода, вытекающая из пруда и падающая вниз искусственным водопадом!

Я купил это поместье у председателя Нью-Йоркской фондовой биржи Дика Грассо и затем вложил несколько миллионов в различные усовершенствования – и большинство этих денег утекло в этот дурацкий пруд и искусственный водопад, а остальное было потрачено на ультрасовременное помещение для охраны и систему безопасности. В домике охраны двадцать четыре часа в сутки дежурили двое вооруженных телохранителей, и обоих звали Рокко. Там были установлены ряды телевизионных мониторов, на которые передавалось изображение с двадцати двух камер видеонаблюдения, расположенных по периметру поместья. Каждая камера была соединена с датчиком движения и прожектором, так что кольцо безопасности получалось совершенно непроницаемым.

Размышляя об этом, я вдруг ощутил сильнейший порыв ветра и обернулся, чтобы посмотреть, как вертолет улетает в темноту. Затем сделал несколько маленьких шажков назад, потом маленькие шажки сменились большими шагами, а потом... *О черт! Что делать! Я сейчас сваляюсь в грязь!* Я развернулся и сделал два огромных шага вперед, вытянув руки, словно большие крылья. Я несколько раз споткнулся, словно потерявший равновесие конькобежец, пытающийся найти центр тяжести. А затем вдруг... ослепительная вспышка света!

– *Какого черта!* – я закрыл руками глаза, защищаясь от резкого света прожекторов. Похоже, я наступил на один из датчиков движения и теперь попался в лапы своей собственной

системы безопасности. Свет был совершенно невыносимым: ведь у меня из-за наркоты зрачки были размером чуть ли не с блюдце.

И, наконец, последнее унижение: мои элегантные модные туфли из крокодиловой кожи заскользили, я опрокинулся навзничь и грохнулся на спину. Через несколько секунд прожектор погас, я медленно отвел руки от глаз и прижал ладони к мягкой траве.

– *Какое прекрасное место я выбрал для того, чтобы приземлиться!* – что-то, а падать я умел, знал, как это сделать наименее болезненным способом. Секрет заключался в том, чтобы просто отдаться падению, как делают голливудские каскадеры. Мало того, мои любимые колеса – транквилизатор под названием «кваалюд» – удивительным образом делали мое тело словно резиновым, и это защищало меня от каких-либо травм.

Я отогнал неправильную мысль о том, что, собственно, именно из-за кваалюда я и упал. В конце концов, эти таблетки обладали огромным количеством преимуществ, и, похоже, мне даже очень повезло, что я подсел именно на них. Подумайте, многие ли наркотики растаскивают с такой силой – и при этом безо всякого отходняка на утро? А человек в моем положении – то есть обремененный огромной ответственностью – не может себе позволить отходняка, это исключено!

Что касается жены... ну, полагаю, она сейчас вполне имеет право на небольшой семейный скандал, но, с другой стороны, какие у нее основания сердиться? Ведь когда она выходила за меня замуж, она же понимала, во что ввязывается, правда? Черт возьми, она же до этого была моей любовницей! Это уже говорит о многом, не так ли? И что уж я такого особенного сегодня натворил? Ничего ужасного... по крайней мере, ничего такого, что она сможет доказать.

Вот такие мысли снова и снова крутились в моем вывернутом наизнанку мозгу – я пытался мыслить логично, оправдывался, затем сомневался, а затем опять представлял все логичным до тех пор, пока мне не удалось наконец возбудить в себе благородное негодование. Да, думал я, некоторые вещи, происходящие между богатыми людьми и их женами, не изменились с каменного века или, по крайней мере, со времен Вандербильтов и Асторов. Конечно, люди, облеченные властью, должны иметь право на... на некоторые вольности, которые вправе позволить себе... в общем, эти люди, то есть я... должны иметь полное право! Конечно, я бы не стал говорить это прямо в лицо Надин – она ведь весьма склонна к физическому насилию и к тому же крупнее меня или по крайней мере таких же размеров, как и я (еще одна причина для недовольства).

Тут я услышал жужжание мотора электрического гольфмобиля. Это, наверное, едет Ночной Рокко, а может быть, и Дневной Рокко, не помню, когда там у них меняется смена. Как бы то ни было, один из Рокко ехал, чтобы доставить меня домой. Удивительно, как все всегда хорошо устроивается. Когда я падаю, то всегда находится кто-нибудь, кто меня подбирает, когда меня ловят за рулем в нетрезвом виде, то всегда находится продажный судья или полицейский, с которым можно договориться, а если я отрубался за ужином и мог бы утонуть в тарелке с супом, то моя жена (а в ее отсутствие какая-нибудь добросердечная шлюха) приходила на помощь и делала мне искусственное дыхание рот в рот.

Наверное, я *неуязвимый* – или что-то в этом роде. Сколько раз я играл со смертью? Невозможно посчитать. Может, я правда хотел умереть? Неужели чувство вины и угрызения совести так грызли меня изнутри, что я действительно пытался убить себя? Да это же просто уму непостижимо! Я был на грани смерти тысячу раз, но не получил ни царапины. Я водил машину в стельку пьяным, управлял вертолетом под кайфом, ходил по карнизу небоскреба, нырял с аквалангом, проигрывал миллионы долларов в казино по всему миру и по-прежнему выглядел моложе двадцати одного года.

У меня было много прозвищ: Гордон Геккон, Дон Корлеоне, Кайзер Соза, меня даже называли Королем. Но моим любимым прозвищем был Волк с Уолл-стрит, потому что я и вправду был таким – настоящим волком в овечьей шкуре: я выглядел как ребенок, я вел себя

как ребенок, но я не был ребенком. Мне был тридцать один год (а по сути дела все шестьдесят), я жил собачьей жизнью, и поэтому у меня один год шел за семь. Но я был богат и могуществен, у меня была великолепная жена и четырехмесячная дочка – само совершенство.

Но, как говорится, все хорошо, пока все правильно. Каким-то образом (я не знал еще точно, каким) я доберусь до шелкового стеганого одеяла за 12 тысяч долларов и усну в королевской спальне, задрапированной таким количеством белого китайского шелка, которого хватило бы на целый эскадрон парашютистов. А моя жена... Ну, она меня простит. Рано или поздно, но она всегда меня прощает.

С этой мыслью я отрубился.

Глава 2

Герцогиня Бэй-Риджская

13 декабря 1993

На следующее утро – или, точнее, через несколько часов – мне приснился потрясающий сон. Такой сон надеется и жаждет увидеть любой молодой мужчина, и я решил досмотреть его до конца. Я был один в постели, и ко мне пришла в гости шлюха Венеция. Она встала на колени на краю моей великолепной огромной кровати и застыла, а я не мог дотянуться до этого прекрасного маленького видения. Я отчетливо видел ее... соблазнительная грива каштановых волос... тонкие черты лица... налитые буфера, невероятные чресла, скользкие от жадности и желания.

– Венеция, – пролепетал я, – иди сюда, Венеция. Иди ко мне, Венеция!

Венеция поползла ко мне на коленях. У нее была светлая кожа, сиявшая на фоне шелка... шелк... шелк был повсюду. Сверху свисал огромный балдахин из белого китайского шелка. Занавеси из белого китайского шелка спускались со всех четырех углов кровати. Как много китайского шелка... Я тону в этом белом китайском шелке. Тут в моем мозгу защелкали цифры: такой шелк стоит 250 долларов за ярд, а здесь, наверное, ярдов двести. Значит, тут белого китайского шелка на 50 тысяч долларов. Неплохо для белого шелка, блин.

Но это же сделала моя жена, мой милый Подающий Надежды Декоратор – нет, постой-ка, надежду стать декоратором она подавала в прошлом месяце. Теперь она, кажется, Подающий Надежды Повар? Или Подающий Надежды Ландшафтный Дизайнер? Или знаток вин? Или дизайнер одежды? Кто может уследить за всеми ее чертовыми увлечениями?! Это так утомительно... так утомительно быть женатым на будущей Марте Стюарт.

Как раз в этот момент я вдруг почувствовал, что на меня упала капля воды. Я посмотрел вверх. Что за черт? Грозовые облака? Как в мою королевскую спальню могли пробраться грозовые облака? Где моя жена? *О черт! Моя жена! Моя жена! Ураган «Надин»!*

ПЛЮХ!

Я мигом вынырнул из сна и увидел перед собой злое, но все равно восхитительное лицо моей второй жены Надин. В правой руке она держала пустой трехсотграммовый стакан, а левая была сжата в кулак, украшенный бриллиантом в семь каратов канареечного цвета и в платиновой оправе. Она стояла меньше чем в пяти футах от меня и покачивалась на пятках, как профессиональный борец. Я быстро сказал себе: следи за кольцом.

– Какого черта ты это сделала? – заорал я, стараясь обрести уверенность. Затем начал вытирать мокрые глаза тыльной стороной ладони, украдкой следя из-под пальцев за действиями противника. *Ох, какая же у нее попа!* Даже сейчас я не мог не отдать ей должное. К тому же на Надин была крошечная розовая ночная рубашка, такая короткая и с таким вырезом, что моя жена выглядела в ней еще более голой, чем без нее. А ее ноги! Господи, как же они восхитительны. Но сейчас нельзя отвлекаться. Мне надо быть суровым, неприступным и показать, кто здесь главный. Я прорычал сквозь сжатые зубы:

– Господом богом клянусь, Надин, я тебя сейчас убью к чертовой матери.

– Ох, как ты меня напугал, блин, – издевательски протянула моя светловолосая бомба.

Затем с подчеркнутым омерзением передернула плечами, и из-под розовой рубашечки выглянули маленькие розовые соски. Я старался не смотреть на них, но это было нелегко.

– Может, мне лучше убежать и спрятаться? – округлив глазки и сделав кукольный ротик, лепетала Надин. – А может, наоборот? – с каждым словом она повышала голос, – может, мне остаться здесь и *как следует надрать тебе задницу?!*

Последние слова она уже провизжала во все горло.

Ну что же, может быть, здесь сейчас действительно командует *она*? О`кей, о`кей, она условно имеет право на супружескую сцену, отрицать это невозможно. К тому же у герцогини Бэй-Риджской был ужасный характер. Да-да, она действительно была английской герцогиней, она же родилась в Англии, и у нее все еще был британский паспорт. Она не забывала то и дело напоминать мне об этом удивительном факте. Впрочем, все это было скорее забавно, так как она никогда не жила в Британии: она переехала в Бруклин еще ребенком и выросла здесь – в краю пропущенных согласных и искореженных гласных, где слова типа «черт», «дерьмо», «ублюдок» и «жопа» срываются с языка юных туземцев с поэтической небрежностью, достойной Т. С. Элиота и Уолта Уитмена. Так что Надин Кариди – моя очаровательная англо-ирландско-шотландско-немецко-норвежско-итальянская беспородная герцогиня – быстро научилась вязать длинные цепочки из ругательств примерно в те же годы, когда она научилась завязывать шнурки на своих роликах.

Шутка-то, выходит, жизненная, думал я не раз, вспоминая, как Марк Ханна много лет назад шутливо предостерегал меня, чтобы я никогда не водился с девушками из Бэй-Ридж. Его девушка однажды вонзила в него карандаш, пока он спал. А моя Герцогиня предпочитала обливать меня водой. Так что мне еще повезло.

В любом случае, когда Герцогиня злилась, то казалось, что слова, вылетавшие у нее изо рта, родились не иначе как в бруклинской канализации. И никто не злил ее больше, чем я, ее преданный и верный муж, ее любимый Волк с Уолл-стрит, который меньше пяти часов назад валялся в президентском люксе отеля «Хелмсли-Пэлас» со свечкой в заднице.

– А теперь отвечай, маленький говнюк, – вопила Герцогиня – кто такая эта чертова Венеция, ну?

Она замолчала и сделала агрессивный шаг вперед, а затем вдруг остановилась, надменно демонстрируя свои бедра, отставила в сторону одну длинную голую ногу и сложила руки под сиськами так, что ее соски буквально вывалились на всеобщее обозрение. И сказала:

– Держу пари, это какая-то шлюшка, – и пронзительно посмотрела мне в глаза своими прищуренными огромными голубыми глазищами. – Думаешь, я не знаю, что у тебя в голове? Сейчас я еще раз в твою бесстыжую харю... ах ты маленький!..

С этими яростными воплями она промчалась через всю спальню по сделанному на заказ серо-бежевому ковру ценой в 120 тысяч долларов и скрылась в ванной, до которой от меня было футов тридцать. Я слышал, как она включила воду, снова наполнила стакан и вернулась в спальню еще в два раза злее, чем до этого. Она с такой яростью сжимала зубы, отчего ее квадратная челюсть фотомодели еще больше выдалась вперед. *Далеко вперед*. Выглядела она как настоящая Адская Герцогиня.

Я тем временем пытался собраться с мыслями, но она слишком быстро передвигалась. Мне не хватало времени подумать. Чертов кваалюд! Из-за него я опять разговаривал во сне. *Черт!* Что же я такое сказал? Я перебрал в мозгу разные варианты: лимузин... отель... наркотики... шлюха Венеция... со свечкой... *О боже! Чертова свечка!* – как бы поскорее забыть об этом?

Я посмотрел на электронные часы на ночном столике: они показывали 7:16. Господи! Когда же я вернулся домой? Я потряс головой, стараясь прочистить мозги. Провел рукой по волосам – какие же они были мокрые! Похоже, она вылила воду прямо мне на голову. Моя собственная жена! А потом назвала меня маленьким – маленьким говнюком! Почему она меня так назвала? Я не такой уж маленький! Герцогиня иногда могла быть очень жестокой.

Тем временем моя фурия была уже на расстоянии всего пяти футов от меня, и в руке она держала стакан с водой, а локоть оттопырила в сторону: ее любимая позиция для броска! Выражение ее лица? *Чистый смертельный яд*. И все-таки... до чего же она хороша! И дело не только в ее огромной светлой шевелюре, но и в сверкающих яростью голубых глазах, великолепных скулах, маленьком носике, идеальном нежном овале лица, подбородке с маленькой

ямочкой, в ее нежных юных сиськах – они чуть-чуть поникли из-за того, что она кормила Чэндлер, но это легко можно будет исправить с помощью десяти тысяч долларов и острого скальпеля. А ее ноги... Господи боже мой, ее длинные голые ноги были вообще вне конкуренции! Как идеально они выглядели, какими тонкими были ее лодыжки и как при этом соблазнительно они выглядели выше колен. Ноги и задница – это, конечно, были ее главные активы.

Я впервые увидел Герцогиню три года назад. Она выглядела настолько соблазнительно, что в результате я бросил свою добрую старую Дениз – заплатив ей разом несколько миллионов отступных плюс пятьдесят штук алиментов в месяц, чтобы она тихо ушла, не натравив аудиторов на мои счета.

И как же быстро все пошло наперекосяк! Что вообще я такого сделал? Сказал во сне несколько слов? В чем здесь преступление? В данном случае Герцогиня явно перегибала палку. По сути дела я сейчас тоже имел полное право прийти в ярость... Или лучше попытаться закончить всю эту историю небольшим примирительным сексом? Это ведь самый лучший секс на свете. Я глубоко вздохнул и сказал с видом оскорбленной невинности:

– Чего ты злишься? Я... я совершенно ничего не понимаю.

Герцогиня склонила свою светловолосую голову – так поступает человек, услышавший нечто, абсолютно противоречащее законам логики.

– Ты не *понимаешь*? – процедила она. – Ты, блин, не понимаешь?! Ах ты... маленький ублюдок!

Опять «маленький»! Невероятно!

– С чего бы мне начать? Может быть, с того, что ты прилетел сюда на своем идиотском вертолете только в три часа ночи? И даже не соизволил позвонить и сказать, что ты задерживаешься. Так, по-твоему, ведут себя женатые мужчины?

– Но я...

– И к тому же отцы семейства! Ведь ты теперь отец! А ведешь себя, как будто ты еще ребенок, блин! И разве тебя волнует, что я только что засадила это идиотское поле для гольфа бермудской травой? Ты, наверное, все там к чертовой матери погубил!

Она с отвращением покачала головой, а затем понеслась дальше:

– Да тебе же наплевать! Ведь это же не ты изучал все детали, общался с дизайнерами и строителями. Ты хоть представляешь себе, сколько времени я потратила на этот твой идиотский гольф? Представляешь, ты, бесчувственный ублюдок?

Ага, значит, в этом месяце она у нас Подающий Надежды Ландшафтный Архитектор! Но какой, однако, сексуальный архитектор. Должен быть способ успокоить ее. Какие-нибудь волшебные слова.

– Моя сладенькая, пожалуйста, я...

С расстановкой сквозь сжатые зубы:

– Я! Тебе! Не! Сладенькая! И не смей больше никогда называть меня сладенькой!

– Но сладенькая...

ПЛЮХ!

На этот раз я был наготове и успел натянуть на голову двенадцатитысячное шелковое одеяло, так что оно приняло на себя большую часть ее праведного гнева. По правде говоря, на меня не попало ни капли воды. Но, увы, моя победа была только временной, и к тому моменту, когда я стащил одеяло с головы, она уже неслась обратно в ванную, чтобы снова наполнить стакан.

Теперь она возвращалась. Стакан был полон до краев, голубые глаза испускали смертельные лучи, челюсть фотомодели выдвинулась вперед чуть ли не на милю, а ее ноги... Господи! Я не мог отвести от них глаз. Впрочем, на это все равно теперь не было времени. Волку пора было снова становиться опасным. Волку пора показать свои клыки.

Я вытащил руки из-под белого шелкового одеяла, стараясь не зацепиться за тысячи маленьких, нашитых вручную жемчужин. Потом я слегка расставил локти, словно крылышки у цыпленка, чтобы раздраженная Герцогиня могла увидеть с высоты птичьего полета мои мощные бицепсы. И громко и решительно сказал:

– Не смей обливать меня водой, Надин. Я серьезно говорю! Я разрешил сделать тебе это дважды, чтобы ты дала выход своей злости, но продолжать дальше... это все равно что втыкать нож в мертвое тело, и так уже лежащее в луже крови. Это же омерзительно, блин!

Она приостановилась – но только на секунду. Затем издевательским тоном заметила:

– Что ты тут выгибаешь руки? Ты выглядишь как полный идиот!

– Я вовсе ничего не выгибаю, – ответил я, перестав выгибать руки. – Тебе разве не нравится, что у тебя муж в такой хорошей форме, а, милая?

Я улыбнулся ей своей самой обаятельной улыбкой:

– Ну а теперь иди скорее сюда и поцелуй меня!

Как только эти слова слетели с моего языка, я понял, что совершил ошибку.

– Поцеловать *тебя*? – прошипела Герцогиня. – Ты что, блин, издеваешься?

Она просто кипела от омерзения.

– Да я готова отрезать к чертовой матери твои яйца и засунуть их в какую-нибудь коробку из-под своих туфель! Чтобы ты их никогда больше не нашел!

О господи, она была права! Ее шкаф для туфель был размером со штат Делавэр, и мои яйца затерялись бы там навсегда. Я сказал тоном максимального смирения:

– Пожалуйста, дай я тебе все объясню, моя сла... – то есть моя милая. Пожалуйста. Умоляю тебя!

Ее лицо неожиданно смягчилось.

– Я тебе не верю, – сказала она, шмыгнув носом. – За что мне это? Я хорошая жена. Красивая жена. И при этом мой муж возвращается домой под утро и разговаривает во сне с другой женщиной!

Она с омерзением протянула:

– «О-о-о! Венеция... Иди ко мне, Венеция!»

О господи! Сколько неприятностей может доставить этот кваалюд. Теперь она плакала. Просто ужас. Как же мне затащить ее в постель, если она плачет? Мне нужно как-то переключить передачу, придумать какую-то новую стратегию.

Я сказал голосом, которым обычно разговаривают с тем, кто стоит на краю обрыва и угрожает прыгнуть вниз:

– Миленькая, поставь, пожалуйста, на место этот стакан с водой и перестань плакать. Пожалуйста. Я все тебе объясню, честное слово.

Медленно, неохотно она опустила стакан до уровня талии.

– Ну давай, – сказала она недоверчиво, – послушаем еще одну сказку профессионального лжеца.

Это было правдой. Волк *действительно* был профессиональным лжецом, хотя в этом-то и заключалась сама суть Уолл-стрит. Влиятельным брокером можно было стать только с помощью лжи. Все это знали, и лучше всех – Герцогиня, так что она, в общем-то, не имела права сердиться на это. Но я сделал вид, что не заметил ее сарказма, взял короткую паузу, чтобы получше продумать свой лживый рассказ, и начал:

– Во-первых, ты все вывернула наизнанку. Я не позвонил тебе вчера вечером только потому, что понял, что задерживаюсь, уже почти в одиннадцать. Я знаю, как ты ценишь возможность пораньше лечь, и решил, что ты уже спишь и поэтому не имеет смысла звонить.

Герцогиня тут же взорвалась:

– Ох, какой же ты заботливый, блин! Пойду поблагодарю судьбу за то, что у меня такой заботливый муж! – ее слова сочли сарказмом, словно гноем.

Я проигнорировал сарказм и решил пойти напролом:

– И насчет Венеции ты тоже поняла абсолютно неправильно. Я говорил вчера с Марком Паркером о том, чтобы открыть ресторан в Венеции, штат Калиф...

ПЛЮХ!

– Ах ты чертов лгун! – завопила она, срывая шелковый халат, задуманный в тон всей комнате, со спинки стула, обитого неприлично дорогой белой тканью. – Чертов лгун!

Я демонстративно вздохнул с видом оскорбленной невинности.

– Ну хорошо, Надин, ты сегодня уже повеселилась. А теперь иди ко мне в кровать и поцелуй меня. Я все равно тебя люблю, хоть ты и облила меня с головы до ног.

Ух, как она на меня посмотрела!

– Ты что же это... похоже, хочешь *потрахать*ся?

Я с энтузиазмом закивал – просто-таки семилетний мальчуган, отвечающий мамочке на вопрос о том, не хочет ли он мороженого.

– Отлично, – завопила Герцогиня, – ну так и трахни сам себя!

С этими словами ее соблазнительная светлость Герцогиня Бэй-Риджская рывком открыла дверь – тяжелую дверь из красного дерева весом в семьсот фунтов и высотой в двенадцать футов, достаточно прочную, чтобы выдержать ядерный взрыв в двенадцать килотонн, – и вышла из комнаты... тихонько прикрыв ее за собой. Дело в том, что если бы она хлопнула дверь, то отправила бы неправильный сигнал всем нашим слугам сразу.

Вот каким был причудливый зверинец нашей прислуги: пять приятных пухленьких испаноязычных служанок (две из которых были мужем и женой); няня с Ямайки, за чьи телефонные разговоры с родственниками приходили счета на тысячу долларов в месяц; электрик-израильтянин, ходивший за Герцогиней, как влюбленный щенок; домашний мастер, «белая рвань» с мотивацией подсевшего на героин морского слизняка; моя личная служанка Гвинн, выполнявшая любое мое пожелание, каким бы странным оно ни казалось. Затем Рокко и Рокко, два вооруженных телохранителя, охранявшие нас от предполагаемых воров (несмотря на то, что последняя кража в Олд-Бруквилле произошла в 1643 году, когда белые поселенцы украли у индейцев землю, на которой теперь стоит городок); пять садовников на полной ставке, причем трех из них успела покусать моя шоколадно-коричневая лабрадориха Салли, кусавшая каждого, кто осмеливался приблизиться меньше чем на сто ярдов к колыбельке Чэндлер, – особенно если кожа этого человека была темнее, чем бежевый крафтовый пакет. И, наконец, недавнее добавление к зверинцу – два морских биолога (тоже на полной ставке, тоже муж с женой), которые за 90 тысяч в год поддерживали экологический баланс в нашем кошмарном пруду. Ну и, конечно же, Джордж Кэмпбелл, черный как смоль водитель моего лимузина, ненавидевший всех белых, включая и меня.

И вот, несмотря на всю эту толпу людей, работавших в заведении «У Белфорта», я в данный момент находился в полном одиночестве, абсолютно мокрый, в невероятном сексуальном возбуждении и в полной зависимости от своей второй жены – блондинки, подававшей надежды сразу во всем. Я поискал глазами что-нибудь, чем можно было бы вытереться. Схватил одну из занавесей белого китайского шелка и попытался вытереться ею. Оказалось, что это совершенно невозможно: похоже, шелк был обработан каким-то водоотталкивающим составом, поэтому он просто перегонял воду с одного места на другое. Я оглянулся – наволочка! Она была из египетского хлопка, из ткани плотностью, наверное, три миллиона ниток на квадратный дюйм. Она наверняка стоила целое состояние – *мое состояние!* Я стащил наволочку с набитой гусиным пером подушки и принялся вытираться. Ах, как приятен и мягок на ощупь египетский хлопок! Как он здорово впитывает воду! У меня сразу поднялось настроение.

Я решил выбраться из лужи и переполз по кровати на половину жены. Мне хотелось натянуть одеяло на голову и снова окунуться в теплую глубину моего сна. Вернуться к Венеции. Я глубоко вздохнул.

О черт! Здесь повсюду пахло Герцогиней! Я сразу почувствовал, как кровь прилила к моим половым органам. Боже, Герцогиня была крайне соблазнительным зверем и запах издавала соблазнительный! Теперь придется дрочить. В конце концов, власть Герцогини надо мной начинается и заканчивается ниже пояса.

Но как только я начал ублажать себя, как в дверь постучали.

– Кто там? – спросил я достаточно громко, чтобы меня услышали за дверью, достойной бомбоубежища.

– *Это Гви-инн!* – отозвалась Гвинн.

Ах, Гвинн – это ее очаровательный южный акцент! Как это успокаивает! Вообще, все в Гвинн успокаивало. И то, как она исполняла все мои желания, и то, как она меня обожала, словно я был ребенком, которого она и ее муж Уилли так никогда и не смогли зачать.

– Входи, – нежно позвал я.

Дверь бомбоубежища с легким скрипом открылась.

– *Доброе утро (до-оброе утро-о)!* – пропела Гвинн. В руках у нее был поднос из чистого серебра. На нем стоял высокий стакан некрепкого кофе со льдом и баночка байеровского аспирина. На левой руке Гвинн висело белое банное полотенце.

– Доброе утро, Гвинн, как у тебя дела в это прекрасное утро? – спросил я шутливо.

– Все хорошо (*все-е хорошо-о*)! Я вижу, вы лежите со стороны вашей жены, так что я обойду оттуда и подам вам ваш кофе со льдом. А еще я принесла вам хорошее мягкое полотенце, чтобы вы могли вытереться. Миссис Белфорт сказала мне, что вы нечаянно облились водой.

Невероятно! Марта Стюарт наносит ответный удар! Я вдруг увидел, что из-за моей эрекции белое шелковое одеяло было похоже на цирковой шатер – *черт!* – пришлось стремительно согнуть колени.

Гвинн обошла кровать и опустила поднос на старинный ночной столик, стоявший у постели со стороны Герцогини.

– Позвольте, я вас вытру, – сказала Гвинн, нагнулась и начала промокать белым полотенцем мой лоб, словно я был маленьким ребенком.

Черт возьми! Что за чертов цирк творился в этом доме! Я лежал на спине с невероятно возбужденным членом, а моя пятидесятипятiletняя пухлая чернокожая служанка, анахронизм давно ушедших времен, вытирала меня пятисотдолларовым баннным полотенцем с вышитой на нем монограммой. Конечно, Гвинн совершенно не выглядела чернокожей. О нет! Будь так, она была бы слишком нормальна для *этого* дома! Кожа у Гвинн вообще-то была светлее моей. Я думаю, в далеком прошлом, может быть, лет сто пятьдесят назад, когда Юг еще был *настоящим* Югом, ее прапрапрабабушка была тайной возлюбленной какого-нибудь богатого плантатора с юга Джорджии.

Одного только приближения ко мне обвисших сисек Гвинн было достаточно для того, чтобы кровь отлила от моего члена и вернулась на место – в печень и лимфатическую систему, где она быстро начнет очищаться. Однако я все же не мог вынести заботливого вида горничной и мягко объяснил, что в состоянии сам вытереть свой лоб.

Кажется, она немного огорчилась, но снова сказала «о`кей» (о-оке-ей):

– Так вам нужен аспирин (*ва-ам ну-ужен аспи-ирин*)?

Я покачал головой.

– Нет, Гвинн, спасибо, все в порядке.

– О`кей (*ооокеей*)! А как насчет маленьких беленьких таблеток для вашей спины? – невинно спросила она. – Хотите, я вам их принесу?

Еще не хватало! Моя собственная служанка в половине восьмого утра предлагает принести мне квалюд прямо в койку! И как, скажите на милость, в таких обстоятельствах не быть постоянно под кайфом? Где бы я ни находился, всюду у меня под рукой были наркотики, они

словно гнались за мной, звали меня по имени. И хуже всего с этим обстояли дела в офисе моей брокерской фирме, где карманы молодых клерков были набиты буквально всеми существующими в природе наркотическими веществами.

Но спина у меня *действительно* болела. У меня были хронические боли в результате странной травмы, произошедшей со мной вскоре после того, как я встретил Герцогиню. Винавата была ее мальтийская болонка – этот маленький белый ублюдок Рокки, который постоянно лаял и занимался только тем, что изводил каждого человека, который ему попадался. Однажды в конце лета в Хэмптоне я пытался прогнать этого мерзавца с пляжа, но маленький ублюдок не слушался меня. Я попытался его поймать, но он нарезал вокруг меня круги, вынуждая бросаться в разные стороны. Это напомнило мне, как Рокки Бальбоа гонял того жирного придурка в фильме «Рокки-2» перед своим повторным боем с Аполло Кридом. Но в отличие от Рокки Бальбоа, который был быстр как молния и в конце концов взял свой реванш, я получил травму диска позвоночника и был на две недели прикован к постели. С тех пор я перенес две операции на спине, но обе они только усилили мою боль.

Так что кваалюд вроде бы как помогал и против боли. А если даже не помогал, то все равно боль была прекрасным поводом для того, чтобы его принимать.

Эту паршивую собачку ненавидел не только я один. Его ненавидели все, кроме Герцогини, его единственной защитницы, по-прежнему разрешавшей этой шавке спать у нее в ногах и жевать ее трусики, что почему-то вызывало у меня страшную ревность. Но было ясно, что Рокки все равно в обозримом будущем будет ошиваться вокруг нас, пока я не придумаю, каким образом избавиться от него, причем так, чтобы Герцогиня не смогла меня в этом обвинить.

Но я все-таки сказал Гвинн:

– Нет-нет, спасибо, не надо кваалюда, – и, казалось, она снова огорчилась. Ведь ей не удалось выполнить ни одну мою прихоть. Но сказала она только:

– О'кей, хорошо, я включила вашу сауну, так что теперь она уже готова (*у-уже-е готова*), – и я еще с вечера приготовила вам одежду. Серый костюм в полоску и тот синий галстук с маленькими рыбками подойдут?

Боже, вот это сервис! Ну вот почему Герцогиня не может быть такой же? Конечно, я платил Гвинн 70 тысяч долларов в год, в два раза больше обычной зарплаты горничной, но все-таки... в ответ я получал сервис с улыбкой! А моя жена только на себя тратила 70 тысяч в месяц – в самом лучшем случае! На самом же деле на все эти свои чертовы надежды она тратила в два раза больше. И я совершенно не возражал, но что-то же я должен получать взамен? Я хочу сказать, что, если у меня иногда возникает потребность развлечься и подвигать членом туда-сюда, разве не должна она сделать мне маленькое одолжение? Конечно, должна! Я даже начал кивать головой, отвечая своим собственным мыслям.

Кажется, Гвинн приняла мои кивки за утвердительный ответ на ее вопрос и сказала:

– О-оке-ей, тогда я пойду и приодену Чэндлер, чтобы она встретила вас хорошенькой и чистенькой. Желаю вам хорошо помыться!

Ура! Ура! Ура! Гвинн ушла. Ну что же, подумал я, благодаря ей у меня, по крайней мере, больше не стоит, так что я лучше готов к встрече с дочкой. О Герцогине я подумаю потом. Она, в конце концов, простая сучка, а всем известно, что сучки очень отходчивы.

Все обдумав, я выпил свой кофе со льдом, принял шесть таблеток аспирина, слез с кровати и поплелся в сауну. Там я выпарил из себя пять таблеток кваалюда, два грамма кокаина, три миллиграмма ксанакса, принятых прошлой ночью, – и если учесть, на что я в принципе был способен, это все можно было считать довольно скромной дозой.

В отличие от моей спальни, полностью задрапированной белым китайским шелком, моя ванная была облицована серым итальянским мрамором, а на полу был выложен изысканный инкрустированный узор, такое умеют делать только итальянские ублюдки. И они не побоялись выкатить мне невероятный счет, можете не сомневаться! Но я спокойно заплатил этим жули-

кам-итальяшкам. В конце концов, в этом заключается суть капитализма двадцатого века: все друг друга обжуливают, и тот, кто делает это лучше всех, тот и выиграл. И в этой игре я был непобедимым чемпионом мира.

Я стал разглядывать себя в зеркале. Господи, какой же я тощий маленький ублюдок! Очень мускулистый, но все-таки... Мне же придется бегать по душевой, чтобы хоть капля воды в меня попала! Может быть, дело в наркотиках? Возможно, но я все равно выглядел неплохо. Рост у меня был всего метр семьдесят, и один очень умный человек когда-то сказал, что никто не может быть *слишком* богатым или *слишком* худым. Я открыл аптечку, достал пузырек визина, запрокинул голову и закапал в каждый глаз по шесть капель – в три раза больше рекомендуемой дозы.

Именно в этот момент у меня в мозгу мелькнула странная мысль: зачем человек злоупотребляет визином? И, кстати, почему я принял целых *шесть* таблеток аспирина? В этом же нет никакого смысла. В общем-то, в отличие от кваалюда, кокаина или ксанакса, где смысл увеличения дозы понятен, не существует никаких осмысленных причин превышать рекомендуемые дозы глазных капель или аспирина.

Однако, по иронии судьбы, именно так и была устроена моя жизнь. В ней всего было слишком много: нарушенных границ, поступков, которые я никогда не думал совершить, людей, еще более необузданных, чем я, от общения с которыми даже моя собственная жизнь начинала казаться почти нормальной.

Я вдруг невероятно пал духом. Как быть с женой? *Господи, что же я натворил на этот раз?* Она, похоже, была *очень* зла сегодня утром!

«Что, интересно, она делает сейчас?» – подумал я. По моим предположениям, она, скорее всего, говорила по телефону с одной из своих подруг, или поклонниц, или хрен знает кем они там были. Она была где-то внизу, делясь совершенными перлами своей мудрости со своими, мягко говоря, далекими от совершенства подругами в искренней надежде, что эти небольшие проповеди сделают их такими же совершенными, как она сама. Ах, это было типично для моей жены, Герцогини Бэй-блин-Риджской! Герцогини и всей этой свиты ее преданных подданных, молодых жен сотрудников «Стрэттон», присосавшихся к ней, будто она была королевой Елизаветой или кем-то в этом роде! От всего этого просто тошнило.

Впрочем, надо признать, что у Герцогини была своя роль и она играла ее хорошо. Она понимала, какое извращенное чувство преданности питали к «Стрэттон-Окмонт» те, кто был так или иначе связан с этой фирмой, она установила тесные отношения с женами главных сотрудников, и это сильно укрепило всю систему. Да уж, соображала Герцогиня хорошо.

Обычно, когда я утром собирался на работу, она заходила ко мне в ванную комнату поболтать. С ней было приятно поболтать в те минуты, когда она не предлагала мне трахнуть самого себя. Но когда предлагала, то я обычно сам бывал в этом виноват, так что винить ее не стоило. По сути дела, мне вообще не в чем было ее винить. Она оказалась классной женой, несмотря на всю эту фигню в духе Марты Стюарт. Она говорила «я люблю тебя» по меньшей мере раз сто в день. А по мере того как день близился к концу, добавляла разные чудесные усилители: *Я тебя отчаянно люблю! Я люблю тебя любого!..* И, конечно же, самое мое любимое – *Я с ума от тебя схожу!* – что мне казалось самым подходящим выражением.

Однако, несмотря на все эти милые слова, я все еще не знал, можно ли ей доверять. В конце концов, она была моей второй женой, а слова стоят дешево. Останется ли она действительно со мной в горе и радости? Все внешние признаки любви были налицо – она постоянно осыпала меня поцелуями, а на людях всегда держала меня за руку, обнимала или ерошила мне волосы.

Все это меня очень смущало. Когда я был женат на Дениз, то подобные вещи меня не беспокоили. Она вышла за меня замуж, когда у меня ничего не было, поэтому в ее преданности сомневаться не приходилось. Но когда я заработал свой первый миллион, у нее, очевидно,

появились мрачные предчувствия, и она спросила меня, почему я не могу получить нормальную работу, где я смог бы зарабатывать миллион в год? Тогда это прозвучало смешно, но в тот день ни она, ни я не подозревали, что меньше чем через год я буду зарабатывать миллион долларов в неделю. И ни она, ни я не знали, что меньше чем через два года Надин Карида, девушка из «Миллер лайт», в день 4 июля подъедет к моему пляжному домику в Вестхэмптоне и выйдет из своего бананово-желтого «феррари» в невероятно короткой юбке и белых туфлях на невероятно высоких каблуках.

Я никогда не хотел причинять боль Дениз. Эта мысль даже не приходила мне в голову. Но я безумно влюбился в Надин, а она в меня. Мы ведь не выбираем, в кого нам влюбляться. А если уже влюбился, особенно такой безумной, всепоглощающей любовью, когда люди не могут прожить друг без друга ни минуты, – как можно отпустить такую любовь?

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул, стараясь загнать все мысли о Дениз куда-то в глубину. В конце концов, вина и угрызения совести – это абсолютно ненужные эмоции. Я знал, что это не совсем так, но у меня просто не было на них времени. Главной моей задачей было движение вперед. Беги как можно быстрее и не оглядывайся. А что касается жены, думаю, что и здесь все как-то устроится.

В общем, я меньше чем за пять минут все уладил у себя в голове, заставил себя улыбнуться своему отражению в зеркале и направился в сауну. Там я выпарю все дурное настроение и начну новый день.

Глава 3

Скрытая камера

Через тридцать минут я завершил свою утреннюю детоксикацию и вышел из своей хозяйской спальни, чувствуя себя заново родившимся. На мне был тот самый серый костюм в полоску, который для меня приготовила Гвинн. На левом запястье красовались тонкие и элегантные золотые часы «Булгари» за 18 тысяч долларов. В былые времена, до появления Герцогини, я носил большой массивный золотой «ролекс». Но Герцогиня, считавшая себя законодательницей хорошего тона, изящества и элегантности, немедленно велела мне с ним расстаться, объяснив, что носить такие часы – признак неотесанности. Я так и не мог понять, откуда она могла знать такие вещи, учитывая, что на самых красивых часах, которые она видела в детстве в Бруклине, наверное, были нарисованы герои Диснея. Но, так или иначе, она в этом разбиралась, и я обычно к ней прислушивался.

Впрочем, неважно. У меня все равно была еще одна вещичка, которой я очень гордился: потрясающая пара сделанных на заказ ковбойских сапог из черной крокодиловой кожи ручной выделки. На каждый сапог пошла целиком кожа одного животного, и поэтому на них не было ни одного шва. Они стоили мне 2400 долларов, и я просто обожал их. Герцогиня, естественно, их презирала. Сегодня я с особой гордостью надел их, надеясь таким образом ясно продемонстрировать жене, что меня нельзя просто так третиловать, пусть она только что именно это и сделала.

Я зашел в комнату Чэндлер, чтобы дать волю своей отцовской любви, – это было мое самое любимое время дня. Чэндлер была единственной по-настоящему чистой частью моей жизни. Каждый раз, когда я брал ее на руки, мне казалось, что я смогу обуздать хаос и безумие.

Приближаясь к детской, я чувствовал, как у меня улучшается настроение. Ей было почти пять месяцев, и она была само совершенство. Но когда я открыл дверь Чэнни – *вот это удар!* Там была еще и ее мамочка! Она все это время пряталась в комнате Чэнни и ждала, когда я приду!

Они сидели посреди комнаты, на самом мягком, самом прекрасном розовом ковре, какой только можно было вообразить. Это была еще одна невероятно дорогая деталь, добавленная в детскую комнату мамочкой (в прошлом – Подающим Надежды Декоратором), *которая, черт возьми, выглядела прекрасно!* Чэндлер сидела между слегка разведенных (*слегка разведенных!*) ног своей мамы; своей нежной спинкой она слегка привалилась к твердому мамочкиному животу, а мамочка поддерживала ее, обнимая ее животик. Обе они выглядели великолепно. Чэнни была копией своей матери, она унаследовала от нее живые голубые глаза и восхитительные скулы.

Я глубоко вдохнул, чтобы сполна насладиться ароматом детской. А-ах! Как там пахло детской присыпкой, детским шампунем и детскими влажными салфетками! Я еще раз вдохнул – на этот раз, чтобы насладиться запахом мамочки. А-ах! Запах ее бог знает откуда привезенных четырехсотдолларового шампуня и кондиционера! А ее гипоаллергенный, сделанный по специальному заказу кондиционер для кожи «Килс», а этот легкий намек на духи «Коко», которыми она так беззаботно душилась! Я почувствовал очень приятное возбуждение во всей моей нервной системе и во всех соответствующих местах.

Сама комната была совершенно идеальна, просто маленькая розовая страна чудес. Повсюду были прихотливо расставлены мягкие игрушки. Справа стояли белая кроватка и детская переноска для ребенка, сделанные на заказ у «Беллини» с Мэдисон-авеню: дешевка, всего-то 60 тысяч долларов (*мамочка наносит ответный удар!*) Над кроваткой висел розово-белый подвесной мобиль, который умел играть двенадцать песенок из диснеевских мультфильмов, а в это время потрясающе реалистично исполненные диснеевские персонажи снова и снова кру-

жились, весело покачиваясь на пружинке. Это была еще одна деталь интерьера, сделанная по эскизу моего дорогого Подающего Надежды Декоратора и стоившая всего лишь 9 тысяч долларов. *За подвесную игрушку?! Да какая разница?* Это же комната Чэндлер, самая прекрасная комната в доме!

Я остановился и посмотрел на жену и дочь. Неожиданно у меня в голове возникли слова «дух захватывает». Чэндлер была совсем голенькая. Ее оливковая кожа была нежной, как масло, и абсолютно безупречной.

А рядом сидела ее мамочка, одетая так, чтобы сразу сразить наповал или, в моем случае, чтобы посильнее помучить. На мамочке было ярко-розовое коротенькое платье без рукавов с огромным декольте. Как потрясающе выглядела ее ложбинка между грудями! Ее восхитительная грива золотистых волос сверкала в лучах утреннего солнца. Платье на бедрах у нее задралось, и мне все было видно аж до талии. В этой картине чего-то не хватало... Но чего? Я никак не мог сообразить и поэтому оставил эту мысль, просто продолжая глазеть. Ее колени были слегка согнуты, и я осмотрел ее ноги по всей длине. Туфли были прекрасно подобраны под цвет платья, совпадая с ним в мельчайших оттенках. Туфли от Маноло Бланика были, наверное, куплены не меньше чем за тысячу баксов, но если хотите знать, о чем я думал в тот момент, то пожалуйста: они того стоили.

В моей голове роилось столько мыслей, что я никак не мог привести их в порядок. Я хотел свою жену сильнее, чем когда-либо... но здесь же была еще и моя дочка... правда, она такая маленькая, что это не имело значения. А как же Герцогиня? Простила ли она меня? Я хотел что-то сказать, но не мог подобрать слов. Я любил свою жену... Я любил свою жизнь... Я любил свою дочку. Я не хотел их терять. Поэтому я в ту же самую секунду принял решение: все, завязываю. Да! Больше никаких шлюх! Никаких полуночных полетов на вертолете! И больше никаких наркотиков – во всяком случае не в таких дозах.

Я хотел заговорить, отдать себя на милость суда, но не успел. Чэндлер меня опередила. *Моя дочка! Маленький гений!* Она улыбнулась от уха до уха! И сказала своим голоском:

– Па-па-па-па-па-па-па...

– Доброе утро, папочка, – сказала мамочка голоском маленькой девочки.

Как это было прекрасно! Как невероятно сексуально!

– Папочка, неужели ты с утра меня не поцелуешь? Я так этого хочу!

Ух! Неужели все так легко получится? Я незаметно скрестил пальцы и решил рискнуть.

– А вы обе меня поцелуете? И мамочка, и дочка? – я вытянул губы и посмотрел на мамочку самым лучшим своим щенячьим взглядом. А сам тем временем возносил молитву Господу.

– Ну нет, – ответила мамочка, и папочка сразу сдулся, – папочка теперь очень, очень долго не будет целовать мамочку. Но его доченька очень хочет, чтобы он ее поцеловал. Правда, Чэнни?

О господи, подруга, это нечестная игра!

А мамочка продолжала сюсюкать своим детским голоском:

– Ну, Чэнни, теперь ползи к папочке. А ты, папочка, наклонись, чтобы Чэнни могла подползти к тебе. Ладно, папочка?

Я сделал шаг вперед.

– Достаточно, – предупредила мамочка, поднимая правую руку, – а теперь наклонись так, как мамочка велела.

Я сделал так, как она велела. В конце концов, кто я такой, чтобы спорить с обошительной Герцогиней? Мамочка положила Чэндлер на ковер и очень нежно подтолкнула ее вперед. Чэндлер поползла ко мне со скоростью улитки, пыхтя «па-па-па-па-па-па».

О-о-о! Какое счастье! Что за *joie de vivre*! Разве я не самый счастливый человек на свете?

– Иди ко мне, – сказал я Чэндлер, – иди к папе, моя сладкая!

Я посмотрел на мамочку, медленно опуская глаза... и...

– Черт возьми, Надин, ты что, с ума сошла? Что ты...

– Что случилось, папочка? Я надеюсь, ты не увидел ничего такого, чего бы тебе хотелось получить, потому что больше ты этого не получишь, – невинно ответила мамочка, Подающее Надежды Динамо, еще шире расставив свои потрясающие ноги и задрав юбку еще выше на бедрах. Боже, да она без трусиков! Ее нежная розовая вульва была нацелена прямо на меня и так и блестела от желания. Все, что на мамочке было, – это маленький клочок нежного светло-персикового пуха прямо над лобком, и больше ничего.

Я сделал единственное, что в такой ситуации может сделать разумный муж: принялся унижаться, как жалкий пес, которым и был на самом деле.

– Пожалуйста, милая, ты же знаешь, что я и так чувствую себя виноватым из-за того, что случилось ночью. Богом клянусь, никогда...

– Прибереги это до следующего года, – ответила мамочка, помахав мне ручкой, – мамочка знает, как ты любишь клясться господом богом о том, и о сем, и о чем угодно, когда ты готов взорваться от желаний. Папочка, не трать время зря, потому что мамочка только-только за тебя взялась. Теперь ты будешь видеть дома только короткие, короткие и еще более короткие юбки! Да-да, папа! Ничего, кроме коротких юбок, никакого нижнего белья, и только это...

Сказав это весьма надменно, соблазнительная мамочка уперлась за спиной руками в пол и откинулась назад. Затем она использовала кончики каблуков своих туфель от Маноло Бланика так, как не приходило в голову ни одному дизайнеру обуви: она превратила их в эротические оси вращения и принялась сдвигать и раздвигать свои соблазнительные ноги, сдвигать и раздвигать, пока, наконец, на третьем круге не раздвинула их так широко, что ее колени почти коснулись великолепного розового ковра. Тут она спросила:

– Что-то не так, папочка? Ты не очень хорошо выглядишь.

Не буду утверждать, что я видел такое впервые. На самом деле, мамочка уже не раз так меня динамила. Я помню лифты, теннисные корты, общественные парковки и даже Белый дом. Не было такого места, где можно было бы чувствовать себя в безопасности от мамочки. Но как же мне каждый раз было хреново! Я чувствовал себя боксером, который пропустил удар и оказался в нокауте – причем навсегда!

Дело осложнялось тем, что Чэндлер остановилась на полпути и решила внимательно изучить восхитительный розовый ковер. Она вытаскивала из него нитки и явно обнаружила там нечто совершенно замечательное. Она не обращала никакого внимания на то, что творилось вокруг нее.

Я еще раз попытался извиниться, но в ответ мамочка засунула указательный палец правой руки в рот и принялась его сосать. Вот тут я лишился дара речи. Она, похоже, понимала, что только что отправила меня в нокаут, поэтому медленно вынула палец изо рта и детским голоском произнесла вот что:

– О-о-о, бедный, бедный папа. Он так любит признавать свою вину, когда понимает, что сейчас кончит в штаны, правда, папа?

Я не мог поверить своим глазам и только думал, происходит ли нечто подобное у других семейных пар?

– Ну, папочка, теперь слишком поздно для извинений, – она поджала свои соблазнительные губки и медленно покачала головой, как делают люди, когда чувствуют, что только что поведали вам какую-то невероятно важную истину, – какой позор, что папочке так нравится летать по городу на своем вертолете среди ночи после того, как он бог знает чем занимался, а ведь мамочка так его любит, и сейчас ей ничего другого не хочется, как только заниматься с папочкой целый день любовью! А чего мамочке хочется больше всего, так это чтобы папочка поцеловал ее в свое любимое местечко, как раз туда, куда он сейчас смотрит.

После этого мамочка снова поджала губы и скорчила недовольную гримаску:

– О-о-о! Бедный, бедный папочка! Этого больше не случится, даже если папочка останется последним мужчиной на земле.

По сути дела мамочка решила уподобиться ООН и ввести всемирное эмбарго на секс.

– Папочка сможет заняться любовью с мамочкой только на Новый год.

– Что?! Ну, это уже наглость!

– И то если он до этого будет хорошим мальчиком. А если папочка совершит хоть одну ошибку, то он будет ждать до Дня сурка!

И в этот момент, как раз когда я собирался опуститься в небывалые ранее бездны унижения, до меня что-то дошло. О боже! Она *уже* проиграла! Сказать ей сразу или нет? Нет уж, хрен. Слишком хороший спектакль!

Мамочка продолжала детским голоском:

– Вот я еще о чем думаю, папочка: я думаю, пора мамочке достать свои шелковые чулки на подвязках и начать носить их дома. Мы ведь все знаем, как папочка любит мамочкины шелковые чулки на подвязках, правда, папочка?

Я жадно кивнул.

Мамочка продолжала:

– О да, мы знаем! А мамочке так надоело ходить в нижнем белье – у-у-ух! И она решила все его выбросить! Так что успехов тебе, папа!

Не пора ли ее остановить? О, пока еще нет!

– Ты в ближайшее время будешь видеть повсюду в доме очень много нижнего белья. Но, конечно, не забывай про эмбарго, тебе строжайше запрещено к нему прикасаться. И никакой мастурбации, папочка. Пока мамочка тебе не разрешит, держи руки по швам. Ты меня понял, папочка?

Я ощущал все большую уверенность и невинно спросил:

– А как же ты, мамочка? Что ты собираешься делать?

– О, мамочка прекрасно умеет себя улаживать. О-о-о... о-о-о... о-о-о, – застонала моя фотомодел, – мамочка возбуждается при одной мысли об этом! Папочка, я надеюсь, ты уже возненавидел вертолеты?

Тогда я решил нанести решающий удар:

– Ну не знаю, мамочка, я думаю, это все слова. Улаживать себя? Я тебе не верю.

Мамочка сжала свои соблазнительные губки и медленно покачала головой, а потом сказала:

– Ну, значит, пришло время преподать папочке первый урок.

Ага, дела идут на лад! Чэндлер тем временем продолжала увлеченно изучать ковер и не обращала на нас никакого внимания.

– Сейчас мамочка хочет, чтобы папочка внимательно смотрел на мамочкину руку, иначе День сурка превратится в пасхальное воскресенье быстрее, чем папочка успеет сказать: «Сейчас кончу!» Ты понял, кто здесь командует, правда, папочка?

Я затягивал время, готовясь взорвать свою бомбу:

– Да, мамочка, но что же ты будешь делать своей рукой?

– Т-с-с, – сказала мамочка, тут же засунула палец себе в рот и принялась сосать его до тех пор, пока он не заблестел от ее слюны в лучах утреннего солнца, а потом медленно, грациозно, сладострастно отправилась на юг... через свое огромное декольте... мимо ложбинки... мимо пупка... вниз, вниз, прямо в...

– Остановись-ка, – сказал я, поднимая правую руку, – я бы на твоём месте этого не делал!

Мамочка была потрясена. Она была просто в ярости! Похоже, что она ждала этого волшебного момента с не меньшим нетерпением, чем я. Но все зашло слишком далеко. Пришла пора взорвать бомбу. Но прежде чем я открыл рот, мамочка еще успела пролепетать:

– Ну вот, ты сам виноват! Теперь никаких поцелуев и никакого секса до... до Четвертого июля!

– Mamочка! А как насчет Рокко и Рокко?

Mamочка в замешательстве замерла:

– В каком смысле?

Я нагнулся вперед и поднял Чэндлер с великолепного розового ковра, прижал ее к груди и изо всех сил расцеловал в обе щеки. И когда она оказалась вне опасности, я сказал:

– Папочка хочет кое-что рассказать мамочке. А когда он закончит, мамочка будет рада, что папочка остановил ее до того, как она сделала то, что собиралась делать. И тогда она простит его за все, что он сделал, договорились?

Никакой реакции.

– Прекрасно, – сказал я, – итак, послушаем историю про маленькую розовую спальню в Олд-Бруквилле на Лонг-Айленде. Mamочка хочет ее услышать?

Mamочка кивнула, ее безупречное лицо фотомодели выражало полную растерянность:

– Mamочка обещает держать свои ноги широко-широко раскрытыми, пока папочка будет говорить?

Она кивнула медленно, будто во сне.

– Вот и отлично, потому что папочке этот вид нравится больше всего на свете, он вдохновляет его на то, чтобы *прямо сейчас* рассказать ей свою историю! Итак, жила-была маленькая розовая спальня на третьем этаже большого каменного особняка, стоявшего посреди прекрасного поместья в лучшей части Лонг-Айленда. А у людей, которые в нем жили, было много-много денег. Но – мамочка, внимание, начинается очень важная часть этой истории, – среди всех богатств, которыми владели эти люди, было нечто более ценное, чем все остальные их богатства вместе взятые, – их маленькая дочка.

На папу этой маленькой девочки работало очень-очень много людей, и большинство из них были очень-очень молоды и не очень хорошо воспитаны, поэтому мамочка и папочка решили построить вокруг своего поместья высокую-превысокую железную ограду, чтобы все эти молодые люди не могли приходить к ним в гости без приглашения. Но, мамочка, ты просто не поверишь: они все равно приходили!

Я остановился и внимательно посмотрел прямо в медленно бледневшее лицо мамочки. Потом продолжил:

– Со временем мамочке и папочке все это так надоело, что они взяли и наняли двух телохранителей, которые постоянно заботились о папочке и мамочке. И послушай, как смешно получилось: обоих телохранителей звали Рокко!

Я снова остановился и внимательно взгляделся в красивое мамочкино лицо. Теперь она была бледнее смерти. Я продолжал.

– Так вот, Рокко и Рокко проводили все свое время в чудесном маленьком домике для охраны, который стоял в самом дальнем углу двора. А так как мамочка маленькой девочки из этой истории всегда любила все делать правильно, то она выяснила, где продается лучшая охранная аппаратура, и в конце концов купила самые новые и самые большие телевизионные камеры, показывающие самое ясное, яркое и детальное изображение, какое только можно купить за деньги. И самое интересное, мамочка, то, что они все это показывали в цвете! О да!

Ноги мамочки все еще были широко раздвинуты, и вся ее краса была все еще видна, но я продолжал:

– Так вот, два месяца назад, в одно прекрасное дождливое воскресное утро, мамочка и папочка лежали в кровати, и мамочка рассказывала папочке, что она прочитала статью, в которой было написано, как плохо некоторые няньки и домоправительницы обращаются с детьми, о которых они должны заботиться. Папочка был так расстроен, что предложил мамочке уста-

новить две скрытых камеры и микрофон с речевым управлением в той самой розовой спальне, о которой я рассказывал в самом начале своей истории!

И одна из этих скрытых камер находится как раз за плечом у папочки, – я махнул рукой в сторону маленькой дырочки в стене, – и так получилось, мамочка, что она направлена как раз на самую лучшую часть твоего великолепного тела.

Тут ноги стремительно сомкнулись, что твои двери в банковский депозитарий.

– И так как мы очень-очень любим нашу Чэнни, то изображение из этой комнаты постоянно передается на большой, 32-дюймовый телевизионный экран как раз в том самом домике охраны. Мамочка, улыбнись! *Тебя снимает скрытая камера!*

Примерно на одну восьмую долю секунды мамочка замерла. Затем, как будто кто-то пропустил через великолепный розовый ковер десять тысяч вольт, она вскочила и завизжала:

– Черт побери! Черт тебя побери! О господи! Это просто невероятно! Черт! Черт! Черт!

Она подбежала к окну, глянула на домик охраны... потом развернулась и побежала обратно, и тут... БУМ!– мамочка упала, потому что одна из эротических осей на ее обалденных туфлях сломалась.

Но лежала мамочка только одну секунду. Она встала на четвереньки со скоростью и ловкостью борца мирового класса, а затем вскочила на ноги. К моему полнейшему удивлению, она рывком распахнула дверь, выбежала из комнаты и с грохотом захлопнула ее за собой, как будто ее вообще не интересовало, что подумает об этом шуме весь наш причудливый зверинец. И скрылась из виду.

– Ну что же, – сказал я Чэнни, – настоящей Марте Стюарт, безусловно, не понравилось бы это громкое хлопанье дверями, правда, моя сладкая?

После этого я вознес в душе молитву Господу, попросив его – но не слишком настойчиво, – чтобы он не дал Чэнни выйти замуж за такого парня, как я. И пусть она даже никогда с такими не встречается. Прямо скажем, из меня плохой Муж года. Потом я отнес Чэндлер вниз, сдал на руки Марсии, болтливой ямайской няне, и кратчайшим путем отправился в домик охраны: мне совсем не хотелось, чтобы запись мамочки попала в Голливуд, в пилотный выпуск «Богатых и никчемных».

Глава 4

Рай для васпов²

Словно кобель, вынюхивающий течную суку, я обыскал все двадцать четыре комнаты нашего особняка. Но мамочки нигде не было. Более того, я облазил каждый уголок и закуток всех шести акров нашего поместья, пока, наконец, не был вынужден, к моему величайшему сожалению, прекратить дальнейшие поиски. Было уже почти девять, я опаздывал на работу. Я не мог понять, где спряталась моя дорогая жена, мое милое Подающее Надежды Динамо. В общем, надежды на утренний секс не оставалось.

Мы выехали из моего поместья в Олд-Бруквилле в самом начале десятого. Я расположился на заднем сиденье своего темно-синего «линкольна», за рулем которого сидел ненавистник всех белых, мой водитель Джордж Кэмпбелл. За те четыре года, которые Джордж у меня работал, он произнес разве что десяток слов. Иногда по утрам меня немного раздражал этот обет молчания, но в то конкретное утро это было кстати. После моей недавней стычки с соблазнительной Герцогиней немного спокойствия и молчания были просто подарком небес.

Однако, в соответствии с утренним ритуалом, я всегда преувеличенно радостно приветствовал Джорджа и старался добиться от него хоть какого-то ответа. Ничего. Поэтому я решил предпринять еще одну попытку, просто смеха ради. Я повторил:

– Привет, Джорджи, как дела?

Джордж наклонил голову примерно на четыре с половиной градуса вправо, так, что я с трудом мог разглядеть сверкавшие белки его глаз, а затем медленно кивнул.

Никогда не уступает, черт его побери! Этот парень просто немой, блин!

На самом деле это было не так: шесть месяцев назад Джордж спросил меня, не мог бы я одолжить ему (подразумевалось, конечно, подарить) пять штук баксов, чтобы он мог сделать себе новые вставные челюсти («бивни», как он их называл). Я с удовольствием это сделал, но сначала все-таки помучил его минут пятнадцать, заставив все мне рассказать – насколько белыми они будут, сколько они продержатся и какие сейчас у него проблемы с зубами. Когда разговор закончился, по его иссиня-черному лбу текли струи пота, и я пожалел, что вообще стал задавать ему вопросы.

Сегодня, как и всегда, на Джордже был темно-синий костюм, а на лице – угрюмое выражение, самое мрачное из тех, которые может себе позволить человек с годовой зарплатой 60 тысяч долларов. Я не сомневался, что Джордж меня ненавидит или я ему по крайней мере неприятен, как он ненавидел или не любил всех белых людей. Единственным исключением была моя жена, Подающий Надежды Обольститель Человечества, которую Джордж просто обо-жал.

Лимузин у меня был, разумеется, самый длинный из возможных, с телевизором, видео-магнитофоном, холодильником, полным мини-баром и восхитительной музыкальной системой, а заднее сиденье одним поворотом рукоятки можно было превратить в кровать королевских размеров. Это было сделано специально ради моей больной спины, но заодно мой лимузин неожиданно превратился в бордель на колесах стоимостью в 96 тысяч долларов. Представляете? Но в то утро я направлялся в Лейк-Саксес, некогда тихий городок, населенный средним классом, где сегодня располагалась штаб-квартира компании «Стрэттон-Окмонт».

Сегодня этот город скорее напоминал Тумстоун, штат Аризона, до появления там братьев Эрп³. Все старинные местные кустарные промыслы резко расширили производство, чтобы

---

² WASP (White Anglo-Saxon Protestant) – «белый англосаксонский протестант». В широком смысле выражение обозначает привилегированное происхождение вообще.

³ В 1870-е годы сонный городок Тумстоун стал центром «серебряной лихорадки» и туда хлынули толпы искателей при-

соответствовать потребностям, нуждам и прихотям работавших на меня молодых развращенных брокеров. Здесь также появились бордели, подпольные игорные казино, ночные клубы, где алкоголь продавали в любое время суток, и тому подобные злачные местечки. Появились даже проститутки, занимавшиеся своим делом на нижнем уровне парковки и бравшие двести долларов за раз.

Сначала местные лавочники были возмущены явным отсутствием всяких признаков добродетели у веселой банды моих брокеров (многие из них действительно были совершенно разнузданными типами). Но очень быстро эти же лавочники заметили, что разнузданные брокеры из «Стрэттон» никогда не смотрят на цену. Тогда они взвинтили цены, и все зажило мирно, как на Диком Западе.

Лимузин мчался на запад, по Чикен-Вэлли-роуд, одной из самых уважаемых улиц Золотого берега. Я чуть опустил окно, чтобы впустить немного свежего воздуха. Мы проезжали мимо зеленых полей Бруквильского гольф-клуба, над которыми я сегодня утром летал в наркотическом опьянении. Гольф-клуб был совсем рядом с моим поместьем, так близко, что я мог бы, стоя на лужайке перед своим домом, седьмой клюшкой отправить мяч на седьмой фервей. Но, конечно же, я никогда даже не пытался вступить в клуб, понимая, что для этих снобов я всего лишь жалкий еврей, которому хватило наглости вторгнуться в рай для белых англосаксонских протестантов – васпов.

Евреев не пускали не только в Бруквильский гольф-клуб. О нет! Евреев не пускали и во все остальные здешние клубы, или, вернее, туда не пускали никого, кто не был бы васпом – белым англосаксонским протестантским ублюдком с голубой кровью. (Надо признать, что Бруквильский гольф-клуб хотя бы принимал католиков, то есть был еще не так плох, как остальные.) Когда мы с Герцогиней переехали сюда с Манхэттена, то я сильно переживал из-за васпов: они казались мне чем-то типа тайного клуба или общества, но потом я понял, что вся эта голубая кровь – это вчерашний день, что васпы – просто вымирающий вид, что-то вроде дронта или пятнистой совы. И хотя у них действительно все еще сохранялись их маленькие гольф-клубы и охотничьи домики – последние бастионы обороны против вторгающейся в их жизнь *местечковой черни*, – они все равно были всего лишь маленькими снежными баранами двадцатого века, которых должны были вот-вот обогнать невоспитанные евреи вроде меня, составившие состояние на Уолл-стрит и готовые заплатить сколько угодно, чтобы жить там, где жил Гэтсби.

Лимузин мягко повернул налево, и вот мы оказались уже на Хеджманс-лэйн. Слева прямо передо мной видны были конюшни, или, как их предпочитали называть владельцы, «Центр верховой езды Золотого берега» – это звучало куда более по-васповски.

Проезжая мимо, я увидел и бело-зеленую конюшню, где Герцогиня держала своих лошадей. Вся эта ее затея с верховой ездой с начала до конца оказалась огромным кошмаром. Все началось с владельца конюшен – торчащего на кваалюде жирного еврея со светской улыбкой, сиявшей, как лампочка в тысячу свечей, и с тайной целью в жизни – добиться того, чтобы его принимали за васпа. Он со своей женой, крашеной блондинкой, притворявшейся женщиной-васпом, положили на нас с Герцогиней глаз, едва увидев нас, и решили впарить нам всех своих бракованных лошадей и получить триста процентов прибыли. Как только мы оплатили лошадей, у них тут же обнаружили самые разнообразные странные болезни. Повалили счета от ветеринаров, чеки за корм, зарплата конюхам и грумам, которые тренировали лошадей, чтобы те сохраняли форму, в общем, все это оказалось огромной черной дырой.

Но тем не менее моя соблазнительная Герцогиня, моя Подающая Надежды Звезда Конкура, отправлялась в конюшни каждый день: угощать лошадок кусочками сахара и морковкой и брать уроки верховой езды – и это несмотря на то, что у нее была сильнейшая аллергия

на лошадей, так что каждый раз, вернувшись домой, она чихала, хлюпала носом, чесалась и кашляла. Что делать! Если живешь в раю для васпов, то и вести себя надо как васп, поэтому приходится притворяться, что ты любишь лошадей.

Как только лимузин пересек Северный бульвар, я почувствовал, как вырвалась на свободу боль в нижней части спины. Как раз в это время большая часть коктейля из рекреационных наркотиков, который я принял прошлой ночью, уже перешла из моей центральной нервной системы в печень и лимфатическую систему, где они начали неумолимо расщепляться. Туда им и дорога, конечно, но это означало, что боль вернется. Было ощущение, что во мне постепенно просыпался злобный, дикий, огнедышащий дракон. Боль началась с левой части поясницы, потом отдалась в левой ноге. Казалось, кто-то поворачивал раскаленный железный прут в задней части моего бедра. Боль была невыносимой. А если я начинал растирать болевшее место, то она перекидывалась на другую часть тела.

Я глубоко вздохнул и подавил в себе желание схватить три таблетки кваалюда и сожрать их, даже не запивая водой. Но это было совершенно исключено. Я ехал на работу и, хотя и был боссом, не мог позволить себе бессвязно бормотать и пускать слюни, как идиот. Это было возможно только по вечерам. Вместо этого я на скорую руку помолился о том, чтобы с ясного неба ударила молния и испепелила собачку моей жены.

По эту сторону Северного бульвара дома были явно дешевыми, то есть в среднем они стоили не больше миллиона-двух, может, чуть больше. Была какая-то ирония судьбы в том, что ребенок из бедной семьи может настолько привыкнуть к вызывающей роскоши, что домик стоимостью в миллион долларов кажется ему хижинкой. Но ведь это не так уж плохо? Кто бы знал.

Как раз в это время мы миновали зеленый с белым знак, обозначающий въезд на Лонг-Айлендскую автостраду. Я приближался к штаб-квартире «Стрэттон-Окмонт», к своему второму дому, где бушевал самый неистовый брокерский зал Америки, где безумие было нормой.

Глава 5

Самый мощный наркотик

Инвестиционная фирма «Стрэттон-Окмонт» находилась на втором этаже четырехэтажного офисного здания из черного стекла, выстроенного на самом краю грязного вонючего болота. На самом деле выглядело все это не так ужасно, как звучит. Большая часть старого болота была осушена еще в начале 1980-х годов, и здесь появился первоклассный офисный комплекс с огромной парковкой и трехэтажным подземным гаражом, куда стрэттонские брокеры во второй половине дня спускались, чтобы заняться сексом с кем-нибудь из веселого отряда боевитых проституток.

Сегодня, как и всегда, подъезжая к своему офису, я чувствовал, что буквально раздуваюсь от гордости. Зеркальное черное стекло сверкало на утреннем солнце, напоминая о том, как многого я добился за последние пять лет. Трудно было себе представить, что компания «Стрэттон» в самом начале размещалась в отделе электроприборов магазина, торговавшего поддержанными автомобильными запчастями. А теперь у меня было... *вот это все!*

С западной стороны в здание вели роскошные двери, специально задуманные так, чтобы поражать всякого, кто через них проходит. Но никто из «Стрэттон» ими не пользовался. Парадный вход был слишком далеко, а время – деньги. Вместо этого все, включая и меня, поднимались по бетонному пандусу с южной стороны здания, попадая таким образом непосредственно в биржевой зал.

Я вылез из задней двери лимузина, попрощался с Джорджем (тот молча кивнул) и пошел наверх по бетонному пандусу. Проходя через стальные двери, я уже слышал отголоски мощного рева, похожего на рев толпы. Для меня он звучал как музыка. Я со всех ног кинулся туда.

Поднявшись на дюжину ступенек и завернув за угол, я достиг цели – брокерского зала «Стрэттон-Окмонт». Он был огромен, длиной больше, чем футбольное поле, и почти с половиной футбольного поля в ширину. Это было открытое пространство, без перегородок и с очень низким потолком. Красно-коричневые столы были поставлены тесными рядами, как парты в классе, и вокруг них бешено бурлило бескрайнее море накрахмаленных белых рубашек. Брокеры без пиджаков, перекрикивая друг друга, вопили в свои черные телефоны. Животный рев, заполнявший помещение, издавали чрезвычайно вежливые и очень хорошо воспитанные молодые люди, убеждавшие предпринимателей со всей Америки доверить свои сбережения «Стрэттон-Окмонт». Пользовались они при этом исключительно логикой и рациональными аргументами:

– Господи Иисусе, Билл! Уже зажми свои яйца в кулак и прими наконец это чертово решение! – вопил Бобби Кох, пухленький двадцатидвухлетний ирландец (колледж за плечами, невероятно сильная зависимость от кокса и чистый доход в 1,2 миллиона баксов в год). Так он отчитывал какого-то богатого предпринимателя по имени Билл, обитавшего где-то в американской глубинке.

На каждом столе стоял серый монитор, и на нем мерцали зеленые цифры и буквы, сообщавшие брокерам об изменениях в котировках. Но на мониторы никто не смотрел. Все брокеры были слишком заняты, они обливались потом и непрерывно кричали в свои черные телефонные трубки, которые напоминали огромные баклажаны, растущие у них из ушей.

– Прими решение, *Билл!* Прими решение немедленно, – рычал Бобби. – Стив Мэдден – это самая крутая новая звезда Уолл-стрит, тут нечего колебаться! А сегодня к полудню эта новинка уже превратится в чертова динозавра!

Бобби уже целых две недели как вышел из реабилитационной клиники после курса антинаркотической терапии, так что уже почти полностью вернулся к старым привычкам. Казалось,

его выпученные глаза вот-вот выскочат из его ирландского черепа. Можно было почувствовать, как его потовые железы буквально источают кокаин. Было 9:30 утра.

Молодой брокер с зализанными волосами, квадратной челюстью и шеей толщиной со штат Род-Айленд согнулся пополам, пытаясь объяснить своему клиенту все «за» и «против» подключения его жены к процессу принятия решений.

– Посоветоваться с женой? Да ты что, с дуба рухнул? А что, твоя жена советуется с тобой, когда идет туфли покупать?

За три ряда от него еще один молодой парень с кудрявыми каштановыми волосами, весь покрытый юношескими прыщами, стоял столбом, зажав трубку между щекой и ключицей. Он раскинул руки, словно это были крылья самолета, и под мышками у него были видны гигантские пятна пота. Пока он орал по телефону, Энтони Джильберто, портной, выполнявшие индивидуальные заказы сотрудников фирмы, снимал с него мерку для костюма. Джильберто целыми днями ходил от одного стола к другому, снимая мерки с молодых стрэттонцев, чтобы затем сшить им костюмы по две тысячи долларов за штуку. Как раз в эту минуту молодой брокер резко откинул голову назад и распростер руки так широко, как будто собирался прыгнуть ласточкой с десятиметрового трамплина. Затем он сказал таким тоном, как будто у него ум за разум заходил:

– Господи, мистер Килгор, сделайте мне одолжение и возьмите десять тысяч акций. Послушайте, вы меня просто *убиваете*... просто убиваете. Ну скажите, мне что, надо прилететь к вам в Техас и выкрутить вам руки? Если надо, то я могу!

«Какая преданность работе! – подумал я. – Этот прыщавый парнишка впаривает акции даже во время примерки!»

Мой кабинет находился на другом конце брокерского зала, и, проходя через это волнованное человеческое море, я чувствовал себя каким-то Моисеем в ковбойских сапогах. Брокеры расступались, давая мне дорогу. Каждый сотрудник, мимо которого я проходил, подмигивал мне или улыбался, как бы выражая благодарность за то, что я создал этот маленький рай на земле. Да, это были *мои* люди. Они приходили ко мне, когда им нужны были надежда, любовь, совет и указания, а я был в десять раз безумнее их всех. Но было нечто, что нас всех объединяло, – неистребимая любовь к этому дикому брокерскому реву. По сути дела, мы жить без него не могли.

– Сними же трубку, черт, будь так добр, блин! – вопила маленькая светловолосая ассистентка.

– Сама снимай эту чертову трубку! Это твоя чертова работа!

– Я когда-нибудь тебя просила это делать?!

– Двадцать тысяч по восемь с половиной...

– Возьми сто тысяч акций...

– Сэр, эти акции вот-вот взлетят выше крыши!

– Господи, да Стив Мэдден – это сейчас самое крутое, что есть на Уолл-стрит!

– К черту ваш «Мэррил Линч»! Мы этих лилипутов на завтрак съедим.

– Кто-кто? Ваш *местный брокер*? Пошлите к черту вашего местного брокера! Он что – все еще читает вчерашний выпуск «Уолл-стрит джорнэл»?

– У меня двадцать тысяч облигаций по четыре!

– Пошел к черту ты, говнюк!

– Сам катись к черту вместе со своим дерьмовым «фольксвагеном», на котором ты катаешься!

К черту то и к черту это! Там дерьмо и тут дерьмо! Вот язык Уолл-стрит. В нем прорывалась на поверхность сама суть мощного рева. Он опьянял! Он соблазнял! Черт возьми, он освобождал! Он помогал достигать целей, о которых ты даже мечтать не смел! И он увлекал за собой всех, особенно меня.

Из тысячи человек, собравшихся в биржевом зале, мало кто был старше тридцати, большинству только-только перевалило за двадцать. Они были красивы, лопались от амбиций, а сексуальное напряжение было настолько интенсивным, что им здесь буквально пахло. Здешний дресс-код для мужчин – для *мальчишек!* – был следующий: сшитый на заказ костюм, белая рубашка, шелковый галстук и массивные золотые часы. Женщинам, которых тут было раз в десять меньше, предписывались короткие юбки, глубокие декольте, лифчики с поролоновыми вставками и высокие каблуки, чем длиннее, тем лучше. Подобная одежда была строго запрещена стрэттонскими «Правилами для персонала», однако ее горячо поддерживало руководство (то есть я).

Иногда ситуация настолько вырывалась из-под контроля, что молодые стрэттонцы совкупались под столами, в туалетах, в раздевалках, на подземной парковке и, конечно же, в стеклянном лифте. В конце концов, для того чтобы поддержать хоть какую-то видимость порядка, мы издали специальный приказ, объявив все здание Зоной Без Траха – с 8:00 до 19:00. В заголовке меморандума прямо так и красовались эти самые слова – *Зона Без Траха*, а под ними – две вполне правильно с анатомической точки зрения изображенных силуэта в позе раком. Вокруг этих силуэтов был нарисован толстый красный круг, перечеркнутый по диагонали (безусловно, первый такой знак на Уолл-стрит). Но, увы, никто к этому приказу не отнесся всерьез.

Впрочем, на самом деле это было хорошо и вполне объяснимо. Все здесь были молоды и красивы, и все ловили момент. «Лови момент!» – эта корпоративная мантра горела в сердце и в душе каждого юного брокера, она вибрировала в постоянно перевозбужденных центрах удовольствия тысячи головных мозгов, едва вышедших из подросткового возраста.

А что можно было на это возразить, раз уж мы добились такого успеха? Мы зарабатывали невероятные деньги. Предполагалось, что брокер-новичок должен получить 250 тысяч за первый год работы. Меньшая сумма вызывала сомнения в его профпригодности. За второй год ты должен был заработать полмиллиона, или тебя начинали считать бессмысленным лузером. А к третьему году следовало заработать миллион, а может, и больше, если ты не хотел выглядеть жалким посмешищем. И это были минимальные цифры. Настоящие профессионалы получали в три раза больше.

От них богатство перепадало и другим. Так называемые ассистентки, которые на самом деле были просто-напросто секретаршами, зарабатывали по 100 тысяч в год. Даже девчонка, сидевшая у многоканального телефона, получала 80 штук только за то, что отвечала на звонки. Все это очень напоминало старую добрую золотую лихорадку, и Лейк Саксес вовсю пожинал плоды экономического бума. Так как молодые стрэттонцы были все-таки детьми, то они прозвали свое место работы «Брокерский диснейленд», и каждый из них прекрасно понимал, что если их выкинут из этого парка аттракционов, то им никогда уже не заработать столько денег. И поэтому под черепной коробкой у каждого молодого стрэттонца гнезился жуткий страх в один прекрасный момент потерять работу. Что бы они тогда стали делать? Ведь если ты из стрэттонских, то предполагается, что ты живешь Настоящей Жизнью – водишь крутую тачку, ужинаешь в самых модных ресторанах, даешь самые большие чаевые, носишь самую лучшую одежду и живешь в особняке на пресловутом Золотом берегу Лонг-Айленда. И даже если ты только начинаешь и у тебя за душой еще ни цента, то все равно ты возьмешь кредит у любого банка, которому хватит безумия дать тебе денег – и плевать на проценты! – чтобы поскорее начать жить Настоящей Жизнью, независимо от того, готов ты к ней или нет.

Дела заходили так далеко, что мальчишки, все еще покрытые подростковыми прыщами и лишь недавно начавшие бриться, уже покупали себе особняки. Причем некоторые из них были так молоды, что даже не переезжали туда, им все еще нравилось ночевать дома, у родителей. Летом они снимали роскошные дома в Хэмптонс с подогретыми бассейнами и восхитительным видом на Атлантический океан. По выходным они устраивали буйные вечеринки, где творились такие безобразия, что в конце концов всегда приезжала полиция. Играла живая

музыка, диджеи крутили диски, молодые стрэттонские девочки танцевали топлес, стриптизерши и шлюхи считались почетными гостями, и, конечно же, в какой-то момент молодые стрэттонцы раздевались догола и начинали заниматься сексом прямо под открытым небом, словно животные на скотном дворе, с радостью устраивая спектакль для все большего числа зрителей.

Ну и что в этом такого? Они были опьянены молодостью, питались энергией алчности и постоянно были под ломовым кайфом. С каждым днем легких денег у них становилось все больше, все большее число из них сколачивали состояния, обеспечивая себе важнейшие элементы, необходимые для Настоящей Жизни. Риэлторы продавали им особняки; ипотечные брокеры финансировали их; декораторы набивали их особняки мебелью по завышенным ценам; ландшафтные дизайнеры ухаживали за их лужайками (любого стрэттонца, застигнутого за личным управлением газонокосилкой, немедленно побили бы камнями); автомобильные дилеры впаривали им «порше», «мерседесы», «феррари» и «ламборгини» (если ты ездил на чем-то более дешевом, тебя считали просто пустым местом); метрдотели резервировали для них столики в самых крутых ресторанах; билетные барыги добывали для них места в первых рядах на самые популярные спортивные матчи, рок-концерты и бродвейские шоу, а ювелиры, часовщики, портные, производители обуви, флористы, кейтеринговые фирмы, парикмахеры, специалисты по уходу за животными, массажистки, мануальные терапевты, автомеханики и те, кто оказывал более интимные услуги (прежде всего шлюхи и торговцы наркотиками), приходили в брокерский зал и обслуживали молодых стрэттонцев прямо на месте, чтобы те не потратили ни одной лишней секунды своего рабочего времени и не отвлекались ни на одно постороннее занятие, непосредственно не связанное с их единственной обязанностью: непрерывно звонить по телефону.

Вот и все. Надо было улыбаться и звонить по телефону с той секунды, как ты вошел в офис, и до той секунды, когда ты оттуда вышел. А если у тебя для этого не было достаточной мотивации или ты не мог вынести того, что секретарши бизнесменов из всех пятидесяти штатов по триста раз в день постоянно посылают тебя, бросая телефонную трубку, то тебе в затылок уже дышали десять человек, жаждавшие прийти на твое место. В таком случае тебя выгоняли – безвозвратно.

Что же это была за тайная формула, которую открыл «Стрэттон» и которая позволяла всем этим неприлично молодым мальчикам зарабатывать такие неприлично большие деньги? По сути своей она была основана на двух простых истинах: во-первых, на том, что большая часть одного процента американцев, принадлежащих к богатейшему слою, втайне являются тайными неизлечимыми игроками, которые не могут устоять перед искушением снова и снова бросить кости, даже если знают, что кости выпадут не в их пользу. А во-вторых, хотя в это и трудно поверить, но молодых мужчин и женщин с социальными навыками стада сексуально озабоченных буйволов и интеллектом Фореста Гампа – причем замешанным на трех видах наркотиков, – *можно* научить разговаривать как настоящие чародеи с Уолл-стрит, если написать для них слова, а потом учить их произносить эти слова – каждый день, с утра до вечера – в течение года.

И когда по Лонг-Айленду начал распространяться слух об этом маленьком секрете – о том, что здесь, в Лейк Саксес, имеется такой безумный офис, в котором надо только появиться, поклясться в вечной преданности хозяину офиса, выполнять приказы, и он за это сделает тебя богатым, – тут-то молодые мальчики стали безо всякого предупреждения являться в наш биржевой зал. Сначала они приходили маленькими группами, потом повалили толпами. Сначала это были мальчики из районов Куинса и Лонг-Айленда, населенных семьями среднего класса, потом появились представители всех пяти округов Нью-Йорка. Я глазом не успел моргнуть, как они уже стали приезжать со всей Америки, умоляя дать им работу. Все новые и новые мальчики проезжали полстраны, чтобы добраться до биржевого зала «Стрэттон-Окмонт» и

поклониться в вечной преданности Волку с Уолл-стрит. Ну а все остальное известно, это уже стало историей Уолл-стрит.

Моя ультрапреданная помощница Джанет сидела за своим столом, с трепетом ожидая моего приезда. В тот момент, когда я появился, она постукивала указательным пальцем правой руки по поверхности стола и качала головой, как будто хотела сказать: «Какого черта весь мой день должен зависеть от того, когда мой сумасшедший босс вздумает явиться на работу?!» А может быть, мне так показалось и она просто скучала. В любом случае стол Джанет находился прямо напротив моей двери, как будто она была игроком на линии, прикрывающим нападающего. Так было сделано неслучайно. Среди многочисленных задач, выполнявшихся Джанет, была и охрана моей двери. Тому, кто хотел на меня взглянуть или тем более поговорить со мной, надо было сначала прорваться мимо Джанет. Это было непросто. Она защищала меня, как львица защищает своих детенышей, и без колебаний обрушивала свою праведную ярость на любого, кто попытался бы прорвать ее оборону.

Увидев меня, Джанет тепло улыбнулась, и я на секунду задержался, глядя на нее. Ей было уже под тридцать, но она выглядела немного старше своих лет. У нее была густая темно-каштановая шевелюра, чистая светлая кожа и крепкое маленькое тело. В ее прекрасных голубых глазах была какая-то грусть, как будто ее обладательница, несмотря на свои молодые годы, много страдала. Может быть, именно поэтому Джанет каждый день приходила на работу практически в костюме Смерти. Да, сегодня, как и всегда, она была одета с ног до головы в черное.

– Доброе утро! – Джанет широко улыбнулась, но в голосе ее слышалось легкое раздражение. – Почему вы опоздали?

Я нежно улыбнулся своей ультрапреданной ассистентке. Несмотря на ее погребальный вид и жгучее желание быть в курсе каждой мелочи моей личной жизни, она мне очень нравилась. Она была как бы офисным двойником Гвинн. Джанет всегда с удовольствием бросалась выполнять любое мое важное или мелкое задание – оплачивала мои счета, занималась моими финансами, следила за расписанием моих встреч, организовывала мои поездки, платила моим шлюхам и моим драгдилерам, а также лгала той женщине, на которой я в данный момент был женат. Она была потрясающе компетентна и никогда не ошибалась.

Джанет, как и я, выросла в Бэй-Сайде, но ее родители умерли, когда она была еще совсем юной. Ее мать была хорошей женщиной, но отец обращался с ней как настоящая свинья. Я изо всех сил старался, чтобы она чувствовала себя любимой и нужной. И я защищал ее так же, как она защищала меня.

Когда в прошлом месяце Джанет вышла замуж, я устроил для нее роскошную свадьбу и с гордостью повел ее к алтарю. В тот день на ней было снежно-белое свадебное платье от Веры Вонг, оплаченное мной, а выбранное Герцогиней, которая к тому же два часа помогала Джанет делать макияж (да, конечно, Герцогиня была также и Подающим Надежды Косметологом). И Джанет в день свадьбы выглядела потрясающе.

– Доброе утро, – ответил я с нежной улыбкой, – какой сегодня приятный шум в биржевом зале, правда?

– Там всегда приятный шум, но вы мне не ответили, – бесстрастно сказала она. – Почему вы опоздали?

Вот назойливая девка, постоянно сует свой нос куда не надо. Я глубоко вздохнул и задал встречный вопрос:

– Кстати, Надин не звонила?

– Нет, а что такое? Что случилось? – вопросы посыпались, как пулеметная очередь. Кажется, она уже почувствовала, что здесь пахнет каким-то скандалом.

– Ничего не случилось, Джанет. Я поздно вернулся домой, Надин разозлилась и вылила на меня стакан воды. Вот и все, вернее, стаканов было три, но какая разница? Ну и там было

еще много странного, но я не хочу об этом рассказывать, а теперь мне надо немедленно послать ей цветы, иначе к вечеру придется подыскивать себе жену номер три.

– Сколько послать? – спросила она, доставая блокнот на пружинке и ручку «Монблан».

– Ну не знаю... Долларов на триста или на четыреста... Просто скажи им, чтобы отправили целый грузовик... И проверь, чтобы там побольше лилий было. Она любит лилии.

Джанет прищурилась и поджала губы, как бы говоря: «Вы нарушаете нашу молчаливую договоренность о том, что частью моего вознаграждения является право знать обо всей чернухе в вашей жизни независимо от того, насколько она черна!» Но она была очень профессиональной секретаршей, и в ней говорило чувство долга, поэтому произнесла она только:

– Ну что же, может быть, вы мне потом все расскажете.

Я неуверенно покачал головой.

– Может быть, Джанет, посмотрим. Пока что *ты* расскажи мне, что у нас здесь происходит.

– Где-то здесь обретается Стив Мэдден, и, похоже, он немного нервничает. Кажется, у него все не так уж хорошо сегодня сложится.

Взрыв адреналина. *Стив Мэдден!* Смешно, но из-за всего этого утреннего хаоса и безумия я совершенно забыл о том, что сегодня выходят на рынок акции его обувной компании. Это означало, что до вечера я запишу к себе в приход двадцать миллионов баксов. Не слабо! А Стив встанет в биржевом зале и проведет небольшую презентацию. Вот это будет интересно. Я не был уверен, что Стив сможет смотреть в безумные глаза всех этих психованных молодых стрэттонцев и при этом не заикаться.

Подобные презентации были традицией Уолл-стрит: перед выходом новой компании на рынок ее исполнительный директор всегда выходил к толпе брокеров и произносил заранее подготовленную речь о том, как прекрасно будущее его компании. Это была дружеская встреча, во время которой все хлопали друг друга по спинам и лицемерно пожимали друг другу руки.

Но в «Стрэттон» все и всегда могло принять какой угодно оборот. Проблема заключалась в том, что стрэттонцев совершенно не интересовало, что им говорили, они просто хотели продавать акции и получать деньги. Так что если оратору не удавалось с первой секунды завладеть их вниманием, то брокеры очень быстро начинали скучать. Потом они начинали шикать и свистеть, а затем всячески сквернословить. Дальше они могли начать бросать в оратора разные предметы, начиная с комочков бумаги, а затем в дело шли различные пищевые продукты и объедки – от недоеденных куриных ножек до недогрызенных яблок.

Я не мог допустить, чтобы такие ужасные вещи произошли со Стивом Мэдденом. Прежде всего, он был другом детства моего помощника Дэнни Поруша. Во-вторых, мне принадлежало больше половины акций компании Стива, так что я практически начинал продавать акции собственной компании. Примерно 16 месяцев назад я вложил в компанию Стива 500 тысяч долларов и стал таким образом единственным и крупнейшим ее акционером, владевшим восьмьюдесятью пятью процентами акций. Через несколько месяцев я продал тридцать пять процентов акций чуть меньше чем за 500 тысяч долларов, компенсировав таким образом свое начальное вложение. Теперь я владел половиной его компании за бесплатно! Так что не мне вы будете рассказывать, что такое удачная сделка!

По сути дела, именно этот процесс покупки акций закрытых акционерных обществ, а затем перепродажи части этих бумаг (и возмещения расходов) еще больше ускорил работу денежного станка под названием «Стрэттон». А так как я использовал свой собственный биржевой зал для того, чтобы продавать акции своих же собственных компаний, то стоимость моих активов возрастала еще стремительнее. На Уолл-стрит это официально называется «торговые банковские услуги», но я-то считал, что просто каждые четыре недели выигрываю в лото.

Я сказал Джанет:

– У него все должно получиться, но если не получится, то я пойду туда и помогу ему выпутаться. Ладно, что еще происходит?

Она пожала плечами

– Вас ищет ваш отец, кажется, он в ярости.

– О черт, – пробормотал я.

Моего отца звали Макс, и фактически он был в «Стрэттоне» директором по финансовым вопросам, но по совместительству он еще сам себя назначил начальником гестапо. Он был настолько взвинчен, что в девять утра уже расхаживал по биржевому залу с пластиковым стаканчиком, полным «Столичной», и курил уже двадцатую сигарету. В багажнике машины он всегда держал здоровенную бейсбольную битку с автографом Микки Мантла, чтобы было чем разбить окна у «чертовой тачки» любого брокера, которому хватит глупости припарковаться на принадлежавшем ему парковочном месте – разумеется, самом классном.

– А он не сказал, что ему нужно?

– Нет, – ответила моя преданная помощница, – я спросила его, а он зарычал, как собака.

Но я *могу предположить*, что дело в ноябрьском счете из «Америкэн Экспресс».

Я скорчил гримасу.

– Ты так думаешь?

Неожиданно у меня в мозгу само по себе возникло число *полмиллиона*. Джанет кивнула.

– Он держал счет в руке, и счет был во-от таким!

Она растопырила большой и указательный пальцы примерно на три дюйма.

– Хм.

Только я начал обдумывать ситуацию со счетом, как что-то в брокерском зале привлекло мое внимание. Оно парило... парило... черт возьми, да что же это такое? Я прищурился. Господи боже мой! – кто-то принес в офис красно-бело-голубой надувной мяч! Можно подумать, что это не штаб-квартира «Стрэттон-Окмонт», а стадион, что это не пол биржевого зала, а танцпол, и что сейчас здесь начнется концерт «Роллинг Стоунз».

– ...и он чистит свой чертов аквариум, – говорила тем временем Джанет, – кто бы мог подумать!

Я уловил только конец фразы и деловитым тоном проговорил:

– Да-да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

– Вы же не слышали ни слова из того, что я сказала, – проговорила она с величайшим сарказмом, – и не притворяйтесь!

Господи! Ну кто еще кроме отца мог себе позволить так со мной разговаривать? Ну может быть, жена, но там я действительно это заслужил. Но я все равно любил Джанет, несмотря на весь ее яд.

– О-очень смешно. А теперь повтори, пожалуйста, что ты сказала!

– Я сказала, что я не могу поверить своим глазам: этот парнишка, – она махнула в сторону стола ярдах в двадцати от нас, – не помню, как его зовут.. Роберт или как-то в этом роде... Так вот, он прямо здесь и сейчас чистит свой аквариум. А ведь сегодня день выпуска новых акций! Вам не кажется, что это довольно странно?

Я посмотрел на предполагаемого преступника: это был молодой стрэттонец... нет, конечно, не стрэттонец, а просто юный неудачник с копной кудрявых каштановых волос и в бабочке. То, что у него на столе стоит аквариум, само по себе не было удивительным. Сотрудникам разрешалось приносить своих домашних животных в офис. Поэтому здесь водились игуаны, хорьки, песчанки, попугаи, черепахи, тарантулы, змеи, мангусты и любые другие животные, которых эти юные маньяки могли раздобыть с помощью своих раздутых кошельков. Здесь был даже попугай ара, знавший больше пятидесяти английских слов, который то изображал брокера, впаривающего клиенту акции, то просто посылал вас куда подальше. Воспротивился

я только однажды, когда один из молодых брокеров привел в офис шимпанзе на роликовых коньках и в памперсе.

– Позови-ка Дэнни, – бросил я, – хочу, чтобы он повнимательнее присмотрелся к этому парню.

Джанет кивнула и пошла за Дэнни, а я все еще не мог прийти в себя от шока. Как мог этот урод в бабочке сделать такое... нечто столь чудовищное! Его поступок противоречил всем принципам «Стрэттон-Окмонт». Это было настоящее кошунство! Положим, не богохульство, но явное преступление против самой Жизни! Это было грубейшим нарушением стрэттонского морального кодекса. И наказанием за это должно было стать... каким должно быть наказание? Ну, это я предоставляю решить Дэнни Порущу, своему младшему партнеру, который потрясающе умел приводить в чувство сотрудников, сбившихся с пути истинного. Да что там, он просто получал от этого наслаждение.

Как раз в этот момент я увидел приближающегося Дэнни и семенившую за ним Джанет. Дэнни явно был в ярости, а это означало, что у брокера в бабочке очень большие неприятности. Когда Дэнни приблизился, я пригляделся к нему и внутренне усмехнулся при мысли о том, насколько *нормальным* он выглядит. В этом заключалась удивительная ирония. Глядя на его серый костюм в полоску, накрахмаленную белую рубашку и красный шелковый галстук, нельзя было даже предположить, что он уже вплотную приблизился к давно и открыто объявленной цели – переспать с каждой ассистенткой в биржевом зале.

Дэнни Порущ – представитель самой нееврейской разновидности еврея. Рост и вес у него были средние – пять футов девять дюймов, сто семьдесят фунтов, и у него отсутствовали все те характерные черты, по которым можно было бы определить его принадлежность к избранному народу. Даже в стальном взгляде его голубых глаз, излучавших столько же тепла, сколько испускает айсберг средней величины, не было ничего еврейского.

И это было правильно – по крайней мере, с точки зрения Дэнни. Как и многие евреи до него, Дэнни сгорал от тайного желания выглядеть, как васп, и делал все от него зависевшее, чтобы приобрести законченную и абсолютную *важность* – начиная с его невероятных зубов, которые он отбеливал и покрывал коронками до тех пор, пока они не стали такими большими и такими белыми, что, казалось, почти излучали радиоактивность; с его очков в черепаховой оправе и со стеклами без диоптрий (у Дэнни было стопроцентное зрение) и дальше вплоть до черных кожаных туфель, сшитых на заказ и отполированных до зеркального блеска. Да, весь его облик вызывал мрачную усмешку – стоило вспомнить, что достигнув весьма зрелого возраста – тридцати четырех лет, – Дэнни обогатил новыми смыслами понятие *ненормальная психика*.

Конечно, я должен был заподозрить это уже шесть лет назад, когда мы только познакомились. Еще до того, как я основал «Стрэттон», Дэнни был у меня стажером. Однажды весной я предложил ему прокатиться со мной на Манхэттен, чтобы переговорить с бухгалтером. Когда мы туда приехали, он уговорил меня на минутку заскочить в один притон в Гарлеме, где торговали крэком, и там рассказал о своей жизни и о том, как он женился на своей кузине Нэнси, «потому что она та еще штучка». Когда я спросил Дэнни, не волнует ли его проблема возможной дурной наследственности при таком близком родстве, он спокойно ответил, что если у них родится умственно отсталый ребенок, то он просто оставит его на ступеньках соответствующего заведения, и все дела.

Наверное, уже в тот момент мне надо было сообразить, что такой человек поможет мне проявить все мои самые дурные качества, и бежать от него подальше. Вместо этого я устроил Дэнни очень выгодный кредит, чтобы помочь ему встать на ноги, а затем обучил его ремеслу брокера. Через год я создал «Стрэттон» и постепенно позволил Дэнни выкупить часть акций и стать моим партнером. За последние пять лет Дэнни доказал, что обладает мощными бойцовскими качествами – он уничтожил всех, кто стоял на его пути, и стал вторым человеком в

компании. И несмотря на все это, несмотря даже на его безумие, нельзя было не признать, что он был невероятно умен, хитер, как лисица, абсолютно безжалостен и, помимо всего прочего, предан, как пес. В то время я всегда полагался на него, если надо было сделать грязную работу, которая ему всегда невероятно нравилась.

Дэнни поздоровался со мной как мафиози – обняв и поцеловав в обе щеки. Это был знак преданности и уважения, в биржевом зале «Стрэттон-Окмонт» такие жесты высоко ценились. Но уголком глаза я видел, как циничная Джанет закатила глаза, готовая высмеять подобное проявление преданности и привязанности.

Дэнни наконец разомкнул свои мафиозные объятия и пробормотал:

– Я сейчас убью этого чертова придурка, клянусь богом!

Я пожал плечами.

– Дэнни, это произведет плохое впечатление, особенно сегодня. Думаю, тебе надо сказать ему, что если он до конца дня не уберет отсюда свой чертов аквариум, то аквариум сможет остаться, но ему самому придется уйти. Но, впрочем, дело твое, поступай, как считаешь нужным.

Джанет тут же подлила масла в огонь:

– О господи! Он еще бабочку нацепил! Вы только посмотрите на это!

– Негодяй, – сказал Дэнни тоном, уместным разве что в разговоре о злодее, изнасиловавшем монахиню и бросившем ее умирать, – я сейчас с ним разберусь по-свойски!

Он в ярости кинулся к столу брокера и заговорил с ним. Через несколько секунд брокер отрицательно помотал головой. Потом они еще поговорили, и брокер снова покачал головой. Потом уже сам Дэнни начал кивать, как будто у него заканчивалось терпение.

Джанет спросила:

– Интересно, о чем они разговаривают?

Как раз в этот момент Дэнни протянул руку к сачку, который держал брокер, и сделал нетерпеливое движение пальцами, словно говоря: «Давай-ка сюда свой чертов сачок!»

Но брокер быстро отвел свою руку вниз – и не дал Дэнни схватить сачок.

– Как вы думаете, что он собирается сделать с сачком? – задумчиво спросила Джанет.

Я обдумал все возможные варианты.

– Ну, не знаю. О, черт, ну конечно...

Совершенно неожиданно Дэнни с невероятной скоростью стащил пиджак, бросил его на пол, расстегнул пуговицы на рукаве рубашки, закатал рукав до локтя и сунул руку в аквариум. Он опустил руку в воду чуть не до самого плеча, а затем принялся быстро водить рукой во все стороны, пытаясь поймать ни в чем не повинную ярко-оранжевую золотую рыбку. Лицо у него словно окаменело, и он выглядел как человек, полностью отдавшийся во власть Зла.

Десяток молодых ассистенток за соседними столами испуганно взлетели со своих мест и рассыпались в стороны, не сводя глаз с Дэнни.

– О. Боже. Мой... – сказала Джанет. – Он убьет ее!

Как раз в этот момент Дэнни выпучил глаза, челюсть у него отвисла дюйма на три, а на лице появилось торжествующее выражение: «Попалась!» Через долю секунды он вытащил из аквариума руку с крепко зажатой в ней оранжевой рыбкой.

– Он поймал ее, – прошептала Джанет, прижимая кулак ко рту.

– Да, но теперь возникает вопрос на миллион долларов: что он собирается с ней делать? – я сделал паузу, а затем добавил: – Готов поставить сто к одному на тысячу баксов, что он ее съест. Идет?

Мгновенный ответ:

– Сто к одному? Идет. Он этого не сделает. Это слишком грубо. То есть я хочу сказать...

– тут Джанет замолкла, поскольку в этот момент Дэнни влез на стол, раскинул руки, как Иисус на кресте, и завопил:

– Вот что будет с теми, кто возится со своими домашними животными в *день выхода на рынок новых акций!* – И, немного подумав, он добавил: – А также никаких, блин, чертовых галстуков-бабочек в брокерском зале. Это же, блин, просто... смешно!

Джанет заискивающе спросила:

– А можно, пожалуйста, отменить наше пари?

– Извини, уже поздно!

– Ну нет, это же нечестно!

– Такова жизнь, Джанет, – я беспечно пожал плечами, – пора бы тебе это знать.

И в этот момент Дэнни разинул свою пасть и бросил туда оранжевую золотую рыбку.

Сотня брокеров разом охнула – и тут же начала восхищенно вопить, восхваляя Дэнни Поруша, убийцу невинной рыбки. Дэнни всегда немного наигрывал и теперь поклонился формальным поклоном, будто на бродвейской сцене. Потом он спрыгнул со стола, прямо в объятия своих поклонников.

Я принялся издеваться над Джанет:

– Можешь мне не платить. Я просто вычту проигрыш из твоей зарплаты.

– Только попробуйте, – прошипела она.

– Хорошо, тогда ты будешь мне должна, – я улыбнулся и подмигнул, – а теперь отправляйся, закажи цветы и принеси мне кофе. Пора уже, блин, начать работать.

Я вошел в свой кабинет пружинистым шагом с улыбкой на лице и закрыл за собой дверь – готовый принять все, что мир мне подбросит.

Глава 6

Замерзающие регуляторы

Через секунду я уже сидел в своем кабинете, на стуле размером с трон, за столом, который сделал бы честь любому диктатору, и недоверчиво говорил, обращаясь к двум моим сотрудникам, находившимся в комнате:

– Так, давайте-ка еще раз. Я правильно понял? Вы хотите притащить сюда карлика – и чтобы брокеры прямо в зале пинали его маленькую задницу?

Оба дружно кивнули.

Напротив меня в мягком, обтянутом темно-красной кожей кресле с невысокой спинкой развалился не кто иной, как Дэнни Поруш. Он, похоже, не испытывал никаких неприятных последствий от своей недавней эскапады и в данный момент пытался впарить мне свою очередную безумную идею: найти где-нибудь карлика и заплатить ему пять кусков за то, чтобы тот пришел к нам в биржевой зал, где брокеры будут по очереди пинать его под зад. Разумеется, это был бы первый чемпионат по пинанию карликов в истории Лонг-Айленда. Я понимаю, что все это звучит, мягко говоря, странно, однако в тот момент идея меня заинтриговала.

Дэнни пожал плечами.

– Не так уж это безумно. Ведь мы же не будем пинать маленького ублюдка беспорядочно, избивать его кто во что горазд. Я вижу это так: мы разложим у входа в биржевой зал гимнастические маты и разрешим пяти лучшим брокерам, которые особо отличатся с акциями Стива, сделать по два пинка каждому. На другом конце матов мы нарисуем что-то вроде мишени. Потом мы выберем нескольких ассистенток погорячее, чтобы они поднимали значки с баллами – как будто они судят соревнование по прыжкам в воду. Будут выставлять оценки в зависимости от стиля пинка, от того, как далеко улетит карлик, от уровня сложности, ну и от всякого такого прочего.

Я с сомнением покачал головой.

– Где ты успеешь за такой короткий срок найти карлика? – и, взглянув на Энди Грина, третьего нашего собеседника, добавил: – А ты что об этом думаешь? Ты же юрист нашей фирмы, ты же должен *что-нибудь* сказать по этому поводу, разве нет?

Энди глубокомысленно кивнул, словно пытаясь припомнить подходящие в данном случае правовые акты. Он был моим старым и верным другом, и недавно я сделал его главой финансового отдела. Каждый день он должен был перелопачивать десятки бизнес-планов, приславшихся в «Стрэттон», и решать, имеет ли смысл хоть какие-то из них показывать мне. По сути дела, финансовый отдел «Стрэттон» выступал в роли целого промышленного предприятия, продукцией которого были акции и купоны облигаций.

На Энди была типичная стрэттонская форма, состоявшая из безупречного костюма от Джильберто, белой рубашки, шелкового галстука и, в данном конкретном случае, самого ужасного парика из всех сделанных по эту сторону железного занавеса. Казалось, что кто-то натянул на его яйцевидный еврейский череп выцветший ослиный хвост, полил сверху шеллаком, приклеил сверху нечто вроде мисочки для каши, а в нее положил двадцатифунтовую пластину обедненного урана и оставил там на какое-то время. Именно этой прической объяснялось прозвище Энди – Вигвам.

– Хорошо, – сказал Вигвам, – если посмотреть на этот вопрос с точки зрения юридической, то надо будет получить от карлика подписанный договор и нечто вроде отказа от претензий. Если все это у нас будет, то я не думаю, что нам придется отвечать, даже если он сломает себе шею. Но нам следует все же предпринять все возможные превентивные меры, кои в данном случае было бы целесообразно предпринять в соответствии со здравым смыслом,

что, вне всяких сомнений, в рассматриваемом случае представляется законным требованием, каковое...

О господи! Я совершенно не нуждался ни в каком юридическом анализе проблемы пинания карликов – я просто хотел понять, как, по мнению Вигвама, это представление может повлиять на моральный дух брокеров. Так что я перестал слушать Энди и лениво поглядывал одним глазом на зеленые цифры и буквы, мерцавшие на мониторах с обеих сторон моего стола, а другим – в зеркальное окно, протянувшееся от пола до потолка. Через него был хорошо виден биржевой зал.

Мы с Вигвамом учились вместе еще в начальной школе. В то время у него прекраснейшие светлые локоны кукурузного цвета. Но увы, уже к семнадцати годам его дивные кудри ушли в прошлое и их едва хватало, чтобы прикрыть лысину.

Энди понял, что еще до окончания средней школы станет лысым как колено, и решил запереться в подвале у себя дома, курить один за другим косячки, набитые дешевой мексиканской травкой, рубиться в компьютерные игры, разогревать себе на завтрак, обед и ужин замороженную пиццу и ждать, пока эта сука природа-мать не доиграет с ним свою жестокую шутку.

Через три года он вылез из своего подвала, превратившись к тому времени в раздражительного еврея на вид примерно лет пятидесяти, с жалкими остатками волос, выпирающим животиком и новообретенной личностью, в которой соединились зануда ослик Иа-Иа из «Винни-Пуха» и паникерша Умная Эльза, ожидавшая, что небо вот-вот упадет на землю. Когда его поймали на списывании во время вступительного экзамена в университет, ему пришлось поступить в колледж в маленьком городке Фредония на севере штата Нью-Йорк, где студенты даже летом замерзали насмерть. Энди удалось в конце концов продрасть сквозь частокол жестких академических требований этого прекрасного учебного заведения, и через пять с половиной лет он получил диплом. Он не стал от этого ни на йоту умнее, зато одевался еще более безвкусно, чем раньше. Из колледжа он сумел всеми правдами и неправдами проложить себе путь в какой-то игрушечный юридический вуз в Южной Калифорнии и получить там диплом, обладавший такой же солидностью, как если бы он нашел его в киндер-сюрпризе.

Но, конечно же, в компании «Стрэттон-Окмонт» на подобные мелочи никто не обращал внимания. Здесь все строилось на личных отношениях да еще на преданности. Поэтому, когда Эндрю Тодд Грин, он же Вигвам, услышал о потрясающем успехе, обрушившемся на его друга детства, он пошел по стопам всех остальных моих друзей детства, нашел меня, поклялся мне в вечной преданности до гроба и получил место у кормушки. Это было чуть больше года назад. С тех пор, как это было заведено в «Стрэттон», он подсиживал, обманывал, вводил в заблуждение и выживал каждого, кто стоял на его пути, до тех пор, пока, в соответствии с одним из принципов Паркинсона – «каждого повышают до уровня его некомпетентности», он не проложил себе путь на самую вершину стрэттонской пищевой цепочки.

Он совершенно не разбирался в тонком искусстве финансов (которое заключалось в умении выявлять только что оперившиеся и растущие компании, нуждавшиеся в деньгах настолько, чтобы согласиться продать мне порядочный кусок своих акций), поэтому я все еще продолжал обучать его. А учитывая тот факт, что у Вигвама был диплом юриста, которым я даже чудесную маленькую попку своей дочери не стал бы подтирать, то для начала я положил ему скромную зарплату в 500 тысяч долларов.

– Так что ты об этом думаешь? – вдруг спросил Вигвам.

Я вынырнул из своих грез. Я понятия не имел, о чем тут бормотал Энди, если не считать того, что в принципе речь, кажется, шла о карликах и пинках. Поэтому я проигнорировал Энди, а вместо этого повернулся к Дэнни и спросил:

– Так где ты собираешься найти карлика?

Энди пожал плечами.

– Не знаю точно, но если ты дашь мне «добро», то я начну со звонка в цирк братьев Ринглинг.

– А можно еще во Всемирную федерацию спортивной борьбы, – встрял мой доверенный адвокат. «Господи Иисусе, блин! – подумал я. – Да у меня тут психов больше, чем в любом дурдоме!»

Я глубоко вздохнул и сказал:

– Слушайте, ребята, пинать карлика – это дело нешуточное. Независимо от своей весовой категории, карлики бывают сильнее гризли, и, если хотите знать правду, я их вообще жутко боюсь. Так что прежде чем я соглашусь на всю эту историю, вам придется найти мне какого-нибудь... ну типа дрессировщика, который сможет обуздать этого карлика, если у него поедет крыша. Кроме того, нам понадобятся дротики со снотворным, наручники...

– Смирительная рубашка! – перебил Вигвам.

– Электрошокер! – воскликнул Дэнни.

– Точно, – сказал я, и мы все немного посмеялись. – Но главное, чтобы этот ублюдок не заторчал и не начал гоняться за ассистентками. Эти малыши ведь жутко похотливые и трахаются как кролики.

Тут мы все опять немного посмеялись, и я сказал:

– А вообще-то, если это попадет в газеты, то ведь черт знает что начнется.

Дэнни пожал плечами.

– Ну не знаю, мне кажется, что мы можем придать всей этой истории позитивный смысл. Ты только задумайся: много ли существует рабочих мест для карликов? Можно будет сказать, что мы просто делимся с менее удачливыми, чем мы сами, – он опять пожал плечами. – Да в любом случае наплевать.

Вот тут он был прав. Правда заключалась в том, что всем нам уже было наплевать на любые газеты. Все они постоянно нас ругали, утверждали, что все мы в «Стрэттон» – разнuzданные отщепенцы, а самый разнuzданный из них – я, «не по годам развитой молодой банкир», живущий в «собственном самодостаточном мире на Лонг-Айленде» и к которому «неприменимы обычные критерии поведения». Для прессы «Стрэттон» и я были абсолютно неразделимы, как сиамские близнецы. Даже когда я жертвовал деньги детскому приюту, журналисты умудрялись находить в этом что-то неправильное: один абзац был посвящен моей щедрости, а дальше три или четыре страницы – всяким гадостям про меня.

Атака прессы началась в 1991 году, когда Рула Халаф, крайне настырная репортерша из журнала «Форбс», обозвала меня «извращенной версией Робин Гуда, который грабит богатых и отдает деньги... себе и развеселой банде своих брокеров». Конечно, она заслужила высший балл за свое остроумие. И, конечно, я был немного ошарашен, по крайней мере, сначала, пока не пришел к выводу, что эта статья по сути дела была комплиментарной. Многим ли молодым людям двадцати восьми лет от роду «Форбс» посвящает большие статьи? И невозможно было отрицать, что весь этот треп про Робин Гуда только подчеркивал мою щедрость! Именно после этой статьи у моих дверей начали выстраиваться целые очереди новобранцев.

Да, как это ни смешно, стрэттонцы, работавшие на человека, которого обвиняли во всех смертных грехах (ну, может, кроме похищения ребенка Линдбергов), были невероятно польщены. Они маршировали по торговому залу и скандировали:

– Мы! Твоя! Развеселая! Банда! Мы! Твоя! Развеселая! Банда!

Некоторые специально ради такого случая нацепили трико, другие нахлобучили на себя лихо заломленные старинные береты. Кто-то выступил с блистательной идеей, что надо бы лишить невинности какую-нибудь девственницу – это было бы очень *по-средневековому*, – однако весьма энергичные поиски ни к чему не привели: во всяком случае, в офисе «Стрэттон» таковых обнаружить не удалось.

Так что Дэнни был прав. Всем было наплевать на газеты. Но все же – пинать карлика?.. Сейчас у меня не было времени об этом думать. Мне надо было заняться более серьезными вещами, связанными с размещением ценных бумаг Стива Мэддена. Кроме того, мне еще предстоял трудный разговор с отцом, который, конечно же, уже сидел где-то неподалеку в засаде, держа в одной руке счет из «Америкэн Экспресс» на полмиллиона долларов, а в другой, как обычно, стакан «Столичной» с перцем.

Я сказал Вигваму:

– Пойди-ка найди Мэддена и скажи ему что-нибудь ободряющее. Когда будет выступать, пусть говорит коротко и приветливо и не увлекается рассказами о том, как он обожает дамские туфли. Если он в это углубится, они его линчуют.

– Будет сделано, – ответил Вигвам, вставая со стула, – сапожник без сапог!

Эдди еще не вышел из кабинета, а Дэнни уже начал язвить по поводу его парика.

– Что это у него за дешевый коврик на голове? – спросил он. – Похоже, блин, на дохлую белку.

Я пожал плечами.

– Думаю, это ему удружили в клинике по восстановлению волос. Он давно к ним таскается. Может быть, надо просто отвести его в химчистку? Ладно, давай сосредоточимся на минутку: у нас все еще есть проблема с акциями Мэддена, и времени совсем не осталось.

– Я думал, NASDAQ проводит листинг! – удивился Дэнни.

Я покачал головой.

– Они могут провести, но тогда они позволят нам оставить себе только пять процентов акций, и все. Остальное мы должны передать Стиву до начала торгов. Это значит, что надо все бумаги подписать сейчас, вот прямо утром! А еще это значит, что мы должны быть уверены, что Стив будет вести себя правильно, когда акции окажутся на рынке! – я поджал губы и снова медленно покачал головой: – Не знаю, Дэн, мне кажется, что он ведет с нами двойную игру. Я не уверен, что он поступит *правильно*, когда дойдет до дела.

– Джей Би, ему можно доверять. Сто пудов, на Стива можно положиться. Я знаю его тысячу лет и уверяю тебя, он прекрасно понимает, что бывает с теми, кто нарушает *закон чести*.

Дэнни прижал большой и указательный пальцы к уголку рта и провел ими вдоль губ, как бы застегивая «молнию»: он будет держать рот на замке, он знает, что такое закон чести, закон молчания, *омерта*, как называют этот закон мафиози. Затем он сказал:

– В любом случае, после всего, что ты для него сделал, он тебя не подведет. Стив не дурак, а в качестве моего *подставного* он зарабатывает столько денег, что не захочет их терять.

Подставной – так мы в «Стрэттоне» называли номинальных, фиктивных владельцев ценных бумаг. Теоретически наличие такого номинального владельца не противоречило закону, если при этом платились все налоги и договор с *подставным* не нарушал законодательства о ценных бумагах. Номинальных владельцев на Уолл-стрит было много, и крупные игроки использовали их для консолидации больших позиций, не привлекая внимания других инвесторов. Это было абсолютно законно, пока вы не приобретали больше пяти процентов акций любой компании – превысив этот лимит, необходимо было заполнить форму 13D и указать в ней истинного владельца (себя) и свои намерения.

Однако мы-то использовали номинальных владельцев для того, чтобы тайно скупать большие пакеты новых выпусков стрэттонских бумаг, – и таким образом нарушали сразу столько пунктов законодательства о ценных бумагах, что Комиссия по ценным бумагам и биржам все время пыталась придумать новые правила, лишь бы прижать нас. Проблема заключалась в том, что в существовавших на тот момент законах было больше дыр, чем в швейцарском сыре. Конечно, этими дырами на Уолл-стрит пользовались не только мы – по сути дела, все это делали. Просто мы делали это гораздо более нагло, чем остальные.

Я ответил:

– Конечно, я понимаю: он твой *подставной*. Но не так-то просто контролировать того, у кого уже есть деньги. Уж можешь мне поверить. Я занимаюсь этим дольше, чем ты. Здесь надо прежде всего контролировать будущие планы своего подставного, а не рассчитывать на то, что ты его уже благодетельствовал и он навсегда признателен тебе за это. Вчерашняя прибыль была вчера, и случись что сегодня, этот человек повернется против тебя. Люди не любят чувствовать себя обязанными кому-то, а особенно близким друзьям. Проходит какое-то время, и ты начинаешь раздражать своих *подставных*. Я уже таким образом потерял нескольких друзей. Подожди немного – и ты тоже потеряешь. В общем, я хочу сказать, что дружба, построенная на деньгах, долго не длится, так же, как и преданность. Именно поэтому таким друзьям, как Вигвам, здесь цены нет. Преданность просто так не купишь, понимаешь, что я имею в виду?

Дэнни кивнул.

– Ну да, у меня со Стивом так же.

Я продолжал:

– Пойми меня правильно, я не хочу недооценивать твои отношения со Стивом. Но мы сейчас говорим по меньшей мере о восьми миллионах баксов. А если у компании хорошо пойдут дела, то, может быть, и о сумме в десять раз большей, – я пожал плечами, – кто знает, как все сложится? У меня в кармане нет хрустального шара, зато у меня там шесть штук колес, которыми я с радостью с тобой поделюсь после закрытия рынка!

Дэнни улыбнулся и поднял большие пальцы:

– Я в доле!

Я кивнул.

– В любом случае, точно могу тебе сказать, что у меня хорошие предчувствия. Я думаю, что эта компания хорошо поднимется. А у нас два миллиона их акций. Так что посчитай, дружище: сто баксов за акцию – значит, получается двести миллионов баксов. Такие деньги заставляют людей делать странные вещи. Не только Стива Мэддена.

Дэнни кивнул и сказал:

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, и, конечно же, ты разбираешься в таких делах. Но точно говорю тебе, Стив не подведет. Есть только одна проблема – как потом получить от него эти деньги. Он не так чтобы очень быстро расплачивается.

Это был важный момент. Одна из проблем с *подставными* заключается в том, что всегда сложно оформить передачу денег так, чтобы комар носу не подточил. Особенно если речь идет о миллионах.

– Есть разные способы, – продолжал я, – конечно, проще всего сделать договор об оказании консалтинговых услуг, однако если речь пойдет о десятках миллионов, то я бы подумал о наших швейцарских счетах, хотя мне бы хотелось как можно дольше сохранять их в тайне. Но в любом случае, судя по тому, как идут дела, у нас будут еще более мощные IPO⁴, чем у «Стив Мэдден Шуз». У нас будет еще пятнадцать таких компаний, как у Стива. И если я даже Стиву не могу доверять полностью, то остальных-то я вообще почти не знаю.

– Скажи, как ты хочешь, чтобы я поступил со Стивом, и я так и поступлю, – ответил Дэнни, – но повторяю, тебе не о чем беспокоиться. Он тебя превозносит больше, чем кто бы то ни было.

Я прекрасно знал, как Стив восхваляет меня, даже слишком хорошо это знал. Но дело в том, что я вложил деньги в его компанию, а за это получил восемьдесят пять процентов акций. Так должен ли он чувствовать, что он мне обязан? Мне кажется, что он – если только в него не переселилась душа Махатмы Ганди – должен был, наоборот, быть слегка на меня обиженным, совсем чуть-чуть, за то, что я присвоил такую большую часть его бизнеса.

---

⁴ IPO (сокр. от Initial Public Offering) – первая публичная продажа акций акционерного общества.

Было еще кое-что, что меня беспокоило и о чем я не мог сказать Дэнни: Стив не раз намекал, что хотел бы иметь дело непосредственно со мной, а не с Дэнни. И хоть я и не сомневался, что Стив просто хотел подольститься ко мне, трудно было придумать более неподходящую для нас стратегию. Было понятно, что Стив – хитрый манипулятор и, что еще важнее, он постоянно ищет повсюду более выгодную сделку. Если ему удастся найти эту Выгодную Сделку, то для наших отношений это будет конец.

В данный момент я был нужен Стиву. Но это никак не подкреплялось ни тем обстоятельством, что «Стрэттон» помог ему заработать семь миллионов долларов, ни тем, что Дэнни сделал Стива своим подставным и дал заработать еще почти три лимона. Ведь это было вчера. В будущем мои возможности держать Стива в руках будут зависеть от умения контролировать цену его акций после того, как они начнут торговаться на открытом рынке. Я был основным организатором торгов для Стива Мэддена, а это значило, что практически все сделки с его акциями будут происходить в стенах брокерского зала «Стрэттон» – это давало мне возможность поднимать и опускать цену на них, как только я сочту это нужным. Так что, если Стив не захочет с нами сотрудничать, я смогу буквально раздавить его и уронить его акции так, что они будут стоить копейки.

Вообще-то такой дамоклов меч висел над головами всех клиентов инвестиционной компании «Стрэттон-Окмонт». Эта постоянный шантаж был мне нужен как гарантия того, что все они сохраняют лояльность, то есть будут продавать мне свои новые акции по цене ниже рынка, чтобы я затем перепродавал их с огромной прибылью, используя всю мощь своего биржевого зала.

Разумеется, не я придумал столь мудрую схему финансового шантажа. На самом деле то же самое происходило в самых уважаемых инвестиционных банках Уолл-стрит – таких как «Меррил Линч» и «Морган Стэнли», «Дин Уиттер» и «Саломон Бразерс», да и в десятках других: все они без малейших угрызений совести изо всех сил врезали бы под дых любой компании, пусть стоимостью и в миллиард долларов, которая решила бы прекратить сотрудничество с ними.

Я подумал, что по иронии судьбы как раз самые респектабельные и, как предполагалось, наиболее законопослушные финансовые институты превратили операции с казначейскими обязательствами правительства в мошеннические схемы, довели до банкротства округ Оранж в Калифорнии («Меррил Линч»), отняли у бабушек и дедушек 300 миллионов долларов («Пруденшиал-Бейч»). И несмотря на все это, продолжали заниматься своей деятельностью, продолжали процветать под защитой вассов.

Но как только речь заходила о «Стрэттон-Окмонт», сравнительно небольшом бизнесе инвестиционно-банковских услуг – или, как любили писать журналисты, «бизнесе копеечных бумаг», оказывалось, что у нас такой неприкосновенности нет. Собственно, все бумаги новых эмиссий начинали торговаться по цене от четырех до десяти долларов, так что их никак нельзя было назвать копеечными. Но регуляторы, к большому сожалению, никогда не обращали внимания на эту деталь. Именно по этой причине наблюдателям из Комиссии по ценным бумагам и биржам – особенно тем двоим придуркам, которые сейчас торчали в моем конференц-зале, – никак не удавалось оформить надлежащим образом иск на 22 миллиона долларов, который они подали против меня. Вся проблема заключалась в том, что Комиссия готовила свой иск исходя из того, что «Стрэттон» устроен так же, как все компании, торгующие копеечными акциями, но на самом деле это было совершенно не так.

Всем известно, что фирмы, торгующие копеечными акциями, всегда децентрализованы и десятки их офисов разбросаны по всей стране. А у «Стрэттон» был только один офис, и это давало мне возможность сгладить негативное воздействие, которое известие о поданном против нас иске неминуемо должно было оказать на мотивацию и моральный дух сотрудников. Как правило, самого факта подачи иска обычно было достаточно, чтобы копеечная фирма закры-

лась. Кроме того, такие фирмы работали с очень примитивными инвесторами, которые располагали ничтожным капиталом. Этих инвесторов можно было убедить пустить в оборот пару тысяч долларов, не больше. А «Стрэттон» имел дело с богатейшими инвесторами Америки и успешно убеждал их пускать в оборот миллионы. Поэтому Комиссия не могла выступить со своим обычным предупреждением о том, что клиенты «Стрэттон» не должны рисковать своими деньгами, вкладывая их в сомнительные спекуляции.

Но Комиссия по ценным бумагам и биржам просто не подумала об этом до подачи своего иска. Они ошибочно решили, что одних негативных отзывов в прессе будет достаточно, чтобы «Стрэттон» прекратил свою деятельность. Но у меня был только один офис, все мои люди были у меня на глазах, мне легко было поддерживать их мотивацию, и ни один человек от меня не ушел. А Комиссия приступила к изучению наших отчетов о заключенных сделках только после подачи иска, и только тут до них дошло, что все наши клиенты были миллионерами.

На самом деле я просто занял новую нишу и вместо того, чтобы впаривать копеечные (дешевле одного доллара) акции девяти процентам жителей Америки, у которых не было или почти не было собственных капиталов, стал продавать пятидолларовые бумаги одному проценту самых богатых американцев. На Уолл-стрит была фирма «Ди-Эйч Блэр», которая больше двадцати лет подбиралась к этой идее, но так и не сорвала джек-пот, хотя хозяин фирмы, наглый еврей по имени Джей Мортон Дэвис, сумел заработать гигантское состояние и стал легендой Уолл-стрит.

Но я-то как раз *сумел* попасть в яблочко, и так удачно сложилось, что попал я в него в правильное время. Рынок акций еще только приходил в себя после Великого Октябрьского Краха, и в царстве капитала все еще царил хаос. *NASDAQ* постепенно вырос, и на Нью-Йоркской фондовой бирже его больше не воспринимали как отброс. На каждом столе появлялись скоростные компьютеры, молниеносно отправлявшие единицы и нули от одного побережья к другому – отменив таким образом необходимость физически находиться на Уолл-стрит. Это было время перемен и глубоких потрясений. И когда индекс *NASDAQ* взлетел до небес, я, по забавному совпадению, запустил для своих молодых брокеров интенсивную программу повышения квалификации, занимавшую три часа в день. Так из догоравших углей Великого Краха родилась инвестиционно-банковская фирма «Стрэттон-Окмонт». И прежде чем какие-либо регулирующие органы поняли, что произошло, она уже обрушилась на Америку с мощью атомной бомбы.

В этот момент мне в голову как раз пришла ценная мысль, и я спросил Дэнни:

– А что сегодня говорят два этих идиота из Комиссии по ценным бумагам и биржам?

– Да ничего нового, – ответил Дэнни, – сидят себе тихо, обсуждают в основном тачки на парковке, обычное дерьмо.

Он пожал плечами.

– Знаешь, они вообще ничего не соображают. По-моему, они даже не понимают, какую мы сегодня сделку заключаем. Они все еще изучают наши записи от 1991 года.

– Хм, – промычал я, задумчиво поглаживая подбородок. Слова Дэнни меня совсем не удивили. Я уже месяц как установил жучок в конференц-зале и каждый день получал подробные разведданные о деятельности Комиссии. И первое, что я узнал об этих представителях регулятора (помимо того, что оба они были абсолютно безликими типами), так это то, что у них одна рука представления не имела о том, что творит другая. Пока одни придурки из Комиссии, сидевшие в Вашингтоне, собирались разорвать в клочья IPO Стива Мэддена, другие такие же придурки, сидевшие в моем офисе в Нью-Йорке, вообще не понимали, что должно вот-вот произойти.

– А какая сейчас температура в конференц-зале? – с живым интересом спросил я.

Дэнни пожал плечами.

– Градусов двенадцать, я думаю. Они сидят в пальто.

– Черт возьми, Дэнни! Почему, блин, там так *тепло*? Я же сказал тебе – я хочу заморозить этих ублюдков, чтобы они убрались на Манхэттен! Мне что, мастера по ремонту холодильников вызывать, чтобы он это сделал? Дэнни, я хочу, чтобы из их чертовых носов торчали сосульки. Что тут непонятного?

Дэнни ухмыльнулся.

– Послушай, Джей Би. Мы можем их заморозить, мы можем сварить их живьем. Я, пожалуй, могу установить на потолке маленький керосиновый обогреватель, и там станет так жарко, что им вряд ли удастся выжить. Но если им будет неудобно работать в нашем конференц-зале, то они перейдут в другое место, и тогда мы не сможем больше слушать их разговоры.

Я медленно вдохнул и выдохнул. «Дэнни прав», – подумал я и сказал:

– Ну хорошо, хрен с ними. Пусть эти ублюдки доживут до старости. А вот что касается Мэддена, то я хочу, чтобы он подписал бумагу, в которой говорится, что акции по-прежнему принадлежат нам, независимо от того, какова будет их цена, и независимо от того, что написано в инвестиционном меморандуме. А еще я хочу, чтобы Стив передал сертификат о праве собственности на акции на хранение третьему лицу, тогда мы сможем его контролировать. Пусть этим третьим лицом будет Вигвам. И никто не должен об этом знать. Это все останется между друзьями, *омерта*, чувак. И тогда, даже если Стив попытается нас кинуть, все будет хорошо.

Дэнни кивнул.

– Я займусь этим, хотя и не понимаю, чем это нам поможет. Если мы когда-нибудь попытаемся нарушить договоренность, то окажемся в таком же дерьме, как и он. Мы ведь нарушаем примерно семнадцать тысяч законов и инструкций, – несмотря на то, что офис лишь недавно проверяли на наличие жучков, Дэнни произнес эти слова одними губами, – когда используем Стива как подставного при таком объеме акций.

Я поднял руку и нежно улыбнулся.

– Ну, ну, ну. Угомонись! Во-первых, офис проверяли на жучки тридцать минут назад, так что, если они уже сумели их снова установить, значит, они заработали право нас поймать. И мы нарушаем вовсе не семнадцать тысяч законов, а всего-то три или четыре. О`кей, о`кей, пять. Но в любом случае об этом никто никогда не узнает.

Я пожал плечами с видом оскорбленной невинности.

– Ты меня удивляешь, Дэн. Письменное соглашение нам очень поможет, даже если мы не сможем им воспользоваться. Это психологически мощное средство, которое не даст ему нас кинуть.

Как раз в этот момент по интеркому раздался голос Джанет:

– К вам идет ваш отец.

– Скажи ему, что у меня встреча, черт возьми, – крикнул я.

– Вот еще, – бросила в ответ Джанет, – сами ему это говорите. Я не буду.

Что за нахальство! И как ей наглости хватает! Секундное молчание, и я умоляющим тоном сказал в интерком:

– Джанет, пожалуйста! Просто скажи ему, что у меня важная встреча, или селекторное совещание, ну, или что-нибудь еще, *прошу тебя!*

– Нет, нет и нет, – бесстрастно ответила она.

– Спасибо тебе, блин, ты не помощница, а просто чудо! Напомни мне об этом через две недели, когда я соберусь выписывать тебе рождественский бонус!

Я остановился в ожидании ответа. Его не было. Мертвое молчание, черт возьми. *Невероятно!* Но я не сдавался.

– Он далеко?

– Примерно в пятидесяти ярдах отсюда, и приближается со страшной скоростью. Я даже отсюда вижу, как у него вены на лбу раздулись, и он курит минимум одну сигарету, а может быть, даже и две сразу. Богом клянусь, он похож на огнедышащего дракона.

– Спасибо, что подбодрила меня, Джанет. Ты не можешь по крайней мере как-нибудь его отвлечь? Может, включить пожарную тревогу? Я...

Как раз в этот момент Дэнни приподнялся со стула, явно собираясь покинуть мой кабинет. Я поднял руку и резко спросил:

– Куда это ты собрался, мужик? – и ткнул пальцем в сторону его кресла. – Сядь, блин, и расслабься.

Я снова повернулся к интеркому.

– Джанет, подожди, не уходи никуда, – затем снова к Дэнни: – Хочу тебе кое-что сказать, дружище: по крайней мере пятьдесят из шестидесяти тысяч этого счета «Америкэн Экспресс» твои, так что тебе тоже придется все выслушать. Кроме того, от численности боевого состава многое зависит. Джанет, скажи Кенни, чтобы он немедленно оторвал от стула свою задницу и шел ко мне. Ему тоже придется отвечать за это дерьмо. И открой мою дверь. Немного шума нам не помешает.

Кенни Грин, еще один мой партнер, был совсем не похож на Дэнни. Вообще-то, трудно было бы найти двух человек, сильнее отличавшихся друг от друга. Дэнни был умнее, и, как бы дико это ни звучало, он, безусловно, был *тоньше*. Зато Кенни был более целеустремленным, так как вечно жаждал все знать и все понимать – качество, которого Дэнни был начисто лишен. При этом, как ни грустно это признавать, Кенни был полным придурком. У него был просто потрясающий дар вдруг произносить самые идиотские вещи во время деловых встреч, особенно во время *самых важных* встреч, поэтому на встречи я его больше не пускал. Дэнни, конечно, был этому несказанно рад и редко упускал возможность напомнить мне об одном из многочисленных провалов Кенни. Но в любом случае у меня имелись Кенни Грин и Энди Грин, не имевшие друг к другу никакого отношения, – казалось, меня окружают сплошные Рокки и Грины.

В этот момент дверь широко распахнулась, впуслав в кабинет мощный рев брокерского зала. Там бушевал настоящий тайфун алчности, и мне это ужасно нравилось. Этот звук – о да, это был самый сильнодействующий наркотик. Он был сильнее, чем ярость моей жены, сильнее боли у меня в спине, сильнее, чем придурки из регулирующей комиссии, дрожавшие сейчас от холода в моем конференц-зале.

Он был даже сильнее, чем безумие моего отца, который как раз открывал рот, чтобы издать свой собственный мощный рык.

Глава 7

Треволнения из-за мелочей

Безумный Макс говорил угрожающим тоном, а его сверкавшие яростью голубые глаза были так выпучены, что он походил на персонажа мультфильма, который вот-вот лопнет. Он сказал:

– Вы, три ублюдка, если вы немедленно не измените выражение своих самодовольных физиономий, то, черт меня возьми, я сам сделаю так, чтобы вы смотрели на меня по-другому!

Сказав это, он пошел вперед... медленно, целенаправленно... его лицо было так искажено, что превратилось в маску беспредельной ярости. В правой руке у него была зажженная сигарета, наверное, уже двадцатая за сегодняшнее утро, в левой руке – белый пластиковый стаканчик «Столичной», надеюсь, что первый за день, но, может быть, уже и второй.

Неожиданно он остановился, резко развернулся, словно прокурор в суде, и пронзительно посмотрел на Дэнни.

– Ну, что *ты* мне скажешь, Поруш? Я всегда знал, что ты, черт тебя побери, умственно отсталый, но не представлял, что насколько. Проглотить живую золотую рыбку на глазах у всего биржевого зала! Ты что, совсем охренел?

Дэнни лениво поднялся на ноги и ответил с улыбкой:

– Да ладно тебе, Макс! Это было не так уж и плохо. Парнишка заслужил...

– Поруш, сядь и заткнись! Ты просто козел, ты позоришь не только себя, но и всю свою семью, прости их, господа, – Безумный Макс на минутку остановился, а потом добавил: – И, черт тебя возьми, перестань улыбаться! От твоих отбеленных зубов глазам больно! Мне что – темные очки надеть, чтобы на тебя смотреть?

Дэнни плюхнулся обратно на стул и плотно сжал губы. Мы с ним переглянулись, и я ощутил совершенно неуместное желание улыбнуться. Однако сумел удержаться, потому что знал – от этого станет только хуже. Уголкем глаза я взглянул на Кенни. Он развалился напротив меня в том же кресле, где до этого сидел Вигвам, но мне не удалось встретиться с ним взглядом. Он очень внимательно разглядывал свои ботинки, которые, как обычно, нуждались в хорошей чистке. Как водится на Уолл-стрит, у него были закатаны рукава, чтобы был виден мощный золотой «ролекс» на запястье. У него была модель «Президент» – вообще-то это были мои старые часы, от которых Герцогиня заставила меня отказаться, потому что в таких, по ее словам, «ходят только неотесанные жлобы». Но Кенни совсем не выглядел неотесанным, хотя и слишком светским он тоже не выглядел. А с его новой армейской стрижкой его квадратная дубовая башка стала еще более квадратной и дубовой. Я подумал, что младший партнер у меня – настоящий дуболом.

Между тем в комнате повисло ужасающее молчание, и это означало, что мне пора остановить надвигающееся безумие. Поэтому я, не вставая с кресла, чуть подался вперед, выбрал из своего блистательного словарного запаса как раз такие слова, которые, как мне было известно, должны были произвести наибольшее впечатление на моего отца, и сказал тоном начальника:

– Ладно, папа, кончай валять дурака! Почему бы, блин, тебе не успокоиться на минутку? Это, черт возьми, моя компания, и у меня есть вполне законные представительские расходы. И потом, я...

Но Безумный Макс перебил меня прежде, чем я смог добраться до конца своей мысли.

– Ты хочешь, чтобы я успокоился, когда вы, трое взрослых придурков, ведете себя, как малые дети в магазине сладостей? Вы считаете, что это никогда не кончится, правда? Что это просто одна огромная, блин, вечеринка для трех идиотов и что дождь никогда не пойдет? Ну так я вам кое-что, блин, скажу: мне чертовски надоела вся эта хрень. Мне осточертело, что вы заставляете эту чертову компанию оплачивать ваши личные расходы.

Тут он замолк и уставился на нас в упор – прежде всего на меня, своего родного сына. Но, похоже, в этот момент он как раз сильно сомневался: не принес ли меня все-таки аист. И прежде чем он от меня отвернулся, я успел внимательно рассмотреть отца и восхитился, каким франтом он сегодня выглядит. О да, несмотря ни на что, Безумный Макс одевался невероятно эффектно: он любил синие блейзеры с косыми английскими воротниками, широкие шейные платки, как у моряков, и сшитые на заказ рубашки, виртуозно накрахмаленные и отглаженные в той самой китайской прачечной, услугами которой он пользовался последние тридцать лет. Мой папаша был верен своим привычкам.

Так мы и сидели, словно маленькие провинившиеся детки, и терпеливо ждали, когда старик обрушит на нас следующую порцию своей брани, хотя я-то знал, что он должен сначала сделать еще кое-что: закурить. Прошло, наверное, секунд десять, пока он не сделал огромную затяжку своей «Мерит Ультра» с низким содержанием смол, раздув при этом свою мощную грудь примерно вдвое, словно отпугивающая хищника рыба фугу. Потом он медленно выдохнул дым и сдулся до своих обычных размеров. Но у него все еще были огромные плечи, он всегда немного наклонялся вперед при ходьбе, и волосы его были слегка тронуты сединой. Все это придавало ему вид бешеного быка ростом в пять футов шесть дюймов в холке.

Затем он откинул голову назад, сделал огромный глоток из своего пластикового стаканчика, залпом проглотив его обжигающее содержимое, словно оно было не крепче охлажденной минералки, покачал головой и продолжил:

– Вы, три идиота! Вы зарабатываете столько денег и бросаете их на ветер, как будто завтра вообще не существует. Это просто издевательство какое-то. О чем вы все трое думаете? Вы что, думаете, я просто тюфяк, который будет закрывать глаза и делать вид, что не видит, как вы своими руками уничтожаете эту чертову компанию? Да вам вообще приходит в голову, сколько народу зависит от вас? Да понимаете ли вы, какому риску вы подвергаете...

Безумный Макс еще долго продолжал в этом типичном для него духе, но я уже отключил внимание. В принципе, меня совершенно завораживало его умение сплести вместе такое огромное количество ругательств без какого-либо заранее продуманного плана и при этом так чертовски поэтично все формулировать. Он совершенно восхитительно ругался – просто с шекспировской грандиозностью. А в «Стрэттон-Окмонт», где виртуозное сквернословие ценилось как искусство высшего сорта, сказать человеку, что он умеет «вязать ругань», означало сделать ему высший комплимент. Но Безумный Макс переводил все это на совершенно новый уровень, и когда он, как сегодня, бывал по-настоящему в ударе, его тирады было действительно приятно послушать.

В данный момент Безумный Макс с отвращением – а может, с недоверием? – качал головой. Похоже, что он ощущал и то и другое. Как бы то ни было, он качал головой и более или менее терпеливо объяснял нам, трем умственно отсталым придуркам, что «Америкэн Экспресс» выставила нам в ноябре счет на 470 тысяч долларов и что, по его подсчетам, списать из этой суммы на деловые издержки удастся максимум 20 штук. Все остальные расходы были совершенно личного характера, вернее, как он выразился, были нашим «приватным дерьмом». Затем он произнес угрожающим тоном:

– Вот что я вам, маньякам, скажу: вашим задницам скоро плохо придется! Помните мои слова – рано или поздно сюда припрутся ублюдки из налогового управления и проведут полный аудит. Блин, да вы тут же окажетесь в полном дерьме, если только кто-нибудь не остановит все это безумие. Вот почему я отправлю этот счет каждому из вас лично.

Он покивал, словно соглашаясь с собственными словами.

– Я не буду проводить его через наши книги – ни одного пенни из этого счета, блин! Я вычту все эти четыреста пятьдесят штук из ваших нефиговых зарплат – и только попробуйте мне возразить!

Что-что? Ну и наглость! Мне надо было сказать ему что-то на доступном ему языке.

– Папа, придержи лошадей, блин! Ты порешь полную чушь! Большая часть этого дерьма – законные представительские расходы, веришь ты этому или нет. Перестань хоть на минуту орать, и я объясню тебе, что...

И тут он обрушился уже непосредственно на меня:

– А, это ты, наш Волк с Уолл-стрит, выживший из ума еще в детстве! Мой собственный сын! Порождение моих чресел, блин! Как такое возможно? Ты же хуже их всех! За каким чертом тебе понадобились два совершенно одинаковых меховых манто, причем каждое стоило восемьдесят тысяч баксов? Да-да, я туда позвонил, в этот чертов «Меховой дом Алессандро», потому что я подумал, что тут какая-то ошибка! Вовсе нет – знаешь, что мне сказал этот греческий ублюдок?

Я обреченно сказал:

– Нет, папа, не знаю.

– Он подтвердил, что ты купил два одинаковых норковых манто! Одного цвета! Одного фасона! – тут Безумный Макс наклонил голову набок, прижал подбородок к ключице, устремил на меня пронзительный взгляд своих выпученных голубых глаз и прошипел: – Что, *одного* манто твоей жене недостаточно? Или... Пстой-ка, дай я угадаю – второе ты купил проститутке?

Он замолчал на секунду, сделал еще одну глубокую затяжку и понесся дальше:

– Вот где у меня сидит вся эта фигня! Ты что думаешь, я не знаю, что такое «И-Джи-Энтертейнмент»? – он даже глаза прикрыл от ярости. – Вы, чертовы маньяки, расплачиваетесь со шлюхами корпоративной карточкой?! И что это, кстати, за шлюхи такие, которые принимают кредитки?

Мы трое переглянулись, но предпочли промолчать. Да и что можно было сказать? Правда заключалась в том, что шлюхи *действительно* принимали кредитки – по крайней мере те шлюхи, с которыми имели дело мы! Проститутки уже настолько вписались в стрэттонскую субкультуру, что мы классифицировали их как торгующиеся акции: «голубыми фишками» мы называли шлюх высшего класса, как говорится *crume de la crume*. Обычно это были юные модели в начале карьеры или невероятно красивые студентки, которым были очень нужны деньги на обучение или на дизайнерские шмотки. За несколько тысяч долларов они были готовы проделать с тобой или друг с другом практически все, что только можно себе вообразить.

За ними шли «насадки», которые считались классом ниже «голубых фишек». Им платили от трех до пяти сотен баксов, и они всегда требовали, чтобы ты надевал презерватив – или платил им офигительные дополнительные чаевые (я лично всегда платил). Потом шли шлюшки из «списка акций», эти были хуже всех – девицы с улицы или жалкие девушки по вызову, номера которых мы находили в порнографических журнальчиках или в телефонных будках. Эти обычно стоили сотню или даже меньше, и если у тебя не было презерватива, то на следующий день следовало сделать инъекцию пенициллина, а потом хорошенько помолиться, чтобы у тебя не отвалился член.

Но «голубые фишки» принимали кредитки, так почему бы не списать эти деньги со своих налогов? В конце концов, налоговой все это было прекрасно известно. Вообще-то в старые добрые времена, когда перепих в обеденный перерыв считался нормальным корпоративным стилем, налоговая называла подобную статью расходов «обедом с тремя мартини»! У них даже был специальный бухгалтерский термин для них – ПР, что означало «поездки и развлечения». А я просто позволил себе маленькую вольность и заменил ПР на ПС: «попки и сиськи»!

Но если отвлечься от этого вопроса, то у меня были куда более серьезные проблемы с отцом, чем сомнительные расходы по корпоративной кредитке. Дело в том, что он был самым скупым человеком, когда-либо жившим на этой планете. Ну а я, как бы это сказать, – в общем, я принципиально расходился с ним по вопросам управления моими деньгами, потому что не

видел беды в том, чтобы проиграть полмиллиона долларов в казино, а затем бросить пятитысячную серую покерную фишку шикарной «голубой фишке».

Короче говоря, Безумный Макс чувствовал себя в «Стрэттон-Окмонт» как рыба, выброшенная из воды, или, точнее, как рыба, выброшенная куда-нибудь на Плутон. Ему было шестьдесят пять лет, то есть примерно на сорок лет больше, чем среднему стрэттонскому брокеру. При этом он был прекрасно образован, имел диплом бухгалтера, его IQ просто зашкаливал – а у среднего стрэттонца образования не было вообще, а ума было как у курицы. Он рос в другое время и в другом месте: в старом еврейском Бронксе, среди догоравших углей Великой депрессии, и часто не знал, что будет есть на ужин. И, как у миллионов других людей, выросших в тридцатые годы, его психика никак не могла избавиться от наследия Депрессии: он боялся риска, противился любым переменам и опасался сомнительных финансовых операций. Но теперь ему приходилось управлять финансами компании, вся деятельность которой была основана на мгновенных переменах и чей основной акционер, бывший к тому же его собственным сыном, был от природы склонен к риску.

Я глубоко вздохнул, встал с кресла, обошел вокруг стола и сел на его край. Потом скрестил руки на груди и с некоторым раздражением сказал:

– Пап, послушай, здесь происходит много такого, что ты никогда не сможешь понять. Но суть заключается в том, что это, блин, мои деньги и я, блин, могу делать с ними все, что захочу. Так что если ты не можешь *доказать*, что мои расходы плохо влияют на общий оборот компании, то заткнись, блин, и оплати этот счет. Ты знаешь, что я люблю тебя, и мне жалко, что ты так волнуешься из-за дурацкого овердрафта по кредитной карте. Папа, это же просто счет! И ты знаешь, что тебе в конце концов все равно придется его оплатить. Зачем же так из-за этого волноваться? Еще не наступит вечер, как мы заработаем еще двадцать миллионов баксов, так что можно смело плюнуть на эти жалкие пол-лимона.

Тут встрял Дуболом:

– Макс, ну на мою-то долю в этом счете приходится самая малость, так что я целиком на твоей стороне.

Я чуть не захохотал. В результате многолетних наблюдений за Безумным Максом я уяснил два важнейших правила: во-первых, никогда не пытайся снять с себя ответственность – никогда! Во-вторых, никогда не пытайся перевести стрелки – косвенно или прямо – на его любимого сыночка, ведь только сам папаша имеет право его бранить. Макс тут же повернулся к Кенни и набросился на него:

– А мне кажется, Грин, что даже если ты, жалкий лузер, потратил из всего этого единственный доллар, это и так слишком много. Мой сын по крайней мере зарабатывает все эти деньги! А какого черта ты тут делаешь? Если, конечно, не считать того, что мы из-за тебя получили иск о сексуальных домогательствах от этой грудастой ассистентки – как там ее звали, блин?

Он с негодованием покачал головой.

– Так что ты бы лучше заткнулся и поблагодарил судьбу за то, что мой сын так добр, что сделал такое ничтожество, как ты, своим партнером.

Я улыбнулся отцу:

– Папа, папа, папа! Успокойся, а то у тебя опять будет плохо с сердцем. Я знаю, о чем ты думаешь, но Кенни ничего такого не имел в виду. Ты знаешь, что мы все тебя любим, и уважаем, и считаем единственным разумным человеком в здешних местах. Так что давайте все просто остановимся на этом...

Сколько я помню, мой отец всегда вел постоянную позиционную войну с самим собой – внешне она проявлялась в ежедневных сражениях с невидимыми врагами и неодушевленными предметами. Я впервые заметил это, когда мне было пять лет, тогда он воевал со своим автомобилем, словно это было живое существо. Это был зеленый «Додж Дарт» 1963 года, он

всегда называл его *она*. Проблема заключалась в том, что у *нее* из-под приборной панели все время раздавался непонятный треск. Этот треск, по мнению моего отца, ублюдки из компании «Додж» специально подстроили, чтобы сделать ему гадость. Кроме него этот треск слышала только моя мать (на самом деле она просто притворялась, чтобы не дать моему отцу окончательно слететь с эмоциональных катушек).

Но это было только начало. Даже простой поход к холодильнику мог оказаться весьма опасным предприятием, особенно учитывая привычку отца пить молоко прямо из пакета. Если хоть одна капля молока стекала с его подбородка, то он приходил в абсолютное бешенство, злобно совал пакет обратно в холодильник и бормотал при этом:

– Чертов дерьмовый пакет, блин! Неужели эти придурки, выпускающие пакеты, не могут сделать их так, чтобы ни одна капля молока, блин, не выливалась на лицо человеку?

Разумеется. Во всем был виноват молочный пакет. И поэтому Безумный Макс опутал себя целой сетью странных привычек, установленных ритуалов и подозрительных предметов, в том числе потрескивающих приборных панелей и далеких от совершенства молочных пакетов. Просыпаясь утром, он тут же выкуривал подряд три сигареты «Кент», затем полчаса стоял под душем, а затем невероятно долго брился опасной бритвой, причем во время бритья одна сигарета дымилась у него во рту, а другая лежала наготове на краю раковины. Потом он одевался: сначала натягивал на себя белые семейные трусы, потом черные гольфы, потом черные лакированные туфли, однако пока что не надевал штаны. Затем он расхаживал в таком виде по квартире, завтракал, выкуривал еще несколько сигарет, объясняя, что это лучший способ снять напряжение. Затем очень долго причесывался, добиваясь, чтобы пробор был совершенно идеальным, надевал белую нарядную рубашку, медленно ее застегивал, поднимал воротничок, доставал галстук, завязывал его, опускал воротничок и надевал пиджак. И наконец, уже непосредственно перед выходом из дома, – надевал штаны. Я никогда не мог понять, почему он приберегал эту процедуру на самый конец, но был уверен, что многолетнее наблюдение за этим ритуалом должно было тем или иным образом травмировать мою психику.

Еще более странной была абсолютная и необъяснимая неприязнь Безумного Макса к неожиданным телефонным звонкам. О да, Безумный Макс ненавидел звук телефона, и участь его была печальна, потому что он работал в офисе, где звонили примерно тысяча телефонов, плюс-минус пара десятков. И с того момента, когда Безумный Макс ровно в 9:00 (он, конечно же, никогда не опаздывал) входил в офис и до того момента, когда он уходил (а это он мог делать когда ему угодно), – все это время телефоны постоянно звонили.

Неудивительно, что в моем детстве в маленькой трехкомнатной квартирке в Куинсе были довольно бурные эпизоды – это когда вдруг начинал звонить телефон, а потом выяснялось, что звонят отцу. Сам он никогда не подходил к телефону, даже если бы захотел, потому что моя мать, святая женщина, моментально превращалась в спринтера мирового класса и неслась к телефону, понимая, что чем меньше звонков раздастся, тем легче потом будет успокоить отца.

А в тех печальных случаях, когда моей матери все же приходилось выдавливать из себя ужасные слова: «Макс, это тебя», мой отец медленно поднимался с кресла в гостиной, демонстрируя свои белые семейные трусы, и тяжелой поступью шагал на кухню, бормоча при этом:

– Черти бы взяли этот проклятый чертов телефон! И какому только гаду, черт его возьми совсем, хватает наглости, блин, звонить людям домой, в воскресенье вечером...

Но когда он, наконец, брал трубку, то происходила поразительная вещь: он волшебным образом превращался в своего двойника, сэра Макса, утонченного джентльмена с безупречными манерами и выговором, как у британского аристократа. Мне это всегда казалось странным, особенно если учесть тот факт, что отец родился и вырос на грязных улицах Южного Бронкса и в жизни не был в Англии.

И тем не менее сэр Макс светски произносил в трубку:

– Добрый день, с кем имею честь говорить?

При этом он поджимал губы и слегка втягивал щеки, отчего у него действительно появился аристократический выговор.

– Прекрасно! Это очень хорошо! Договорились! Всего наилучшего! – с этими словами сэр Макс вешал трубку и тут же снова превращался в Безумного Макса.

– Этот чертов придурок, мой приятель, черт, которому, блин, хватает, на фиг, наглости звонить домой...

Но все же, несмотря на его сумасшествие, именно Безумный Макс с радостью соглашался быть тренером во всех бейсбольных командах школьной лиги, в которых я играл, и именно Безумный Макс первым из всех отцов просыпался в воскресенье и выходил во двор погонять мяч со своими детьми. Это он придерживал сзади седло моего велосипеда и слегка подталкивал меня по цементной дорожке перед нашим домом, а потом бежал за мной. Это он приходил ночью в мою комнату, когда я просыпался от кошмарного сна, ложился рядом со мной и ласково ерошил мне волосы. Он никогда не пропускал школьные спектакли, родительские собрания, концерты или другие мероприятия, где его присутствие могло доставить удовольствие его детям и показать нам, как он нас любит.

Мой отец был непростым человеком, он обладал огромным интеллектуальным потенциалом и стремился к успеху, однако был обречен на жизнь посредственности из-за своих эмоциональных проблем. Посудите сами, мог ли подобный безумец нормально функционировать в корпоративном мире? Кто бы потерпел там его выходки? Кто знает, сколько работ он потерял? Сколько раз его обошли повышением? И сколько путей к возможному продвижению закрылось из-за личных качеств Безумного Макса...

Но все изменилось, когда появился «Стрэттон-Окмонт», где Безумный Макс мог абсолютно безнаказанно демонстрировать свою дикую ярость. Если Безумный Макс ругал последними словами какого-нибудь юного стрэттонца, тот терпел, и это считалось высшим проявлением лояльности. Удар бейсбольной битой по ветровому стеклу автомобиля тоже рассматривался как некий обряд инициации, и этим гордились, как наградой.

В общем, мой отец был Безумным Максом, в котором прятался сэр Макс, и вся проблема заключалась в том, каким образом извлечь сэра Макса на свет божий. Сначала я решил сделать это с помощью разговора наедине. Я взглянул на Кенни и Дэнни и сказал:

– Ребята, дайте-ка я пять минут поговорю с отцом с глазу на глаз.

Никто не спорил! Они оба выскочили из комнаты с дикой скоростью, мы с отцом не успели даже дойти до дивана всего в десяти футах от стола, как дверь за ними уже захлопнулась. Отец сел, поджег очередную сигарету и в очередной раз сделал гигантскую затяжку. Я шлепнулся на диван рядом с ним, откинулся на спинку и вытянул ноги, положив их на стеклянный кофейный столик, стоявший перед нами.

Потом я грустно улыбнулся отцу и сказал:

– Ох, папа, как же болит спина! Ты даже представить себе не можешь. Боль спускается от спины к левой ноге. От одного этого можно сойти с ума.

Выражение его лица тут же смягчилось.

– А что говорят доктора?

Хм-м-м... Пока что в его словах не было и намек на британский акцент, но ведь у меня действительно ужасно болела спина, так что, похоже, я все-таки чего-то добился.

– Доктора? Да что они понимают! После последней операции стало только хуже. Они только дают мне таблетки, которые портят мне желудок, а боль ни фига не снимают, – я опять покачал головой. – Папа, я не хочу, чтобы ты из-за меня беспокоился. Я просто хочу поплакаться.

Я спустил ноги с кофейного столика, откинулся назад и раскинул руки по спинке дивана.

– Послушай, – сказал я ласково, – я понимаю, как тебе трудно смириться со всем царящим здесь безумием, но поверь мне: даже если это безумие, то в нем есть своя система, осо-

бенно когда речь идет о расходах. Для меня очень важно, чтобы все эти ребята постоянно гнались за мечтой. А еще важнее, чтобы им все время не хватало денег.

Я махнул рукой в сторону брокерского зала:

– Ты только посмотри на них – зарабатывают столько денег, а у каждого в кармане пусто! Они тратят все, что у них есть, пытаясь подражать моему стилю жизни. Но у них не получается, они недостаточно зарабатывают. Вот они и живут от зарплаты до зарплаты, хоть и получают по миллиону баксов в год. Я понимаю, что тебе трудно это себе представить, учитывая условия, в которых ты вырос, но это факт.

Пока у них нет денег, их легче контролировать. Подумай вот о чем: каждый из них по уши в кредитах, у них кредиты на машину, на дом, на яхту и на все остальное дерьмо. И если они хоть раз не получают зарплату, то будут уже по уши в дерьме. У них на руках золотые наручники. Я, конечно, мог бы платить им больше, но тогда они бы так во мне не нуждались. А если бы я платил им слишком мало, то они бы меня возненавидели. Так что я плачу им ровно столько, чтобы они меня любили и в то же время нуждались во мне. А пока они во мне нуждаются, то всегда будут меня бояться.

Отец внимательно слушал, как будто взвешивая каждое мое слово.

– Когда-нибудь, – я указал подбородком в сторону стеклянной стены, – все это исчезнет, и тут же испарится их так называемая преданность. И когда этот день настанет, я бы не хотел, чтобы ты узнал о некоторых вещах, которые здесь творились. Поэтому иногда я кое о чем умалчиваю. Это не значит, что я тебе не доверяю или тебя не уважаю или что я не ценю твое мнение. Совсем наоборот, папа. Я кое-что от тебя скрываю, потому что люблю тебя и восхищаюсь тобой и потому что я хочу защитить тебя от возможных последствий, когда здесь все пойдет вразнос.

Сэр Макс озабоченно сказал:

– Почему ты так говоришь? Почему все здесь должно пойти вразнос? Компании, с которыми ты имеешь дело, – это ведь открытые акционерные общества, и у них же все законно, так?

– Разумеется. Дело совершенно не в этом. И потом, мы делаем ровно то же, что и все остальные на Уолл-стрит. Просто мы делаем это лучше и в большем объеме, поэтому мы более уязвимы. Но тебе не надо об этом беспокоиться. Это у меня просто приступ уныния, пап. Все будет хорошо.

Как раз в этот момент по внутренней связи раздался голос Джанет:

– Извините, что вмешиваюсь, но у вас сейчас селекторное совещание с Айрой Соркиным и остальными юристами. Они на линии, и оплаченное время уже пошло. Вы хотите, чтобы они подождали, или назначить им другое время?

Селекторное совещание?! У меня вроде не назначено никакого селекторного совещания... И тут до меня дошло: Джанет просто пытается спасти меня! Я взглянул на отца и пожал плечами, словно говоря: «Ну что тут поделаешь? Ох уж эти совещания!»

Мы обнялись и попросили друг у друга прощения, а потом я пообещал в будущем тратить поменьше, хотя оба мы знали, что это вранье. Но во всяком случае мой отец ворвался ко мне, как лев, а вышел агнцем. И как только за ним закрылась дверь, я мысленно пообещал себе, что на Рождество надо будет выбрать Джанет подарок получше, несмотря на все те гадости, что она устроила мне сегодня утром. Она была хорошей секретаршей. Чертовски хорошей.

Глава 8

Сапожник

Примерно через час Стив Мэдден уверенным шагом вошел в биржевой зал. Я подумал, что такая походка бывает только у людей, у которых все под контролем, у тех, кто собирается вот-вот продемонстрировать первоклассное шоу. Но стоило ему только выйти вперед и повернуться к биржевому залу – боже, какое у него было лицо! Он был просто в панике!

А как он был одет! Это было просто смешно. Он выглядел как разорившийся тренер по гольфу, дающий частные уроки за две пинты пива и билет на метро до ближайшего притона. По иронии судьбы Стив занимался модным бизнесом и был одним из самых модных обувных дизайнеров на планете. Он был весьма эксцентричным дизайнером и страшно выпендривался: расхаживал по улицам, держа в руках туфли на совершенно жуткой платформе, и объяснял всем, кто хотел или не хотел его слушать, почему именно о таких туфлях будут мечтать в следующем сезоне все девочки-подростки.

Но сейчас на нем был помятый синий блейзер, висевший на его тощих плечах, как кусок дешевой парусины. Остальное было не лучше: серая растянутая футболка и обтягивающие джинсы «Ливайс», причем и футболка, и джинсы были в пятнах.

Но оскорбительнее всего выглядели его туфли. Вообще-то от того, кто пытается выдать себя за настоящего дизайнера обуви, можно ожидать, что ему хватит воспитанности хотя бы на то, чтобы почистить свои чертовы ботинки в тот день, когда акции его компании выходят на биржу. Но Стива Мэддена это не касалось: он щеголял в дешевых коричневых мокасинах, и гуталин не касался их с того самого дня, когда ради кожи, из которой они были сделаны, был забит теленок. И, конечно же, остатки его клочковатых рыжеватых волос были собраны в хвостик и стянуты резинкой, а сверху нахлобучена его фирменная ярко-синяя бейсболка.

Стив с явной неохотой взял микрофон с подставки и произнес несколько «гм-гм» и «кх-кх», подав тем самым ясный сигнал о том, что он готов начинать представление. Стрэттонцы медленно – вернее, *очень* медленно – отключили телефоны и откинулись на спинки кресел.

И тут я неожиданно почувствовал слева от себя какую-то неприятную вибрацию – что-то вроде мини-землетрясения. Я повернулся... *Боже! Это был толстый Хоуи Гельфанд*. Все его четыреста фунтов, и ни унции меньше!

– Привет, Джей Би, – сказал толстый Хоуи, – я хочу, чтобы ты оказал мне услугу и продал еще десять тысяч лотов Мэддена. Ты ведь сделаешь это для своего дяди Хоуи?

Он расплылся от уха до уха, потом наклонил голову и положил руку мне на плечо, как будто хотел сказать: «Ну мы же приятели, правда?»

Надо сказать, что мне действительно нравился толстый Хоуи, хоть он и был просто толстым ублюдком. Но дело не в этом. Вообще-то каждый лот нового выпуска стрэттонских бумаг был дороже золота. Достаточно просто посчитать: в каждый лот входила одна обычная акция и два купона облигаций – А и В. Каждый купон давал их обладателю право купить еще одну дополнительную акцию по цене чуть выше цены официального предложения.

В данный конкретный момент цена официального предложения составляла четыре доллара за акцию, купон А давал возможность купить по четыре сорок, а купон В – по пять долларов. Когда цена акций поднимается, одновременно с этим возрастает и ценность купонов. Так что прибыль получалась фантастическая.

Типичный новый выпуск «Стрэттон» состоял из двух миллионов лотов по четыре доллара каждый, что само по себе было совсем неудивительно. Но ведь на этом футбольном поле играли молодые стрэттонцы – они улыбались, набирали телефонные номера, хватали своих клиентов за горло, и спрос начинал невероятно превышать предложение. Это означало, что, как только бумаги будут выброшены на рынок, цена каждого лота возрастет как минимум до

двадцати долларов. Так что продать клиенту *сейчас* пакет из 10 тысяч лотов означало сделать ему шестизначный подарок: на каждом лоте, который он получал по цене официального предложения, клиент мог после начала торгов рассчитывать получить на вторичном рынке *в десять раз больше...*

– Хорошо, – пробормотал я, – ты получишь дополнительные десять тысяч, потому что я тебя люблю и знаю, что ты мне предан. А теперь иди и начни сбрасывать вес, пока тебя инфаркт не хватил.

Он широко улыбнулся и радостно воскликнул:

– Славься, славься, Джей Би! – он даже попытался поклониться. – Ты Король... ты Волк... Да ты кто угодно! Все твои желания для меня закон, и я...

Я его перебил:

– Заткнись, Гельфанд. И пожалуйста, сделай так, чтобы из этой части зала никто из этих мальчишек не начал шикать или бросать в Стива всякое дерьмо. Я серьезно, ты понял?

Хоуи начал маленькими шажками отступать назад, простирая перед собой руки и не переставая кланяться, как делают придворные, покидая королевские покои после аудиенции.

«Чертов толстый ублюдок! – подумал я. – Но какой прекрасный брокер! Без мыла в любую задницу влезет!» Хоуи был одним из первых людей, которых я нанял, и тогда ему было всего девятнадцать. За свой первый год он заработал 250 тысяч долларов. В этом году, похоже, он сможет заработать полтора лимона. Несмотря на все это, он все еще жил со своими родителями. В этот момент из микрофона послышались бормотания:

– Гм, прошу прощения. Тем из вас, кто со мной не знаком, хочу сказать, что меня зовут Стив Мэдден и я президент...

Но он не успел еще закончить фразу, как стрэттонцы на него набросились:

– Да все мы знаем, кто ты!

– Крутая бейсболка, блин!

– Время – деньги, давай-ка ближе к делу!!!

Началось шиканье, топот, свист, а кое-кто даже заулюлюкал. И успокаиваться никто не собирался.

Стив умоляюще посмотрел в мою сторону. Нижняя челюсть у него слегка отвисла, а карие глаза стали похожи на блюдца. Я протянул руки ладонями к нему и сделал несколько пассивных, как будто говоря: «Успокойся, не нервничай!»

Стив кивнул и сделал глубокий вдох.

– Я бы хотел для начала немного рассказать вам о себе и о том, как я пришел в обувной бизнес. А затем я хотел бы обсудить с вами прекрасные перспективы моей компании. Я начал работать в обувном магазине, когда мне было шестнадцать, я там мел полы. И пока мои друзья бегали за девчонками, я вникал в то, что такое женская обувь. В общем, я был похож на Эла Банди, и рожок для обуви торчал из моего заднего...

Тут его снова перебили:

– Ты держишь микрофон слишком далеко ото рта. Ни фиги не слышно! Поднеси микрофон поближе.

Стив придвинул к себе микрофон:

– Извините, простите, пожалуйста! Ну так вот, я уже говорил, что сколько я себя помню, столько работаю с обувью. Первая моя работа была на складе в маленьком обувном магазинчике, который назывался «Джилдор Шуз». Со временем стал продавцом. И потом... ну, в общем, еще когда я был мальчишкой... я впервые влюбился в женские туфли. И вы знаете, откровенно говоря...

И вот таким образом он начал с невероятным количеством подробностей рассказывать о том, как еще подростком всей душой полюбил женские туфли и как однажды – он не мог точно сказать, когда – он был потрясен, когда осознал, какие безграничные возможности есть

у дизайнера женских туфель – такое множество там разных каблучков, ремешков, кантиков, пряжек и всевозможных материалов, с которыми можно работать. И такое множество декоративных орнаментов, которые можно ко всему этому присобачить. Затем он принялся подробно объяснять, какое наслаждение он получает, когда гладит дамские туфли и особенно когда проводит пальцами по их подъему.

Я украдкой оглядел биржевой зал и не мог не заметить удивленных взглядов моих стреттонцев. Даже ассистентки, от которых обычно можно было ожидать хоть какого-то соблюдения приличий, удивленно качали головами. Некоторые гримасами изображали отвращение и картинно закатывали глаза.

А затем началось:

– Чертов извращенец!

– Да он же больной!

– Ты что, голубой, что ли? А ну пошел отсюда!

Снова шиканье, топот и свист – явные признаки провала.

Ко мне, качая головой, подошел Дэнни.

– Чертовски неловко получается, – проговорил он.

Я кивнул.

– Зато, по крайней мере, он согласился депонировать свои акции у третьего лица. Жаль, что мы не смогли подписать сегодня все бумаги, но нет в мире совершенства. Надеюсь, что он прекратит нести эту чушь, или они его живьем съедят.

Я покачал головой:

– Не знаю, не знаю... Всего несколько минут назад мы с ним обсуждали его выступление, и он вроде все понял. У него ведь действительно хорошая фирма. Ему просто надо суметь об этом рассказать. Я понимаю, что он твой друг и все такое, но он же полный псих.

Дэнни бесстрастно ответил:

– Он всегда был таким, даже в школе.

Я пожал плечами.

– О`кей, я подожду еще минуту, а потом придется вмешаться.

Как раз в это время Стив посмотрел в нашу сторону, и я увидел, что он в буквальном смысле *обливается* потом. У него на груди был темный круг размером с картофелину. Я pokrутил пальцем, показывая ему, чтобы он закруглялся. Потом одними губами показал:

– Расскажи о планах своей компании!

Он кивнул.

– Итак, я рассказал вам о том, как была создана компания «Стив Мэдден Шуз», а теперь кратко скажу о наших блестящих перспективах!

На этих словах брокеры закатили глаза, а некоторые с сомнением закачали головами, но, к счастью, в зале стало потише.

Стив кое-как продолжал:

– Я создал свою компанию с помощью одной тысячи долларов и одной единственной туфли. Ее... звали «Мэрилин». – *Господи божже мой! Да что он несет?!* – Это было что-то вроде сабо. Это была прекрасная туфля, не самая лучшая из моих туфель, но все равно прекрасная. Я взял кредит и на эти деньги изготовил пятьсот пар, а потом стал повсюду ездить и продавать их прямо из багажника своей машины, предлагая их всем магазинам, которые были готовы их купить. Как мне описать вам эти туфли?.. Дайте подумать... У них была толстая подошва, открытый носок, а верх... ну ладно, я думаю, что это неважно. Я просто пытаюсь объяснить вам, что туфли были прикольные, а это и есть фишка «Стив Мэдден Шуз» – мы прикольные. Ну вот, а туфли, с которых по-настоящему началась моя компания, звались «Мэри Лу», и эти туфли, о, *эти туфли* были совершенно необычайными! – *О господи! Чертов псих!* – Эти туфли обогнали свое время! Очень сильно обогнали!

Стив обреченно махнул рукой, как будто хотел сказать: «Забудьте об этом!», и продолжил:

– Позвольте мне описать их вам, так как это очень важно. Это была черная вариация традиционных «Мэри Джейн», сделанных из лакированной кожи, с довольно тонким ремешком, завязывавшимся вокруг щиколотки. Но вся суть заключалась в том, что у них был выпуклый носок. Некоторые из присутствующих здесь девушек понимают, о чем идет речь, не правда ли? Я хочу сказать, что эти туфли были по-настоящему крутыми!

Он остановился, очевидно, ожидая какого-то одобрения от ассистенток, но те только качали головами. После этого в зале повисло жуткое, убийственное молчание, какое бывает в маленьком городке где-нибудь в Канзасе за секунду перед тем, как на него обрушивается ураган.

Уголкем глаза я увидел, как бумажный самолетик пролетел через весь биржевой зал, но как будто бы никуда специально не направленный. По крайней мере, они ничего не бросали прямо в Стива! Но это еще впереди.

Я шепнул Дэнни:

– Туземцы занервничали. Наверное, мне стоит пойти туда?

– Если ты не пойдешь, то я сам пойду, меня просто тошнит от этого!

– Хорошо, я иду.

И я кратчайшим путем начал прорываться к Стиву.

Когда я подошел к нему, он все еще бубнил про «Мэри Лу». Перед тем как я отнял у него микрофон, он как раз разглагольствовал о том, что *она* была «прекрасной туфлей для выпускного вечера», и продавалась за разумную цену, и при этом была очень прочной.

Прежде чем он успел что-либо сообразить, я вырвал микрофон у него из рук и только тут заметил, что он был настолько поглощен описанием своих достижений в области дизайна обуви, что даже перестал потеть. Он вообще выглядел абсолютно раскованным и даже не подозревал, что его вот-вот линчуют.

Он прошептал мне:

– Что ты делаешь? Я им понравился. Иди, занимайся своими делами, у меня все под контролем!

Я, прищурившись, посмотрел на него:

– Стив, катись отсюда. Они сейчас начнут бросаться помидорами. Ты что, слепой? Да им наплевать на твою «Мэри Лу», блин! Они просто хотят продать твои акции и получить за это максимальное количество бабок. Иди-ка ты к Дэнни и отдохни чуть-чуть, не то они сейчас сдерут с твоей башки эту бейсболку и сделают скальп из твоих последних семи волосинок!

Стив в конце концов капитулировал и отошел в сторонку. Я поднял правую руку, требуя тишины, и все замолчали. Я поднес микрофон к губам и насмешливо сказал:

– Ну что же, друзья, давайте все поаплодируем Стиву Мэддену и его совершенно выдающимся туфлям. Вы знаете, как только я услышал про «малышку Мэри», то мне сразу же захотелось схватить телефон и начать звонить своим клиентам. Поэтому я хочу, чтобы каждый присутствующий здесь, включая ассистенток, пожелал успеха Стиву Мэддену и его маленьким сексуальным туфелькам – «Мэри Лу»!

Я зажал микрофон под мышкой и начал аплодировать.

И тут же раздался грохот аплодисментов! Все стрэттонцы аплодировали, топали ногами, ухали, неудержимо вопили и приветствовали Стива. Я поднял микрофон вверх, требуя тишины, но на этот раз меня никто не услышал. Они были слишком увлечены текущим моментом.

Наконец все успокоились.

– Отлично, – сказал я, – теперь, когда вы выпустили пар, я хочу объяснить вам, почему Стив такой псих. Другими словами, объяснить, что в его безумии есть своя система. Дело в

том, что он творческий человек и гений, а значит, по определению должен быть немного сумасшедшим. Это часть его имиджа.

Я кивнул головой, демонстрируя свою убежденность и одновременно задавая себе вопрос, есть ли хоть капля смысла в том, что я сказал.

– А теперь все послушайте меня очень внимательно. Стив обладает способностью, я бы даже сказал, даром, суть которого далеко не только в том, что он может учуять парочку модных трендов в развитии обуви. Настоящая мощь Стива, то, что отличает его от всех остальных американских дизайнеров обуви, заключается в том, что он *создает* тренды.

Вы хоть понимаете, какой это редкий дар? Как нелегко найти кого-то, кто может придумать модный тренд и навязать его всем? Такие люди, как Стив, появляются раз в десятилетие! И когда это происходит, то их имена становятся известны всем, это имена Коко Шанель, или Ива Сен-Лорана, или Версаче, или Армани, или Донны Каран... ну и еще нескольких человек.

Я сделал несколько шагов вперед, понизил голос, как проповедник, который хочет полностью завладеть аудиторией, и сказал:

– А если у руля такой человек, как Стив, то компания может просто взлететь в стратосферу. Запомните, что я сказал! Это именно та компания, появления которой мы все так долго ждали. Она выведет «Стрэттон» на совершенно новый уровень, это именно та компания...

Дальше я уже понесся вперед на автопилоте, одновременно размышляя совершенно о другом. Я подсчитывал прибыль, которую вот-вот получу. В моем мозгу нарисовалась внушительная цифра в 20 миллионов. Это было вполне вероятно, и вывести ее было легко. На рынок выбрасывались два миллиона лотов, половина которых сразу оказывалась на счетах моих подставных. Я выкуплю у них эти лоты обратно по пять или по шесть долларов за лот и переведу их на собственные брокерские счета. А затем использую всю мощь своего брокерского зала, который после моей речи начнет энергично покупать акции, и цена лотов возрастет до 20 долларов. Значит, потенциальная прибыль составит 14 или 15 миллионов. Вообще-то, мне даже не нужно самому доводить цену до двадцати баксов, остальные брокеры с Уолл-стрит выполнят грязную работу за меня. Как только другие брокеры и трейдеры узнают, что я хочу выкупить лоты по самой высокой цене, они сами поднимут цены до того уровня, который мне нужен. Мне придется только намекнуть несколькими ключевым игрокам, и все пойдет так, как я хочу.

Собственно, я так уже и сделал. Уже пронесся слух о том, что «Стрэттон» покупает акции по двадцать долларов за лот, и колеса закрутились. *Невероятно!* Заработать столько денег разом, не совершая никакого преступления! Ну, подставные, конечно, могли вызывать некоторое сомнение с точки зрения закона, но ведь доказать ничего было нельзя. Вот он, дикий капитализм!

– Кто может предсказать, как высоко взлетят акции? – продолжал разглагольствовать я. – До двадцати? До тридцати? Если мои предположения оправдаются хотя бы наполовину, то эти цифры покажутся нам смешными! Они будут несравнимы с тем, чего достигнет эта компания. Да акции могут мгновенно взлететь до пятидесяти и даже до шестидесяти! Я не говорю об отдаленном будущем. Это может произойти прямо здесь и сейчас.

Слушайте все! «Стив Мэдден Шуз» – это самая крутая компания из всех производящих женскую обувь! Заказов на ее продукцию уже выше крыши! Их туфли расхватывают как пирожки в каждом американском универмаге – и в «Мейсис», и в «Блумингдэйл», и в «Нордстром», и в «Диллардс». Эти туфли настолько круты, что они просто улетают с полок!

Я надеюсь, вы помните об ответственности брокеров перед своими клиентами, о том, что вы должны позвонить им сразу же, как только я закончу этот спич, и сделать все от вас зависящее, чтобы заставить их купить столько акций «Стив Мэдден Шуз», сколько они смогут себе позволить, даже если для этого вам придется все это время держать их за глотку. Я искренне надеюсь, что вы это помните, в противном случае у нас с вами могут возникнуть серьезные проблемы.

У вас есть серьезные обязательства. Обязательства перед вашими клиентами! Обязательства перед нашей фирмой! И обязательства перед самими собой, черт возьми! Запихните эти акции прямо в глотки ваших клиентов, и пусть они ими давятся до тех пор, пока не скажут: «Купи мне двадцать тысяч акций», – потому что каждый доллар, вложенный вашими клиентами, вернется к ним сторицей.

Я мог бы очень долго рассуждать о блистательном будущем «Стив Мэдден Шуз». Я мог бы говорить о фундаментальных вещах – об открытии новых магазинов, и о том, что наши туфли настолько круты, что их даже рекламировать не надо, и о том, как торговые сети просто жаждут платить нам за право получить доступ к нашему дизайну, – но на самом деле все это неважно. По сути дела все ваши клиенты должны знать только одно – эти акции взлетят вверх, вот и все.

Я сделал небольшую паузу, а потом сказал:

– И вот еще что: как бы мне этого ни хотелось, я не могу сейчас сам сесть на телефон и начать продавать эти акции вашим клиентам. Только *вы сами* можете схватить трубку и начать действовать. И по сути дела, к этому-то все и сводится – начать действовать. Без действий самые лучшие намерения в мире так и останутся намерениями.

Я глубоко вдохнул и продолжил:

– И вот что еще: я хочу, чтобы вы все посмотрели вон туда. – Я протянул руку и показал на стоявший передо мной стол. – Посмотрите на этот маленький черный ящик, стоящий перед вами. Видите? Эта удивительная маленькая штучка называется телефон. Давайте я скажу по буквам – Т-Е-Л-Е-Ф-О-Н. И я открою вам один секрет. Телефон не умеет сам набирать номера! Да-да! Пока, блин, вы не начнете действовать, это просто никому не нужный кусок пластика. Все равно что винтовка М-16 с полным магазином, но без обученного морского пехотинца, который мог бы нажать на курок. Понимаете, только хорошо подготовленный морской пехотинец, тренированная машина для убийства, превращает М-16 в смертоносное оружие. А в случае с телефоном ваши действия – это тоже действия прекрасных обученных убийц, которые не понимают, что такое отказ, и не вешают трубку, пока их клиент не купит акции... или не сдохнет. Каждый ваш звонок неизменно кончается сделкой, вопрос только в том, кто кому что продаст. Сумели ли вы что-то продать? Достаточно ли вы профессиональны, мотивированы и напористы, чтобы взять разговор под свой контроль и провести сделку? Или же переговоры выиграл ваш клиент – объяснив вам, что прямо сейчас он не может никуда вкладывать деньги, потому что время для этого неподходящее или ему надо поговорить с женой, или со своим деловым партнером, или с Санта-Клаусом, или с зубной феей, блин?

Я выкатил глаза и с негодованием покачал головой:

– Так что не забывайте, что гребаный телефон у вас на столе – это смертоносное оружие. А в руках у мотивированного стрэттонца он вообще превращается в лицензию на право чеканки собственной валюты. И он *делает всех равными!*

Я остановился и подождал, чтобы два последних слова донеслись до конца биржевого зала, а затем продолжил:

– Вам надо всего лишь взять телефонную трубку и сказать то, чему я вас научил, и вы сможете обрести не меньшую власть, чем у самого влиятельного исполнительного директора в стране. Мне наплевать, кто из вас закончил Гарвард, а кто вырос на грязных улицах Адской Кухни: с помощью этого маленького черного телефона каждый из вас может добиться чего угодно.

Этот телефон приносит деньги. И мне плевать, какие у каждого из вас проблемы, потому что любую из них можно решить с помощью денег. Да-да! Деньги – это самый мощный способ разрешения проблем из известных человеку, и каждый, кто попытается разубедить вас в этом, – просто мешок с дерьмом. Да я вообще считаю, что у того, кто говорит такое, в жизни ни гроша не было! – Я поднял руку в скаутском приветствии и почти прокричал:– Это всегда говорят

люди, которые готовы изрыгать свои никому не нужные советы. Это говорят нищие, которые постоянно долдонят одну и ту же чушь о том, что, мол, деньги – причина всех бед и что деньги всех портят. Но, знаете, это *фигня!* Это просто чушь собачья! Прекрасно, когда у тебя есть деньги! Это просто необходимо!

Слушайте все: нет ничего благородного в том, чтобы быть бедным. Я побывал и богатым, и бедным, и я всегда выберу богатство. По крайней мере, сейчас, когда я богат, то даже если у меня проблемы, я решаю их, сидя в своем лимузине, одетый в костюм за две штуки баксов, а на руке у меня золотые часы за двадцать штук! И поверьте мне, когда ты так выглядишь, то и проблемы твои решить легче.

Для большего эффекта я пожал плечами.

– Ну, если кто-нибудь здесь считает меня сумасшедшим или не во всем со мной согласен, *то он может проваливать отсюда прямо сейчас!* Да-да! Валите из моего биржевого зала, блин, и идите работать в «Макдональдс», гамбургеры продавать, потому что там ваше место! А если вас даже в «Макдональдс» не возьмут, попробуйте устроиться в «Бургер Кинг»!

Но прежде чем вы покинете эту комнату и в ней останутся только победители, я хочу, чтобы вы хорошенько посмотрели на тех, кто сидит рядом с вами. Потому что однажды, в самом недалеком будущем, вы будете стоять на красный свет в своем раздолбанном «форде пинто», а тот, кто сейчас сидит рядом с вами, проедет мимо вас на новеньком «порше» с молодой красоткой на соседнем сиденье. А кто будет сидеть рядом с вами? Конечно, какая-нибудь уродина, которая даже ноги брить не умеет, а надета на ней будет какая-нибудь дурацкая туника без рукавов или вообще домашнее платье, похожее на халат, и вы будете возвращаться домой из дешевого магазина с багажником, набитым продуктами, купленными со скидкой!

В этот момент я встретился взглядом с молодым парнем, который явно был в панике. Я решил понадежней вбить свои слова ему в голову и сказал:

– Ну что? Думаешь, я тебе вру? Знаешь что? Дальше будет хуже. Если ты хочешь состариться благородно, если хочешь состариться, сохраняя самоуважение, то лучше бы тебе сейчас стать богатым. Те времена, когда можно было работать в какой-нибудь огромной компании, а потом спокойно уйти на пенсию, давно уже прошли! И если ты думаешь, что страховка тебе действительно поможет, то подумай дважды. При нынешнем уровне инфляции твоей страховки хватит разве что на памперсы, которые тебе понадобятся, когда они засунут тебя в какую-нибудь вонючую богадельню, где тетка с Ямайки весом в триста фунтов, с бородой и усами, станет кормить тебя супом через трубочку и давать тебе пощечины, когда будет не в настроении.

Так что слушай меня, и слушай внимательно: в чем твоя проблема? Ты не можешь сейчас сделать взнос по кредиту? Отлично, бери, блин, трубку и начинай звонить!

Или тебя хотят выселить из дома? В этом твоя проблема? Отлично – бери, блин, трубку и начинай звонить!

Или у тебя проблемы с девушкой? Она хочет от тебя уйти, потому что считает тебя лузером? Отлично – бери, блин, трубку и начинай звонить!

Я хочу, чтобы вы разбогатели и решили все свои проблемы! Я хочу, чтобы вы бросились вперед, напролом! Я хочу, чтобы вы начали тратить свои деньги, как только вы отсюда выйдете. Я хочу, чтобы вы максимально использовали собственные возможности. Я хочу, чтобы вы загнали сами себя в угол. Не оставляйте себе другого выбора – только успех. Пусть одна только мысль о неудаче покажется вам настолько омерзительной, что у вас не останется никаких других вариантов, кроме успеха.

И вот что я еще скажу: действуйте так, как будто... Как будто вы *уже* богачи, как будто вы *уже* разбогатели – и тогда вы наверняка разбогатеете. Действуйте с безграничной верой в себя, и тогда люди поверят вам. Действуйте так, как будто вы обладаете огромным опытом, и тогда люди последуют вашему совету. Действуйте так, как будто вы уже достигли потрясающих

успехов, и тогда – и это так же верно, как то, что я сейчас стою перед вами, – вы *действительно* добьетесь успеха!

Ну что же, акции выйдут на рынок меньше чем через час. Так что немедленно хватайте, блин, телефон, обзванивайте своих клиентов от А до Я и запомните – пленных не брать! Будьте злобными! Станьте свирепыми, словно питбули! Станьте телефонными террористами! Сделайте так, как я вам говорю, и, поверьте мне, вы будете тысячу раз благодарить меня уже через несколько часов, когда все ваши клиенты начнут огребать бабки.

С этими словами я вышел на середину сцены и раскланялся под радостные вопли стрэтонцев, которые уже бросились к телефонам и последовали моему совету: стали хватать своих клиентов за глотки.

Глава 9

Правдоподобное алиби

В час дня гении из Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам (*NASD*) наконец разрешили компании «Стив Мэдден Шуз» выставить акции на бирже *NASDAQ* и присвоили ей тикер *SHOO*. *Как мило, как остроумно!*⁵

На самом деле они, как обычно, показали себя полными придурками и поручили определить цену на открытии торгов мне, Волку с Уолл-стрит. Это было очередное проявление непродуманной биржевой политики, которая уже много лет была настолько абсурдной, что можно было быть совершенно уверенным: очередной выпуск акций на бирже *NASDAQ* будет тем или иным способом подвергаться манипуляциям независимо от того, причастна к этому «Стрэттон-Окмонт» или нет.

Я часто недоумевал, зачем *NASD* создала ситуацию, в которой брокеры постоянно и неизбежно облапошивают клиентов, и в конце концов пришел к выводу, что ассоциация брокеров – это на самом деле не регулятор: в сущности, она «принадлежит» именно брокерским фирмам (и, в частности, «Стрэттон-Окмонт»).

В сущности, *NASD* только делала вид, что выступает на стороне потребителей, на самом же деле она действовала против этих интересов. И, по правде говоря, там даже не очень пытались это скрыть: «регулирующие» усилия прилагались чисто косметические, лишь бы не вызвать гнев Комиссии по ценным бумагам и биржам, перед которой ассоциация формально должна была отчитываться.

Итак, цена бумаг определялась не естественным балансом спроса и предложения, а решением главного организатора размещения акций, то есть в данном случае моим решением. Я мог произвольно и по собственному усмотрению назначать любую цену, которую считал правильной. В данном случае я решил поступить уже совсем произвольно и открыл торговлю по пять долларов пятьдесят центов за лот, тут же выкупил миллион лотов и передал их своему подставному. И хотя мои подставные предпочли бы, конечно, придержать свои лоты *чуть-чуть* подольше, у них в данном случае не было выбора. В конце концов, у нас был договор об обязательном обратном выкупе (что, безусловно, было запрещено правилами), и каждый из них только что наварил по полтора доллара на каждой акции, ничего для этого не сделав и ничем не рискуя: они купили и продали лоты, даже не заплатив комиссий. Но если они хотели, чтобы их допустили и к следующим сделкам, то надо было делать то, чего от них ждут, – то есть, блин, заткнуться и сказать единственные два слова: «Спасибо, Джордан!» А потом сделать честное лицо и объяснить федеральным чиновникам или чиновникам штата, наблюдающим за безопасностью биржевых сделок, почему они продали свои бумаги так дешево.

Так или иначе, вряд ли кто-то скажет, что в данном случае в моих действиях не было логики. К 13:03 – ровно через три минуты после того, как я выкупил обратно лоты своих подставных по 5,50, – другие брокеры с Уолл-стрит уже взвинтили цену до 18 долларов. Это означало, что я обеспечил себе доход в 12,5 миллиона долларов. *Двенадцать с половиной лимонов! За три минуты!*

Не говоря уже о том, что я получил миллион или около того в качестве платы за размещение и собирался в ближайшие несколько дней наварить еще миллиона три-четыре: выкупить у своих подставных лоты, приобретенные с помощью краткосрочного кредита. *Ах, эти подставные!* Кто только их придумал!

---

⁵ Созвучно с англ. «шу» (shoe) – «ботинок».

Самым же крупным моим подставным был сам Стив. Он считался владельцем 1,2 миллиона моих акций – тех самых акций, от которых *NASDAQ* вынудил меня отказаться. При нынешней цене лота в 18 долларов за штуку (и учитывая, что каждый лот состоял из одной обычной акции и двух купонов) реальная цена акции была 8 долларов. А значит, те мои бумаги, которыми якобы владел Стив, стоили теперь меньше 10 миллионов! *Волк наносит ответный удар!*

Теперь все дело было за моими верными стрэттонцами, которые должны были продать своим клиентам все эти акции по невероятно завышенной цене. Все акции по завышенной цене – не только тот миллион лотов, которые они уже всучили своим клиентам в процессе первичного размещения акций, но еще и миллион лотов моих подставных, которые сейчас находились на брокерском счету фирмы вместе с 300 тысячами лотов, приобретенных по краткосрочному кредиту, которые я выкуплю обратно в ближайшие дни... А потом еще и акции, которые я выкуплю у брокерских фирм, задравших цену до 18 долларов (выполнив за меня всю черную работу). Они постепенно продадут свои лоты обратно «Стрэттон-Окмонт» и тоже наварят на этом.

Одним словом, к концу этого дня мои стрэттонцы должны добыть мне примерно 30 лимонов. Это с лихвой покроет все расходы, и на счету фирмы окажется премиленькая подушечка безопасности, которая защитит меня от любого геморроя – прежде всего от докучных игроков на понижение, которые могут попытаться выбросить на рынок побольше акций клиентов (надеясь сбить цену на бумаги и тут же снова купить их гораздо дешевле). Для моей развеселой банды брокеров заработать тридцать миллионов не составляло проблемы, особенно после нашей утренней встречи, которая, кажется, просто взорвала им мозг.

Как раз в этот момент я стоял в операционной комнате моей компании и заглядывал через плечо своего главного трейдера – Стива Сэндерса. Одним глазом я следил за множеством компьютерных мониторов, стоявших перед Стивом, а другим поглядывал в зеркальное окно, выходявшее в биржевой зал. Там творилось настоящее безумие. Брокеры вопили в телефонные трубки как оглашенные. Каждые несколько секунд очередная молодая ассистентка с копной светлых волос и глубоким декольте подбегала к зеркальному окну, прижималась к нему своими сиськами и просовывала в узкую щель в нижней части окна целую стопку бланков регистрации сделок. Один из четырех клерков в операционной комнате хватал бланки и забивал данные в компьютерную сеть – и они тут же появлялись на терминале собственных операций, перед которым сидел Стив, мгновенно распределявший эти заказы в соответствии с ситуацией на рынке.

Глядя на оранжевые цифры, мерцавшие на терминале перед Стивом, я ощущал какое-то извращенное чувство гордости: два придурка из Комиссии по ценным бумагам и биржам сидят сейчас в моем конференц-зале и пытаются найти следы жалкого револьверного выстрела, а я тем временем прямо перед их носом палю из базуки. Впрочем, их в основном волновал вопрос о том, как бы не замерзнуть до смерти, – это мы знали точно, мы ведь прослушивали каждое их слово.

К этому моменту более пятидесяти различных брокерских фирм лихорадочно скупали акции. Все они были разные, но их, однако, сближало то, что они все как одна собирались в конце дня, когда цена максимально поднимется, чтобы снова продать все акции до последней обратно «Стрэттон-Окмонт». И так как бумаги покупали все брокерские фирмы, то Комиссии никакими силами не удастся доказать, что это я задрал цену лота до 18 долларов.

Операция была невероятно проста и элегантна. При чем тут я? Разве это я взвинтил цены на акции? На самом-то деле я, конечно, и был основным продавцом. Я продал другим брокерским фирмам достаточное количество ценных бумаг, чтобы им было чем промочить горлышко, и поэтому они и дальше будут манипулировать новыми выпусками моих акций – но, с другой стороны, я продал им не так много, чтобы быть не в состоянии выкупить все обратно в конце торгов. Установить такой баланс было нелегко, однако тот простой факт, что цены на акции

«Стив Мэдден Шуз» взвинчивали другие брокерские фирмы, давал мне возможность прибегнуть в общении с Комиссией по ценным бумагам и биржам к «правдоподобному отрицанию». И когда они через месяц после всех этих событий судебным решением затребовали информацию о моих сделках, чтобы установить, что же произошло в первые минуты после открытия торгов, то увидели только, что цены на акции «Стив Мэдден Шуз» взвинчивали брокерские фирмы по всей Америке. И больше ничего.

Выходя из операционной комнаты, я велел Стиву ни при каких обстоятельствах не позволять цене упасть ниже 18 долларов. Нехорошо обижать всех брокеров с Уолл-стрит после того, как они столь любезно манипулировали моими акциями – в моих же интересах.

Глава 10

Распущенный китаец

Торги закончились, и новость о том, что активнее всего по всей Америке, а значит, и по всему миру торговались акции «Стив Мэдден Шуз», прошла в новостях «Доу-Джонса», так что об этом точно все узнали. *Весь мир! Ну мы и нахалы! Чистой воды нахалы!*

Да-да, «Стрэттон-Окмонт» обладала кое-какой властью! Вернее сказать, «Стрэттон-Окмонт» *сама и была* этой властью, а я, глава компании, восседал на самой ее вершине. Я чувствовал власть всем своим нутром, ее вибрации отдавались мне в сердце, в мозг, в печень и чресла. Более восьми миллионов акций перешли из рук в руки, торги закрылись при цене чуть меньше 19 долларов за лот, то есть за день цена бумаг выросла на пятьсот процентов. Это был самый большой процентный рост на бирже *NASDAQ*, на Нью-Йоркской фондовой бирже, на Американской фондовой, да и на всех других фондовых биржах мира. Да, всего мира – начиная с погребенной в норвежских снегах биржи в Осло и дальше на юг – до Австралийской фондовой биржи в Сиднее, прямо в кенгурином раю.

А пока что я стоял рядом с телетайпом, небрежно прислонившись к зеркальному окну своего кабинета и скрестив руки на груди. Это была поза мощного воина после победной битвы. Из биржевого зала по-прежнему раздавался мощный рев, но теперь он звучал по-иному. Менее напористо, более спокойно.

Уже почти настало время праздновать. Я засунул правую руку в карман и быстро проверил, не потерял ли я свои шесть таблеточек, не растворились ли они в воздухе. Кваалюд иногда таинственно исчезал. Обычно виной были «друзья», тырившие у меня таблетки, или же я сам был до такой степени под кайфом, что заглатывал их, а потом просто забывал об этом. Это была четвертая и, может быть, самая опасная фаза кайфа – полная амнезия. Первую фазу я называл «этапом иголок во всем теле», потом наступала фаза «невнятного бормотания», потом фаза «слюни изо рта», ну а затем, конечно, рукой подать до «полной амнезии».

Но на этот раз боги кайфа были милостивы ко мне, и таблетки никуда не исчезли. Я помедлил минутку, поглаживая их кончиками пальцев, что вызывало у меня совершенно иррациональное чувство счастья. Затем я принялся вычислять, когда же мне можно будет их скушать, и решил, что подходящее время наступит в половине пятого вечера, то есть, по моим подсчетам, примерно через двадцать пять минут. Таким образом у меня оставалась четверть часа на вечернее совещание, и тогда будет еще достаточно времени, чтобы взять на себя руководство запланированным на вечер безобразием – бритьем наголо молодой ассистентки.

Эта ассистентка крайне нуждалась в деньгах и поэтому согласилась надеть бразильский купальник-бикини, сесть на деревянную табуретку на глазах у всего биржевого зала и позволить нам побрить себя наголо. У нее была огромная грива сияющих светлых волос и прекрасная грудь, которую она недавно увеличила до размера D. Мы пообещали ей 10 тысяч наличными, и она собиралась погасить этими деньгами кредит, взятый как раз за операцию по увеличению груди, – до сих пор она смогла выплатить только двенадцать процентов кредита. Так что эта ситуация была выгодна для всех: волосы у нее через шесть месяцев отрастут, а на сиськах размера D больше не будет висеть никакой долг.

Я никак не мог решить, правильно ли я поступил, наложив вето на всю эту затею Дэнни с карликом. В конце концов, что тут такого плохого? Сначала мне показалось, что у Дэнни совсем крыша поехала, но потом я подумал и решил, что идея не так уж и плоха.

По сути дела, взять карлика и хорошенько пнуть его под зад – это просто богатырская потеха, которую вполне заслужил любой могучий воин. Это нечто вроде военного трофея, если можно так выразиться. Можно ли придумать лучший способ для мужчины ощутить собствен-

ный успех, чем возможность выплеснуть наружу все свои подростковые фантазии, независимо от того, насколько они странны?

Безусловно, можно найти множество доводов в пользу этого. Пусть слишком быстрый успех и порождает несколько сомнительные поступки, но в таком случае предусмотрительному молодому человеку достаточно просто заносить каждый свой неприглядный поступок в колонку «дебет» в своей моральной «балансовой ведомости», а затем – когда-нибудь в будущем, когда он станет старше и мудрее, – свести баланс при помощи какого-нибудь доброго, щедрого поступка (засчитав его, скажем так, в качестве морального кредита).

Но, с другой стороны, может быть, мы все просто распушенные маньяки – компания самоуверенных ублюдков, полностью лишенных тормозов? Да, распушенность у нас, у стрэттонцев, цвела пышным цветом. Но мы же опирались на нее, она была нам буквально необходима для выживания!

И именно поэтому, пресытившись обычными проявлениями распушенности, власть имущие (то есть я) почувствовали необходимость сформировать особую команду под руководством Дэнни Поруша, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту. Это было что-то вроде извращенной версии тамплиеров – чьи вечные поиски Святого Грааля вошли в легенду. Однако, в отличие от тамплиеров, рыцари-стрэттонцы искали во всех уголках планеты не священные реликвии, а все более и более распутные развлечения, которые помогли бы нам всем сохранить форму. Это не значит, что мы все подсели на героин или занялись чем-то еще столь же безвкусным: у нас была сильнейшая зависимость от адреналина, и нам нужны были все более и более высокие обрывы, с которых можно было бы прыгнуть, и все более и более мелкие бассейны, в которые можно было бы приземлиться.

Все это безумие официально стартовало в октябре 1989 года, когда Питер Галета, один из первых восьми моих сотрудников (ему был тогда двадцать один год), обновил наш стеклянный лифт, стремительно войдя сзади в роскошные чресла семнадцатилетней ассистентки, которая предварительно сделала ему столь же стремительный минет. Она была первой нашей секретаршей и, хорошо это или плохо, еще и красивой, невероятно развратной блондинкой.

Сначала я был шокирован и даже подумывал уволить Питера за то, что тот, так сказать, окунул свою ручку в корпоративную чернильницу. Но через неделю девчушка продемонстрировала прекрасное умение работать в команде, отсосав по очереди у всех восьми стрэттонцев: почти у всех в стеклянном лифте, а у меня – стоя на четвереньках у меня под столом. И делала она это в очень необычном стиле, который стал легендой «Стрэттон». Мы называли этот стиль «выкручивание и подергивание» – она работала сразу обеими руками, а ее язык превращался в настоящего крутящегося дервиша. Через месяц Дэнни безо всяких усилий удалось убедить меня, что было бы круто трахнуть ее вдвоем, что мы и сделали однажды субботним вечером, пока наши жены занимались шопингом и примеряли платья для рождественского обеда. По иронии судьбы, через три года, перетравав бог знает какое количество стрэттонцев, она в конце концов вышла замуж за одного из наших. Он был одним из первых восьми моих сотрудников – начал работать на меня, когда ему было всего шестнадцать! Бросил школу, чтобы жить Настоящей Жизнью.

В общем, он видел эту девочку в деле бесчисленное количество раз. Но ему было наплевать. Вот какова сила выкручивания и подергивания! Однако вскоре после свадьбы у него началась депрессия, и он покончил с собой. Это было первое, но далеко не последнее самоубийство в «Стрэттоне».

Если отвлечься от этой печальной детали, то в биржевом зале нормальное поведение считалось признаком дурного тона, такого человека считали занудой и кайфоломом, который не дает другим нормально развлекаться. Впрочем, разве само понятие «распушенность» не относительно? Римляне ведь не считали себя распушенными маньяками – готов поспорить,

что им казалось совершенно нормальным, когда их нелюбимых рабов скормливали львам в то самое время, как любимые рабы кормили господ виноградом из рук.

Тут я увидел, что ко мне с открытым ртом, бровями, заползшими высоко на лоб, и слегка задраным подбородком движется Дуболом. На лице у него было написано выражение жадного предвкушения, как будто он только что полжизни отдал за возможность задать мне один-единственный вопрос. Учитывая, что он был настоящим дуболомом, можно было не сомневаться, что вопрос будет либо жутко глупым, либо совершенно бессмысленным. Но как бы то ни было, я тоже воинственно выставил вперед подбородок и пронзительно посмотрел на Кенни. Хотя у него и была самая квадратная голова на всем Лонг-Айленде, он в общем и целом выглядел симпатично. У него были мягкие, округлые черты лица, как у маленького мальчика, и природа подарила ему довольно хорошее тело. Роста и веса он был среднего, что довольно удивительно, если вспомнить его родительницу.

Мамаша Дуболома, Глэдис Грин, была большой женщиной. Большой во всем.

У Глэдис Грин все было большое – начиная с макушки ее широкого еврейского черепа, над которым, словно ананас, на добрые шесть дюймов вздымался начес из светлых волос, и вниз – до толстых мозолистых пальцев и ступней сорок пятого размера. Шея у нее была как у калифорнийской секвойи, а плечи – как у полузащитника Национальной футбольной лиги. А брюхо... да, оно было большим, хотя там не было ни грамма жира. Такое брюхо можно увидеть у русских штангистов. И руки у нее были размером с крюки, на которые вешают туши в мясной лавке.

В последний раз Глэдис вывели из себя в момент, когда она собиралась расплатиться за покупки в супермаркете «Грэнд Юнион». Одна из типичных еврейских обитательниц Лонг-Айленда, обладавшая дурной привычкой совать свой длинный нос куда не надо, совершила прискорбную ошибку, заметив Глэдис, что у той многовато покупок для того, чтобы идти с ними в экспресс-кассу – порядочные люди так не делают! В ответ Глэдис молча развернулась и нанесла обидчице полноценный хук справа. Пока несчастная валялась без сознания, Глэдис спокойно расплатилась и неторопливо удалилась, причем пульс у нее так и не перевалил отметку 72.

Так что было легко понять, почему Дуболом лишь чуть-чуть менее безумен, чем Дэнни. Правда, в защиту Дуболома можно сказать, что в детстве на его долю выпало много неприятностей. Когда Кенни было всего двенадцать, его отец умер от рака. У него была оптовая табачная торговля, и при его жизни Глэдис даже не подозревала, насколько плохо он ведет дела – после смерти мужа на ней повисли сотни тысяч недоплаченных налогов. И в какой-то момент Глэдис оказалась в отчаянном положении: мать-одиночка на грани разорения.

Что оставалось делать? Свернуть все дела? Попросить у государства пособие? Ну уж нет! Она пустила в ход свой мощный материнский инстинкт и уговорила сына заняться рискованным, опасным делом – контрабандой сигарет. Она обучила его секретному искусству переупаковки «Мальборо» и «Лаки страйк» и перевозки их из Нью-Йорка в Нью-Джерси с фальшивыми акцизными марками. Так можно было нажиться на разнице в цене. Удача им сопутствовала, план сработал отлично, и семья осталась на плаву.

Но это было только начало. Когда Кенни исполнилось пятнадцать, его мать поняла, что он с друзьями стал покуривать – и вовсе не сигареты, а кое-что другое. И что – Глэдис пришла в отчаяние? Ничего подобного! Ни секунды не колеблясь, она сделала из юного Дуболома наркоторгаша – обеспечила ему начальный капитал, мотивацию, защиту и, конечно же, материнскую любовь и поддержку.

О да, друзья Кенни прекрасно знали, на что способна Глэдис Грин. О ней многое рассказывали. Но до насилия она никогда не опускалась. Подумайте сами, какому шестнадцатилетнему пацану захочется, чтобы в дверь его родителей постучалась еврейская мамаша в двести пятнадцать фунтов весом и потребовала у них бабки, которые сынок задолжал за наркоту?

Особенно если на этой мамаше будет фиолетовый полиэстеровый брючный костюм, фиолетовые туфли-лодочки сорок пятого размера и розовые очки в акриловой оправе с линзами размером с колесо?

Но Глэдис только разминалась. В конце концов, травку можно любить или не любить, но ее надо уважать, так как она открывает самую верную дорогу на рынок – особенно если ты имеешь дело с подростками. Поэтому Кенни и Глэдис очень быстро сообразили, что на подростковом наркорынке Лонг-Айленда есть и другие ниши. И что «боливийская пудра», кокаин, сулит такую прибыль, перед которой, конечно, не может устоять столь предприимчивая парочка, как Глэдис и Дуболом. На этот раз они взяли в долю еще одного партнера – друга детства Дуболома по имени Виктор Вонг.

Виктор был весьма интересным персонажем, хотя бы уже только потому, что он был самым массивным китайцем, когда-либо жившим на земле. Голова у него была как у гигантского панды, глаза как щелочки, а грудь шириной с Великую Китайскую стену. Он был как две капли воды похож на Оджоба – киллера из фильма «Голдфингер», который мог с двухсот шагов срезать вам башку, метнув в вас котелок с острыми как бритва стальными полями.

При этом Виктор был китайцем, которому, так сказать, впрыснули еврейство: он вырос среди самых разнузданных еврейских подростков, каких только можно встретить на Лонг-Айленде. Из этой же бездны, из городков вроде Джерихо и Сайоссет – этих гетто для высшего слоя еврейского среднего класса – поднялась на поверхность первая сотня моих стрэттонцев. И большая часть из них когда-то покупала наркотики у Кенни и Виктора.

Виктор, как и остальные недоучки – охотники за сновидениями с Лонг-Айленда, поступил ко мне на службу, но не в «Стрэттон-Окмонт»: он стал исполнительным директором одного из моих дочерних предприятий, открытого акционерного общества «Джудикейт». Офис его располагался здесь же, но внизу, в подвале, в нескольких шагах от веселого боевого отряда наших шлюх. «Джудикейт» занималась Альтернативным Разрешением Споров (сокращенно АРС) – под этим красивым названием скрывалась технология, позволявшая использовать вышедших на пенсию судей для разрешения гражданских споров между страховыми компаниями и их клиентами.

Компания даже сейчас почти дышала на ладан – еще один классический пример того, как бизнес может роскошно выглядеть на бумаге, но не в реальном мире. Уолл-стрит была просто забита подобными фирмами. К сожалению, человек, занимающийся тем, чем занимался я – венчурными предприятиями с небольшой капитализацией, – был просто обречен всегда сталкиваться с ними.

Несмотря на это, медленное угасание «Джудикейт» стало личной головной болью Виктора, хотя он в этом и не был виноват. В этой компании был некий фундаментальный изъян, и никто не смог бы добиться здесь успеха. Ну, или, по крайней мере, мало кто. Но Виктор был китайцем, и, как и большинство его собратьев, если бы ему пришлось выбирать между потерей лица и необходимостью отрезать и съесть собственные яйца, он бы с радостью схватил бритву и полоснул себя по мошонке. В данном случае, впрочем, такой выбор перед ним не стоял. Виктор так или иначе потерял лицо, и поэтому надо было что-то с этим делать. К тому же Дуболом вечно заступался за Виктора, так что для меня эта проблема превратилась в настоящую занозу в заднице.

Словом, я совсем не удивился, когда Дуболом произнес:

– Мы не могли бы сесть сегодня вечером с Виктором и попробовать все уладить?

Я изобразил непонимание и спросил в ответ:

– *Что* уладить, Кенни?

– Да брось ты, – отмахнулся Дуболом. – Нам нужно поговорить с Виктором о том, как ему открыть собственную фирму. Ему нужно твое благословение, он меня просто достал уже с этим!

– Он хочет моего благословения? Или моих денег? Чего именно?

– И того и другого, – быстро сказал Дуболом и, немного подумав, уточнил: – Он *крайне* нуждается и в том и в другом.

– Угу, – ответил я, показывая, что на меня это уточнение совершенно не произвело впечатления. – А если он *ни того, ни другого* не получит?

Дуболом издал глубокий дуболомный вздох.

– Ну что ты так настроен против Виктора? Он уже тысячу раз доказал свою преданность тебе. И он может снова поклясться в преданности – прямо сейчас – при трех свидетелях. Говорю тебе, Виктор – самый умный мужик, какого я знаю (кроме тебя, разумеется). Мы на нем состояние заработаем. Клянусь! Он уже нашел брокерскую контору, которую можно купить за гроши. Она называется «Дьюк Секьюритиз». Мне кажется, можно было бы дать ему денег. Ему и нужно-то всего пол-лимона, делов-то!

Я отрицательно покачал головой.

– Кенни, побереги свои просьбы на тот случай, когда тебе *действительно* что-то будет нужно. В любом случае сейчас совсем не тот момент, чтобы обсуждать будущее «Дьюк Секьюритиз». Мне кажется, у нас есть сейчас кое-что более важное, как считаешь?

Я махнул в сторону биржевого зала, где стайка ассистенток устраивала нечто вроде импровизированной парикмахерской.

Кенни наклонил голову набок, бросил рассеянный взгляд в сторону парикмахерской, но ничего не сказал.

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

– Послушай, кое-что в Викторе меня беспокоит. И для тебя это не новость – если, конечно, за последние пять лет ты хоть что-то понял в жизни. – Я не выдержал и усмехнулся: – Или, Кенни, ты действительно не понимаешь? Все эти его вечные замыслы и планы когда-нибудь в гроб его загонят. А вся эта его хрень с сохранением лица – да у меня нет ни времени, ни желания разбираться с этим, черт меня побери! И вообще, пойми ты уже наконец: Виктор – никогда – не – будет – верен. *Никогда!* Ни тебе, ни мне, ни самому себе. Да он отрежет свой китайский нос, чтобы сделать хуже своей собственной китайской морде – только ради того, чтобы победить в какой-то выдуманной войне, в которой он воюет только против самого себя. Понял?

Я усмехнулся – как можно более цинично. Затем сделал паузу и сказал более мягким тоном:

– Послушай, пожалуйста, ты знаешь, как я тебя люблю, Кенни. И ты знаешь, как я тебя уважаю.

Произнося все это, я с трудом подавлял желание захохотать.

– И *только поэтому* я поговорю с Виктором и постараюсь его успокоить. Но я делаю это не ради Виктора-блин-Вонга, который мне совершенно безразличен. Я это делаю ради Кенни Грина, которого я люблю. И, кстати, Виктор не может просто так вот взять и уйти из «Джудикейт». Сейчас, во всяком случае, не может. Я рассчитываю на твою помощь – он должен остаться до тех пор, пока я не сделаю все, что я задумал сделать.

Дуболом радостно кивнул.

– Нет проблем, – с облегчением сказал он. – Виктор прислушается ко мне. Если бы ты только знал, как он со мной...

Тут Дуболом начал изрыгать свою обычную дуболомовскую чушь, и я сразу же отключился. Вообще-то достаточно было посмотреть ему в глаза, чтобы понять, что он не уяснил ничего из того, что я ему сказал. Ведь по сути дела я пострадаю сильнее, чем Виктор, если «Джудикейт» обанкротится. Я был там крупнейшим акционером, и у меня было больше трех миллионов акций, а Виктору принадлежали только опционы на покупку, которые при нынешней цене акции в два доллара вообще ничего не стоили. А вот мне, как акционеру, принадле-

жало бумаг на шесть миллионов баксов. Но так или иначе, дела компании шли так плохо, что ее акции, по сути дела, нельзя было продать, разве что снизив цену до каких-то совсем уж грошей.

Если, конечно, за вами не стояла армия стрэттонских брокеров.

Однако в разработанной мной стратегии отхода была только одна заминка – дело в том, что мои акции пока что нельзя было выставить на продажу. Я купил их непосредственно у «Джудикейт» в соответствии с правилом 144 Комиссии по ценным бумагам и биржам, а значит, законно продать их можно было только спустя два года после покупки. До истечения двухлетнего срока оставался всего один месяц, так что мне нужно было, чтобы Виктор продержал компанию на плаву еще совсем недолго. Но эта вроде бы простая задача на поверку оказалась куда сложнее, чем я предполагал. Компания истекала деньгами – словно больной гемофилией, напорвшийся на розовый куст.

Теперь, когда опционы Виктора уже ничего не стоили, единственным его вознаграждением была зарплата в 100 тысяч долларов в год – ничтожная сумма по сравнению с бабками, которые зарабатывали на верхних этажах его ровесники. И при этом Виктор, в отличие от Дуболома, совсем не был дураком: он прекрасно понимал, что я использую мощь биржевого зала и продам акции, как только смогу это сделать. Он также прекрасно понимал, что, продав акции, я могу тут же забыть о его существовании – и он останется просто председателем правления никому не нужного акционерного общества.

Он сигнализировал мне о своей тревоге через Дуболома, которого привык использовать как свою марионетку еще со времен средней школы. А я уже много раз объяснял Виктору, что не собираюсь отворачиваться от него, что я в любом случае все ему возьму – даже если для этого мне придется сделать его своим подставным.

Но мне никак не удавалось заставить Хитрого Китайца поверить мне – вернее, удавалось, но только на несколько часов. Казалось, мои слова влетают у него в одно ухо, а в другое вылетают. Все дело заключалось в том, что у этого сукиного сына была настоящая паранойя. Всю свою юность он провел в качестве переростка-азиата в жестоком племени разнузданных евреев. В результате у него развился сильнейший комплекс неполноценности. Теперь он не верил разнузданным евреям и особенно мне, самому разнузданному еврею из всех, что он знал. На сегодняшний день я оказался умнее и хитрее и сумел его обойти.

Виктор с самого начала не вошел в число стрэттонцев из-за собственного раздутого эго. Вместо этого он занялся «Джудикейт». Он решил пробиться в мой внутренний круг своими силами, сохранив лицо. Его самооценка была ниже плинтуса из-за того, что в 1988 году он не принял верного решения, не поклялся мне в верности и не стал одним из первых стрэттонцев, когда все его друзья сделали это. Виктор считал «Джудикейт» лишь промежуточной остановкой, дававшей ему возможность снова встать в очередь и дожидаться момента, когда я хлопну его по плечу и скажу: «Вик, я хочу, чтобы ты открыл свою брокерскую фирму, вот тебе деньги и вот тебе люди, с которыми ты сможешь это сделать».

Это было мечтой каждого стрэттонца, и я намекал на это на каждом собрании, говоря, что если они будут хорошо работать и сохранять лояльность, то однажды я хлопну их по плечу и помогу им открыть собственный бизнес.

И вот тогда они по-настоящему разбогатеют.

Но к тому моменту я сделал так всего два раза: один раз с Аланом Липски, моим самым давним и самым верным другом, который теперь рулил фирмой «Монро Паркер Секьюритиз», и второй раз – с Эллиотом Левенстерном, еще одним старым другом, который теперь владел «Билтмор Секьюритиз». Эллиот был моим партнером еще в те времена, когда мы с ним торговали мороженым. Летом мы приходили на местный пляж, ходили от лежака к лежаку, впаривали загорающим итальянское мороженое и зарабатывали неплохие деньги. Мы вопили во все горло, расхваливая свой товар, таская за собой по песку сорокафунтовый переносной холодильник, а потом удирали от гонявших нас полицейских. Пока наши друзья били баклуши

или занимались разной фигней за 3,5 доллара в час, мы зарабатывали по 400 баксов в день. Каждое лето мы откладывали по двадцать тысяч долларов, и зимой у нас было чем заплатить за колледж.

В любом случае обе эти фирмы – и «Билтмор», и «Монро Паркер» – добились огромных успехов и приносили десятки миллионов в год, при этом каждый владелец тайно отстегивал мне ежегодно по пять лимонов просто за то, что я помог им начать дело.

Пять миллионов баксов – хорошие деньги, и на самом деле они платили их не за то, что я помог им начать свое дело. По сути, они таким образом проявляли свою преданность мне, выражали уважение. А главное – вся эта схема держалась на том, что они по-прежнему считали себя стрэттонцами. И я тоже считал их таковыми.

Вот так обстояли дела. Сколько бы Дуболом, стоя передо мной, ни бормотал о преданности Китайца, я знал, что все на самом деле не так. Каким образом человек, до сих пор глубоко обиженный на всех разнузданных евреев, может сохранять лояльность Волку с Уолл-стрит? Виктор был недоброжелательным человеком, и было очевидно, что он глубоко презирает всех стрэттонцев.

Все было ясно: не существовало никакой разумной причины для того, чтобы поддерживать Хитрого Китайца, но тут возникала другая проблема – не было никакого способа остановить его. Я мог только слегка его придержать. Но если я буду задерживать его слишком долго, то возникнет риск, что он начнет действовать без меня – так сказать, без моего благословения. А это создаст опасный прецедент и соблазн для остальных стрэттонцев – особенно если Виктор добьется успеха.

Какая печальная ирония, думал я, заключается в том факте, что моя власть на самом деле всего лишь иллюзия. Как быстро она может испариться, если я не буду думать на десять шагов вперед. У меня не оставалось иного выхода, кроме как мучительно принимать каждое решение, выискивая мельчайшие детали в мотивах каждого человека. Я ощущал себя извращенным специалистом по теории игр, который проводит лучшую часть своего дня в размышлениях, обдумывает все шаги и контрмеры и то, к каким результатам они приведут. Моя жизнь требовала невероятного эмоционального напряжения, и после прожитых таким образом пяти лет мне казалось, что из меня выжато все самое лучшее. В сущности, теперь я был спокоен и умиротворен только тогда, когда находился под кайфом или же входил в соблазнительные чресла моей соблазнительной Герцогини.

Так или иначе, Злобного Китайца нельзя было игнорировать. Для создания брокерской фирмы требовался совсем крошечный капитал, максимум полмиллиона. Это была сущая чепуха по сравнению с тем, что он сможет заработать в первые же месяцы. Китаец мог бы получить финансовую поддержку и от Дуболома, но это уже означало бы открытую войну со мной.

На самом деле Виктора удерживал только недостаток уверенности в себе – или просто боязнь рискнуть своим огромным китайским эго или своими маленькими китайскими яйцами. Китаец хотел уверенности, он хотел, чтобы его направляли, оказывали ему эмоциональную поддержку и защищали от тех, кто играет на понижение. И что особенно важно – он хотел получать лакомые куски новых выпусков стрэттонских акций, потому что круче их на Уолл-стрит ничего не было.

Он будет выпрашивать все это до тех пор, пока не сможет придумать, как самому это добыть.

Тогда ему уже ничего больше не будет от меня нужно.

Я подсчитал, что он выступит против меня примерно через шесть месяцев. Он продаст нам обратно все те акции, которые я ему дал, и это создаст ненужное давление, и стрэттонцам придется эти акции купить. В результате сделка уронит цену акций, это приведет к недовольству клиентов, и, что еще важнее, биржевой зал будет полон недовольных стрэттонцев. А Виктор постарается использовать это недовольство, чтобы попытаться переманить кое-кого

из моих сотрудников. Будет обещать им лучшую жизнь в «Дьюк Секьюритиз». Да, думал я, у него и вправду будут преимущества, потому что его компания будет маленькой и изворотливой. Мне будет сложно защититься от такого нападения. Ведь я был неуклюжим гигантом, уязвимым на периферии огромного тела.

Значит, надо решать проблему с Китайцем с позиции силы. Пусть я был уязвим на периферии, но зато в центре я круче крутого яйца. Значит, удар надо нанести из центра. Я соглашусь поддержать Виктора и разовью у него ложное чувство уверенности в себе, а затем, когда он меньше всего будет этого ждать, нанесу такой жестокий удар, что полностью его разорю.

Первый шаг будет таков: я попрошу Китайца подождать три месяца и дать мне достаточно времени, чтобы я мог избавиться от моих акций «Джудикейт». Китаец решит, что это логично, и ничего не заподозрит. Тем временем я займусь Дуболомом и добьюсь от него некоторых признаний. В конце концов, он был моим партнером в «Стрэттоне» и владел двадцатью процентами акций, тем самым преграждая путь к пирогу другим стрэттонцам, тоже хотевшим урвать свой кусок.

А когда Виктор с моей помощью создаст собственный бизнес, я постараюсь сделать так, что он будет зарабатывать приличные, но не слишком большие деньги. Тогда я посоветую ему определенные ценные бумаги, которые незаметно поставят его в слегка уязвимое положение. Есть кое-какие способы добиться этого, и раскусить подвох тут смог бы только самый искушенный трейдер. Виктор, конечно, в жизни не догадается. Я сыграю как раз на его огромном китайском эго и посоветую держать огромные позиции на его собственном счете торговых операций. И в тот момент, когда он будет меньше всего этого ждать, когда он будет наиболее уязвим, я обрушу на него всю свою мощь, нанесу смертельный удар и вообще выдавлю Растерянного Китайца из бизнеса к чертовой матери. Я буду продавать акции через таких трейдеров и на таких площадках, о которых Виктор никогда даже не слышал. Я буду действовать через людей, чью связь со мной он никогда не сможет вычислить, а он тем временем будет в растерянности скрести свою башку размером с голову панды. Я открою все шлюзы, и сквозь них хлынет такой быстрый и такой мощный поток, что Виктор не успеет даже ничего понять, как уже вылетит из бизнеса, и я больше о нем никогда ничего не услышу.

Конечно, в результате Дуболом тоже потеряет какие-то деньги, но он же все равно останется богатым человеком. Будем считать это побочным ущербом.

Я улыбнулся Дуболому.

– Говорю же тебе, я поговорю с Виктором из уважения к тебе. Но я смогу это сделать не раньше следующей недели. Давайте встретимся в Атлантик-Сити, когда мы рассчитаемся с нашими подставными. Виктор ведь тоже едет, правда?

Дуболом кивнул.

– Он приедет туда, куда ты скажешь.

Я тоже кивнул.

– А в ожидании нашей встречи, пожалуйста, вправь Китайцу мозги. Я не позволю давить на меня, пока я сам не приму решения. А это произойдет только после того, как я избавлюсь от акций «Джудикейт». Дошло?

Он гордо кивнул.

– Ему достаточно знать, что ты его поддержишь, и он будет ждать столько, сколько понадобится.

Сколько понадобится? Какой же Дуболом дурак! Это мне привиделось, или он сейчас опять продемонстрировал, что вообще ничего не соображает? Произнеся эти слова, он как раз подтвердил то, что я уже знал, – верность Неверного Китайца *зависела от обстоятельств*.

А сам Дуболом? Да, сегодня он был мне верен, он по-прежнему был стрэттонцем до мозга костей. Но никто не может долго служить двум господам, и уж точно нельзя этого делать вечно. А Хитрый Китаец как раз и был тем самым Другим Господином. Он ждал своего часа,

манипулируя слабым умишком Дуболома, сеял семена раздора в моих рядах, начав сразу с моего младшего партнера.

Мне было ясно: зреет война. В самом недалеком будущем она приблизится к моему порогу. Но эту войну я смогу выиграть.

Часть II

Глава 11

Страна подставных

Август 1993 года

(За четыре месяца до описываемых событий)

Где это я, черт меня побери?

Этот вопрос пришел мне в голову, едва меня пробудил отчетливый скрежет шасси, вылезавших из огромного брюха авиалайнера. Медленно приходя в себя, я увидел красно-синюю эмблему на спинке кресла перед собой и попытался осмыслить ситуацию.

Самолет – явно «Боинг-747»; номер моего места – 2А; место у окна, в салоне первого класса; и хотя глаза у меня вроде бы открыты, мой подбородок все еще покоится у меня на груди, а голова гудит так, будто меня огрели по черепу увесистой полицейской дубинкой.

«Неужели отходняк? – подумал я. – От кваалюда? Да быть того не может!»

Все еще в замешательстве, я вытянул шею, выглянул в маленький овальный иллюминатор слева от себя и попытался врубиться, что к чему. Солнце как раз всходило над горизонтом – значит, утро! Отличная подсказка! Мое настроение тут же улучшилось. Повернув голову, я окинул взглядом панораму под крылом: волнистые зеленые холмы, небольшой белоснежный городок, огромное бирюзовое озеро в форме полумесяца и гигантская струя воды, выстреливающая в воздух на сотни футов, – загляденье, да и только!

Стоп-стоп-стоп. Какого лешего меня вообще занесло на самолет? Да еще такой обшарпанный... А где мой «Гольфстрим»? И как долго я проспал?

Видимо, многовато кваалюда... О, боже! Феназепам!

Я был на грани отчаяния. Я пренебрег предупреждениями своего врача и смешал феназепам с кваалюдом! А ведь оба препарата были снотворными, только из разных групп. Если примешь что-то одно – результат предсказуем: от шести до восьми часов глубокого сна. А вот если принимать их вместе, все могло закончиться... А чем, собственно, все закончилось?

Глубоко вздохнув, я попытался подавить дурные мысли. И тут до меня дошло – ведь мой самолет садится в Швейцарии! Значит, все хорошо! Это дружественная территория! Нейтральная территория! Швейцарская территория! На этой территории полно всяких специальных швейцарских штучек – тающего во рту молочного шоколада, низложенных диктаторов, первоклассных часов, спрятанного нацистского золота, номерных банковских счетов, отмытых бабок, законов о банковской тайне, швейцарских франков... швейцарского кваалюда, в конце концов! Не страна, а сказка! И такая красивая с воздуха! Ни одного небоскреба в поле зрения, лишь тысячи крошечных домиков, и все на природе. А этот гейзер – невероятно! Швейцария! Ха! У них ведь даже имеется собственная разновидность кваалюда! Метаседил – так они его вроде бы зовут, если мне не изменяет память. Надо будет поговорить об этом с консьержем – я усилением воли постарался запомнить эту мысль.

Да, Швейцарию было за что любить, несмотря на то, что половина страны кишела лягушатниками, а другая половина – фрицами. Таково было последствие вековых войн и политических козней; страна буквально оказалась поделена надвое; Женева стала базой лягушатников, и там говорили по-французски, а Цюрих – питомником фрицев, и там говорили по-немецки.

Согласно моим еврейским убеждениям, делать дела можно было только с запрудившими Женеву лягушатниками, но никак не с заполонившими Цюрих фрицами, которые все свое время проводили в мерзкой лающей болтовне, наливались теплым, как моча, пивом и загла-

тывали шницели в таком количестве, пока их животы не отвисали, как сумки у только что разродившейся самки кенгуру. Не говоря уже о том, что среди них наверняка скрывалось немало нацистских ублюдков, до сих пор живших на золотые коронки, которые они вырвали у моих предков, прежде чем бросить их в газовые камеры!

Кроме того, делать бизнес во франкоговорящей Женеве было приятнее еще и по другой причине. Я имею в виду женщин. Да-да! В отличие от заплывавших Цюрих широкоплечих немок с такими бочками вместо сисек, что с ними впору играть в американский футбол, среднестатистическая француженка, фланирующая по улицам Женевы с пакетом из бутика в руке и пуделем на поводке, стройна и эффектна, даже невзирая на волосатые подмышки. При мысли о французских подмышках у меня вырвался невольный смешок. Ладно, моя цель – деловая Женева, и только она.

Отвернувшись от окна, я посмотрел направо. И обнаружил там спящего Дэнни Поруша. С раскрытым ртом, будто мух ловит, полным огромных белых зубов, ослепительно блистающих в лучах утреннего солнца. На левом запястье Дэнни красовался массивный золотой «ролекс» с таким количеством бриллиантов на циферблате, что их хватило бы на промышленный лазер. Золото сияло, бриллианты сверкали, но ни то ни другое все равно не могло сравниться с его зубами, блиставшими ярче сверхновой звезды. При этом на носу – нелепые очки в роговой оправе, с очевидно простыми стеклами! Ни дать ни взять – типичный васп, этакий респектабельный англосакс в первом классе, даром что чистопородный еврей по происхождению.

Подальше, справа от Дэнни, сидел организатор нашей поездки, Гэри Камински, самозванный эксперт по швейцарским банкам, а по совместительству – финансовый директор «Доллар Тайм Груп», весьма скользкой публичной компании, крупнейшим акционером которой угораздило стать меня. Как и Дэнни, Гэри Камински спал. Его смешной парик с проседью совершенно не совпадал по цвету с его чернильно-черными баками – похоже, парикмахер, который их красил, обладал завидным чувством юмора. Из нездорового любопытства (и по привычке) я воспользовался моментом, чтобы более пристально изучить чудовищную накладку Гэри. Точно, это же типичная работа Сая Сперлинга⁶ и его старого доброго «Клуба мужских волос»!

В этот самый момент мимо прошла стюардесса – да это же Франка! До чего все-таки забористая швейцарская штучка! Этакая эффектная и самоуверенная! Белокурые волосы, падающие на кремовую блузку с глухим воротничком. Настоящее кошунство – так прятать сексуальность! А эти сексапильные золотые крылышки, приколотые к блузке как раз на левой груди, – стюардесса, поди ж ты! Все-таки потрясающе породистые тут женщины, особенно эта, в своей красной юбке, туго обтянувшей бедра, и шелковых черных колготках. Что за потрясающий звук они издавали, когда она проходила мимо меня!

На самом деле последнее, что я мог припомнить, это мою попытку подкатить к Франке, когда мы еще были на земле, в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке. Я понравился ей. И, возможно, шанс был. Сегодня ночью! Швейцария! Я и Франка! Но разве мне откроют дверь, если я не постучусь?

С широкой улыбкой и голосом, достаточно громким для того, чтобы прорезаться сквозь мощный рев реактивных двигателей, я позвал: «Франка, любовь моя! Ну, подойди же ко мне! Поговори со мной хоть минутку!»

Франка повернулась на своих шпильках и приняла позу – руки сложенные под грудью, плечи, отведенные назад, спина изогнута легкой дугой, а бедра подняты в демонстрации презрения. Каким взглядом она меня осадил! Эти сузившиеся глазки... этот поджатый ротик... этот наморщенный носик... сколько яда!

---

⁶ Сай Сперлинг (Sy Sperling) – основатель одной из первых клиник по регенерации волос (1976).

Ладно, согласен, перебор. Поэтому... прежде чем я успел закончить свою мысль, Франка снова крутанулась на своих шпильках и пошла прочь.

Что случилось с хваленым швейцарским гостеприимством, черт возьми? Мне же вроде говорили, что все швейцарки – шлюхи? Или речь шла о шведках? Гм... да, кажется, шлюхи – это все шведки. И все же это не давало права Франке игнорировать меня! Я был уважаемым клиентом этой швейцарской авиакомпании, и мой билет стоил... не знаю точно, но, должно быть, кучу бабок! И что я получил взамен? Более широкое кресло и более вкусную еду? Так я все равно проспал на хрен всю эту еду!

Внезапно я почувствовал неодолимое желание отлить. Я взглянул вверх, на сигнал «Пристегните ремни». Черт! Он уже светился, но терпеть я не мог. У меня от рождения был очень маленький мочевого пузырь, а проспал я, наверное, добрых семь часов. Да пошли они! Что они мне сделают, если я встану? Арестуют за то, что я пошел справить нужду? Я попытался встать – и не смог.

Я оглядел себя. Боже всевышний! На мне был не один – на мне было целых четыре ремня. Я был связан! Чьи это долбаные шутки? Я повернул голову направо.

– Поруш, – рявкнул я. – А ну просыпайся, козел, и развяжи меня, козел!

Хоть бы хны. Он только сменил позу: закинул голову назад и продолжал пускать слюни из раскрытого рта. Слюни блестели на солнце, не хуже его зубов.

Еще раз, уже громче:

– Дэнни! Да, проснись, мать твою! Поруш!!! Проснись, скотина, и развяжи меня!

Опять ноль реакции. Я сделал глубокий вдох и медленно склонил голову на левое плечо, а затем мощным толчком бросил ее вправо и боднул Дэнни в плечо.

Через секунду его глаза раскрылись, а рот захлопнулся. Он потряс своей сонной башкой и уставился на меня сквозь нелепые чистые стекла.

– Что... Что случилось? Ты чего делаешь?

– Чего я делаю? Развяжи меня быстро – ты, скотина! Чтобы я мог сорвать эти идиотские очки с твоей тупой рожи!

Дэнни неуверенно улыбнулся:

– Не могу. Они тебя тогда долбанут электрошокером!

– Что? – переспросил я в замешательстве. – Что ты несешь? Кто это долбанет меня шокером?

Дэнни глубоко вздохнул и прошептал:

– Слушай сюда: у нас тут возникли кое-какие проблемы. Ты стал приставать к Франке, – он двинул подбородком в сторону ослепительной белокурой стюардессы, – где-то посреди Атлантического океана. И они чуть было не развернули самолет обратно. Но я уговорил их вместо этого связать тебя и пообещал, что буду стеречь тебя, чтобы ты не вылез из кресла. Швейцарская полиция, должно быть, уже поджидает нас на таможне. Думаю, они собираются арестовать тебя.

Я сделал глубокий вдох, пытаясь оживить свою кратковременную память. Не вышло. Совсем пав духом, я сказал:

– Я не понимаю, что ты говоришь, Дэнни. Я ничего не помню. Вот совсем ничегошеньки. Что я натворил?

Дэнни пожал плечами:

– Ты хватал ее за сиськи и пытался засунуть язык прямо ей в глотку. Все бы ничего, будь мы в другом месте, но здесь, в воздухе... да, здесь другие правила, не такие, как у нас в офисе. Только сдается мне – на самом-то деле ты ей нравишься! Вот приколы-то! – он покачал головой и поджал губы, будто хотел сказать: «Ты упустил хорошенькую киску, Джордан!» А затем произнес:

– Но потом ты попытался задрать ее короткую красную юбку, и тут она всерьез обиделась.

Я помотал головой, не веря своим ушам:

– Почему ты не остановил меня?

– Я пытался, но ты вызверился на меня. Что на тебя нашло?

– Ох... Не знаю точно, – пробормотал я. – Может быть... может быть, три... нет, скорее четыре квалюда... потом три этих голубеньких, как их – да, феназепам... и... не знаю – может быть, ксанакс?.. или морфин? Но морфин и феназепам мне прописал врач от болей в спине, так что сам-то я не виноват!

Я уцепился за эту спасительную мысль, стараясь не упускать ее как можно дольше. Однако реальность медленно брала верх над иллюзиями. Я откинулся назад в своем уютном кресле первого класса и попытался найти хоть какие-то плюсы в том, что произошло. Но вместо этого окончательно впал в панику:

– О, черт, Герцогиня! Что, если она узнает обо всем этом? Мне кранты, Дэнни! Что я ей скажу? Если все это попадет в газеты – о боже, да она меня на куски порвет! Никакие извинения, никакие оправдания не...

От ужаса я даже не смог закончить свою мысль и подавленно замолчал.

Но новая волна паники уже захлестнула меня:

– О, боже правый! Полиция! Мы ведь для чего полетели коммерческим рейсом – только чтобы сохранить инкогнито. А теперь... арест в чужой стране! О, господи! Убил бы сейчас доктора Эдельсона за то, что прописал мне эти таблетки! Он ведь знает, что я принимаю квалюд, – я в отчаянии искал козла отпущения, – и все же прописал мне снотворное! Он что, и героин прописал бы мне, козел хренов, попроси я его об этом?

Что это за ужасный кошмар! Что может быть хуже? Арест в Швейцарии – прачечной для денег со всего мира! Мы ведь еще даже не отмыли свои бабки, как уже попали в переплет! Плохое предзнаменование!

Я покивал головой с самым серьезным и тревожным видом:

– Развяжи меня, Дэнни, – сказал я. – Я не буду вставать.

И тут меня осенило:

– Может, мне пойти извиниться перед Франкой, так сказать, загладить инцидент? Сколько у тебя с собой наличных?

Дэнни начал развязывать меня:

– У меня двадцать штук баксов, но я не думаю, что тебе следует пытаться поговорить с ней. Это может только осложнить дело. Я более чем уверен, что ты опять начнешь совать свои лапы ей под юбку, так что...

– Заткнись, Поруш! – не выдержал я. – Кончай базар и давай развязывай меня!

Дэнни ухмыльнулся:

– Ладно! Только советую отдать мне на хранение твой квалюд. Я пронесу его через таможеню, так и быть, сделаю это для тебя.

Я кивнул. Я молился про себя, чтобы швейцарские власти не захотели предавать огласке историю, способную подмочить репутацию их собственной авиакомпании. И цеплялся за эту мысль, как собака за кость, пока мы медленно заходили на посадку над Женевой.

Держа шляпу в руке, прилипнув потной задницей к серому, отливающему голубизной металлическому стулу, я убеждал трех недоверчивых таможенных офицеров, сидевших напротив меня:

– Говорю вам, я ничего не помню. Я очень боюсь летать и поэтому взял с собой эти таблетки, – я указал на два пузырька, стоявших на сером металлическом столе между нами.

К счастью, на ярлыках обоих пузырьков красовалось мое имя. В данных обстоятельствах это оказалось крайне важным. Что до квалюда, он был надежно запрятан в прямой кишке

Дэнни, который, как я надеялся, к тому моменту уже благополучно прошел таможенный контроль.

Трое офицеров швейцарской таможни быстро заговорили друг с другом на странном диалекте французского языка. Это было удивительно – когда они говорили, им удавалось каким-то образом не размыкать губ, и их челюсти оставались крепко сжатыми.

Я украдкой огляделся. Что это за комната? Я в тюрьме? Спрашивать об этом у швейцарцев смысла не было. Их лица не выражали ровным счетом ничего, как будто это были бездумные автоматы, функционировавшие с точностью швейцарских часов. В комнате не было ни окон... ни картин... ни часов... ни телефонов... ни ручек или карандашей на столе... ни бумаги... ни ламп... ни компьютеров. В ней не было ничего, кроме четырех серых, отливавших голубизной стульев, стола такого же цвета и чахлой герани, явно загибавшейся медленной и мучительной смертью.

Господи! Может, мне нужно обратиться в американское посольство? Как бы не так – надо ж быть таким дураком! Я ведь наверняка фигурирую в каком-нибудь черном списке. Я должен сохранять инкогнито. Такова была цель – инкогнито.

Я посмотрел на трех офицеров. Они продолжали тараторить на швейцарском французском. Один держал пузырек феназепамы, другой – мой паспорт, а третий скреб свой безвольный швейцарский подбородок, будто именно он решал мою участь... А может, у него просто чесался подбородок?

Наконец, он перестал чесаться и сказал по-английски:

– Не могли бы вы соизволить рассказать нам вашу историю еще раз?

Не мог бы я... Что? Что за чушь он несет? С чего вдруг эти тупые лягушатники решили изъясняться в такой вычурной форме сослагательного наклонения? «Не мог бы я», да «не угодно ли мне», да «соизволить»... Почему бы просто не потребовать, чтобы я повторил рассказ? Так нет же! Они всего лишь хотят, чтобы я *соизволил* его повторить! Я глубоко вздохнул. Но прежде чем я начал говорить, дверь распахнулась и в комнату вошел четвертый таможенный офицер. И у этого лягушатника, заметил я, имелись на плечах капитанские лычки.

Не прошло и минуты, как первые три офицера вышли из комнаты с таким же отсутствующим видом, с каким и вошли. Я остался наедине с капитаном. Он улыбнулся мне тонкой лягушачьей улыбкой, потом достал пачку швейцарских сигарет и, прикурив, начал невозмутимо выпускать колечки дыма. А затем сделал прикольный трюк – выпустив такой клуб дыма, что не стало видно его рта, он втянул его в нос двумя густыми столбами. Вот это да! Даже в своем отчаянном положении я нашел это впечатляющим. Даже мой отец никогда такого не делал, а ведь он написал целую книгу о трюках, которые умеют проделывать курильщики! Если я выйду из этой комнаты живым, непременно расспрошу капитана, как он это делает.

Наконец, выпустив еще несколько колечек дыма и втянув их носом, швейцарец сказал:

– Мистер Белфорт, я приношу вам свои извинения за беспокойство, которое мы причинили вам из-за этого досадного недоразумения. Стюардесса согласилась не выдвигать против вас обвинения. Вы свободны и можете идти. Ваши друзья встретят вас снаружи; если желаете, я вас провожу.

Что? Неужели все так просто? Швейцарские банкиры уже поручились за меня? Подумать только! Волк с Уолл-стрит – в самом деле неуязвимый, причем в который раз!

Я расслабился, паника растворилась в воздухе, и в моем мозгу вновь забродили мысли о Франке. Улыбнувшись невинной улыбкой своему новому швейцарскому другу, я сказал:

– Коли уж вы интересуетесь, чего я желаю, то признаюсь вам честно: я хотел бы, чтобы вы каким-то образом свели меня с той самой стюардессой, – и я улыбнулся ему своей фирменной улыбкой Волка с Уолл-стрит.

Лицо капитана окаменело.

О, черт! Я умоляюще поднял руки вверх, ладонями к нему, и быстро добавил:

– Разумеется, только для того, чтобы я смог принести официальные извинения этой сексуальной штучке – то есть, я хотел сказать, этой достойной молодой леди – и, возможно, попытаться как-то загладить... возместить материально... ну, вы понимаете, что я имею в виду. – Я подавил сильнейшее желание ему подмигнуть.

Лягушатник наклонил голову на бок и уставился на меня так, словно хотел сказать: «Ты чокнутый урод!» Но вслух он произнес:

– Нам бы не хотелось, чтобы вы контактировали с этой стюардессой, пока вы находитесь в Швейцарии. По всей видимости, она... как это говорится по-английски? Она слегка...

– Травмирована? – подсказал я.

– Да, именно так – она травмирована. Лучше не скажешь. Нам бы хотелось, чтобы вы воздержались от контактов с ней при любых обстоятельствах. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что вы встретите в Швейцарии много женщин, которые вам понравятся, – если такова цель вашего визита. У вас явно есть нужные друзья, – с этими словами Капитан Желаний лично препроводил меня через таможню, забыв даже поставить штамп в мой паспорт.

В отличие от полета, моя поездка в автомобиле из аэропорта прошла тихо и без происшествий. И я был этому очень рад. Немножко спокойствия – какое облегчение после утреннего хаоса! Мой путь лежал в достославный отель «Ричмонд», предположительно, один из лучших отелей во всей Швейцарии. На самом деле, по мнению моих друзей из местных банковских кругов, «Ричмонд» точно был самой элегантной, самой изысканной гостиницей.

Однако по прибытии на место я обнаружил, что «изысканный» и «элегантный» – это швейцарские эвфемизмы, заменявшие такие неприятные слова, как «унылый» и «тоскливый». Едва я вошел в холл, как тут же заметил, что отель нашпигован антикварной лягушачьей мебелью в стиле Людовика XIV. Швейцар горделиво поведал мне, что вся обстановка – середины XVIII века. Но, на мой пронизывающий взгляд, королю Людовику следовало бы отправить на гильотину своего декоратора. Цветочный принт на потертом ковролине был из того сорта узоров с завитками, которые легко нарисует даже слепая мартышка, дай ей кисть в лапы. Цветовая гамма тоже была для меня непривычной – сочетание желтоватого, как собачья моча, и розового, как отрыжка. Я был уверен, что лягушатник-управляющий потратил кучу бабла на это дерьмо, но еврей-нувориш вроде меня видел его таким, каким оно и было, – настоящим дерьмом! Я бы предпочел, чтобы ковролин был новым и при этом ярким и веселым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.